This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav
4350
12.914

Digitized by Google

Digitized by Google

Slav 4350.12.914

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

Digitized by Google

Андреевичъ. рассл.

Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.

Съ приложеніемъ

автобіографіи Горькаго

и портретовъ

Горькаго и Чехова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная ул., д. № 3—5.
1900.

Digitized by Google

Slav 4350.12.914

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
April 21 1909

Digitized by Google

А. М. Пѣшковъ.
(М. Горькій).

Digitized by Google

Digitized by Google

Изъ автобіографіи М. Горькаго.

„Родился я,—пишетъ Горькій *),—14 марта 1868 или 9-го года въ Нижнемъ, въ семьѣ красильщика Василія Васильевича Каширина, отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Савватіева Пѣшкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. Съ тѣхъ поръ съ честью и незапятнанно ношу званіе цехового малярнаго цеха“. Прибавимъ, что мальчикъ былъ окрещенъ Алексѣемъ. Это имя Горькій при выборѣ псевдонима промѣнялъ на имя отца. Слѣдовательно, настоящее имя и фамилія Максима Горькаго—Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ.

Мальчикъ осиротѣлъ рано, „Отецъ умеръ въ Астрахани,—продолжаетъ г. Горькій,—когда мнѣ было 5 лѣтъ, мать—въ Канавинѣ-слободѣ. По смерти матери дѣдушка отдалъ меня въ магазинъ обуви; въ ту пору имѣлъ я 9 лѣтъ отъ роду и былъ дѣдомъ обученъ грамотѣ по Псалтири и Часослову. Изъ „мальчиковъ“ сбѣжалъ и поступилъ въ ученики къ чертежнику,—сбѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ въ поварята, потомъ въ помощники садовника. Въ сихъ занятіяхъ прожилъ до 15 лѣтъ, все время занимаясь усердно чтеніемъ классическихъ произведеній неизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: „Гуакъ или непрео-

*) См. „Семья“. 1899 г. № 35.

Digitized by Google

боримая вѣрность“, „Андрей Безстрашный“, „Япанча“, „Яшка Смертенскій“ и т. п.

„На пароходѣ, когда былъ поваренкомъ, на образованіе мое сильно вліялъ поваръ Смурый, который заставлялъ меня читать Житія святыхъ, Эккартгаузена, Гоголя, Глѣба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франко-масоновъ. До повара—терпѣть не могъ книгъ и всякой печатной бумаги, до паспорта включительно.

„Послѣ 15 лѣтъ возымѣлъ я свирѣпое желаніе учиться, съ какою цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что оное не принято, вслѣдствіе чего я поступилъ въ крендельное заведеніе, по 3 руб. въ мѣсяцъ. Это — самая тяжкая работа изъ всѣхъ опробованныхъ мною.

„Въ Казани близко сошелся и долго жилъ съ „бывшими людьми“ (зри „Коноваловъ“ и „Бывшіе люди“). Работалъ на Устьѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы“ и, прибавимъ, почитывалъ всевозможныя книжки, которыми пичкали добрые люди. Какъ тяжело жилось въ этомъ періодѣ Горькому, можно судить по тому, что въ 1888 г. онъ покушался на самоубійство, не имѣвшее, къ счастью, смертельнаго исхода: пуля на этотъ разъ оказалась не шальной и пощадила намъ талантливаго писателя. „Похворавъ, сколько требовалось, — продолжаетъ Горькій,—я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками“.

Послѣ Казани-мачехи Горькій пробуетъ счастья въ Царицынѣ, гдѣ занимаетъ должность жел.-дор. сторожа, а затѣмъ опять появляется, по случаю призыва, въ Нижнемъ. Въ солдаты, однако, Горькій не попадаетъ,— „дырявыхъ не берутъ“, а дѣлается продавцомъ баварскаго кваса. Наконецъ, многострадальный членъ „малярнаго цеха“ какими-то судьбами пристраивается пись-

Digitized by Google

моводителемъ у присяжнаго повѣреннаго Ланина. Это въ жизни Горькаго—важный остановочный пунктъ.

А. И. Ланинъ—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ пользуется большимъ уваженіемъ. Въ Горькомъ онъ принялъ участіе, равное отеческому. „Вліяніе его на мое образованіе было неизмѣримо огромно,—поясняетъ Горькій. —Это высокообразованный и благороднѣйшій человѣкъ, коему я обязанъ больше всѣхъ“. А. М. Пѣшковъ и А. И. Ланинъ, добавлю мимоходомъ, большіе друзья и теперь.

Какъ ни жилось хорошо А. М. у Ланина, гдѣ онъ отдохнулъ, наконецъ, душой, но его снова потянуло къ бродячей жизни. Бродилъ онъ и скитался не мало, при чемъ исколесилъ чуть ли не всю Россію. Гдѣ онъ только не бывалъ, какихъ работъ ни дѣлывалъ, чего не насмотрѣлся и не натерпѣлся! Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя бы очерки: „Чудра“, „Челкашъ“, „Мальва“, „Пилай“, „Изергиль“, „Мой спутникъ“, „Проходимецъ“, „О Соколѣ“ и др.

На мысль писателя впервые наткнулъ Горькаго его знакомый—Александръ Меѳодіевичъ Калюжный, „которому,—пишетъ авторъ,—я тоже многимъ обязанъ“. Первою вещью, появившейся въ печати, былъ разсказъ „Макаръ Чудра“, напечатанный въ октябрѣ 1892 или 1893 г. въ газетѣ „Кавказъ“. Скитанія привели тогда Горькаго въ Тифлисъ, гдѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Вернувшись затѣмъ въ родные края, Горькій началъ помѣщать свои очерки въ поволжскихъ газетахъ. Можетъ быть и здѣсь, въ новой для него области литературы, для Горькаго начался бы цѣлый рядъ въ своемъ родѣ скитаній, если бы не счастливый случай. „Въ Нижнемъ въ 93—94 г.,—сообщаетъ г. Горькій,—я познакомился съ В. Г. Короленко,

Digitized by Google

которому обязанъ тѣмъ, что попалъ въ большую литературу. Онъ очень много сдѣлалъ для меня, многое указалъ, многому научилъ. Первою вещью Горькаго, напечатанною въ толстомъ журналѣ, былъ „Челкашъ“, попавшій, благодаря В. Г. Короленко, въ „Русск. Бог.“. Вещь эта рѣшила судьбу Горькаго.

„Напишите объ этомъ, непремѣнно напишите“,—его, Горькаго, училъ писать Короленко, а если Горькій мало усвоилъ отъ Короленко—въ этомъ виновенъ онъ, Горькій. Пишите: первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ-поваръ Смурый, вторымъ—адвокатъ Ланинъ, третьимъ—Калюжный, человѣкъ „внѣ общества“, четвертымъ—Короленко.

Здѣсь конецъ автобіографіи Горькаго. „Больше, — заканчиваетъ онъ,—не хочу писать. Я разстроился и разстрогался при воспоминаніи объ этихъ великолѣпныхъ людяхъ“...

I.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я не хочу дать полной характеристики дарованія Горькаго и того вклада, который сдѣланъ имъ въ нашу литературу. О такой полной характеристикѣ было бы странно мечтать теперь, когда Горькому всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ и когда никто не знаетъ, до какихъ размѣровъ могутъ развернуться его силы. Но, все равно, то, что сдѣлалъ молодой писатель настолько значительно и оригинально, что заслуживаетъ очень пристальнаго вниманія къ себѣ.

Для очень и очень многихъ успѣхъ М. Горькаго былъ полной неожиданностью. Этотъ успѣхъ создался внезапно, какъ-то сразу и выросъ до большихъ размѣровъ просто и легко. Этотъ успѣхъ—точно красивый цвѣтокъ, распустившійся въ одну ночь и поражающій всякаго

Digitized by Google

своимъ великолѣпіемъ. И въ то же время нельзя не чувствовать, что этотъ успѣхъ не имѣетъ въ себѣ ничего случайнаго и легковѣснаго, что Горькій заставляетъ звучать въ душѣ читателей такія струны, которыхъ давно уже не удавалось съ одинаковой силой затронуть ни одному писателю. Всякій успѣхъ имѣетъ серьезное общественное значеніе, потому что говоритъ намъ, чего ищутъ люди въ данную минуту. Опредѣлить причины успѣха—обязанность критики, быть можетъ даже одна изъ главныхъ ея обязанностей—все равно какой это успѣхъ—дѣйствительный или призрачный, успѣхъ клуба атлетовъ или союза писателей, драмъ Шекспира или китайскихъ жонглеровъ. Главное, чтобы былъ успѣхъ, какъ соціологическое явленіе, какъ признанное вліяніе, потому что, если, вообще говоря, завистливые и ревниво оберегающіе свою дѣйствительную или призрачную самостоятельность люди допускаютъ чье-нибудь вліяніе надъ собой, значитъ оно удовлетворяетъ какой-нибудь насущной и тревожной потребности ихъ духа. Безъ этого дѣло не обходится и по поводу успѣха можно смѣло сказать, что дыма безъ огня не бываетъ.

Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности и слишкомъ пространныя общія разсужденія о духѣ нашего времени, я просто и откровенно разъясню, чѣмъ собственно лично мнѣ самому понравились произведенія Горькаго. Конечно, это очень и очень упрощенный пріемъ критики, но такъ какъ я живу въ той же обстановкѣ и тѣми же думами и заботами, какъ и большинство современниковъ, то, естественно, что элементы моего мышленія и настроенія должны быть приблизительно такіе же, какъ и у нихъ. Слѣдовательно, говоря отъ себя, я тѣмъ самымъ говорю отъ многихъ.

Digitized by Google

„Alors c'est une émeute!“ „Non, sir, c'est une révolution“,—отвѣчали Людовику XVI-ому.

Да, это литературная революція. Еще недавно сравнительно у насъ былъ періодъ своего Kulturkampf'a, періодъ торжествующей огромной вѣры въ силу знанія и его способность исцѣлять всякое жизненное зло. Это—шестидесятые годы, отчасти и семидесятые. Потомъ эта торжествующая вѣра пошатнулась, и вмѣсто „Матеріи и силы“ ищущіе люди стали зачитываться „Иродіадой“ и „Искушеніемъ св. Антонія“. Вся сила чувства, вся тоска по чистой, хорошей жизни была направлена могучей указкой Толстого въ одно узкое русло—служенія добру, служенія собственному нравственному усовершенствованію.

Прошло и это время. Мы можемъ смотрѣть ужъ на него какъ на наше недавнее прошлое и удивляться его напуганности. Эта напуганность отрывала людей отъ общества и науки, заставляла ихъ дрожать передъ собственной грѣховностью, спать чуть ли не въ гробахъ и носить кандалы всякаго рода мелочныхъ обязательствъ. Въ этомъ была видна робость мысли, страхъ передъ чѣмъ-то, что не поддается даже опредѣленію.

Горькій сказалъ намъ: „Трусы вы“ и водворилъ въ литературѣ своего босяка.

Мы смотримъ на этого босяка, мы любуемся на него, прислушиваемся къ его словамъ, удивляемся ему. Въ немъ есть что-то странное, необычное; онъ точно пришелъ къ намъ откуда-то издалека, изъ степей и лѣсовъ, и разсказалъ намъ о томъ, какъ *тамъ* свѣтитъ солнце, какъ *тамъ* поютъ птицы, какъ *тамъ* не дрожатъ люди. Мы откликнулись на этотъ призывъ очень осторожно, разумѣется, и очень благовоспитанно, конечно,—не стали босяками,—о чемъ и говорить нечего,—но все же от-

Digitized by Google

кликнулись, и въ душѣ каждаго изъ насъ шевельнулась мысль, что „да, пожалуй, слишкомъ уже много вольныхъ и невольныхъ стѣсненій наложили мы на свое культурное существованіе, слишкомъ туго затянулись всякими условностями, всякими приличіями и обычаями и не мѣшало бы чувствовать себя посвободнѣе“. Это не Богъ знаетъ что такое особенное, но когда вся жизнь человѣка огорожена палями всякихъ правилъ, а страхъ—мучительный, принижающій страхъ передъ угрозами завтрашняго дня—едва ли не составляетъ сущности его бытія, то, пожалуй, на первый разъ достаточно и этого.

„Трусы вы“,—сказалъ Горькій и показалъ намъ своего босяка. Быть можетъ, его босякъ—призракъ, быть можетъ, такого босяка вы не найдете ни въ одной трущобѣ, но это безразлично. Развѣ люди когда-нибудь жили, да и теперь еще развѣ они живутъ одною дѣйствительностью?

На эту тему у Щедрина есть превосходная сказка, которая называется „Баранъ непомнящій“. Суть ея сводится къ тому, что непомнящій баранъ, откормленный и породистый, несомнѣнный питомецъ усовершенствованной бараньей культуры, съ легкимъ сердцемъ наслаждается всѣми прелестями бытія въ видѣ обильной пищи, прекраснаго ухода, обилія хорошенькихъ и податливыхъ ярочекъ и какъ нельзя лучше исполняетъ обязанности, ради которыхъ онъ призванъ—улучшеніе стада. Всѣ имъ довольны, хозяинъ имъ не нахвалится. На бѣду барану непомнящему случилось увидѣть во снѣ свободнаго барана. Тутъ все пошло прахомъ. Затосковалъ непомнящій, и все ему очертѣло: ни пьетъ, ни ѣстъ, а ярочекъ такъ бодаетъ, какъ будто онѣ гнусныя какія. Что ни пробовали дѣлать съ нимъ—ничего не

Digitized by Google

выходило: ни ласка, ни строгость, ни особенная пшеница, ни арапники не помогали; пришлось дать непомнящему чистую отставку, такъ какъ очевидно, что послѣ своего страннаго сна ни на что онъ болѣе не сталъ пригоденъ.

Да, странный сонъ увидѣлъ баранъ непомнящій, и должно быть въ какомъ-нибудь особенномъ ореолѣ красоты и величія явился къ нему во снѣ свободный собратъ. Можетъ быть у того глаза сверкали какимъ-нибудь особеннымъ блескомъ; можетъ быть въ лицѣ у него было выраженіе, ничего общаго съ бараньимъ не имѣющее; можетъ быть онъ слово такое зналъ, отъ котораго даже откормленнаго, породистаго барана бросаетъ въ краску стыда и негодованія... Все можетъ быть... и для насъ теперь важенъ самый фактъ.

Водвореніе босяка въ литературѣ—лишнее напоминаніе о томъ, что не всегда выгодно мѣнять свое первенство, свое человѣческое достоинство и кое-какія черты внутренней свободы духа за чечевичную похлебку. Безпокойство, неудовлетворенность и отчаяніе часто являются естественными послѣдствіями такого рода мѣны. Между прочимъ это—вѣчная и дѣйствительно красивая тема литературы, за которую не разъ брались наши классики.

Чтобы быть ближе къ босякамъ, напомню въ двухъ строкахъ кое-что изъ Успенскаго.

Въ одномъ изъ его разсказовъ подвыпившій мѣщанинъ такъ объясняетъ свое пониманіе воли и независимости: „А вотъ теперь... ха-ачу—сниму сапогъ, ха-ачу—надѣну. И никто мнѣ воспрепятствовать не можетъ. Ха-ачу—сниму, ха-ачу—надѣну...“ Произнося эти смѣхотворныя слова, мѣщанинъ плачетъ хотя пьяными, но искренними слезами, потому что за „сапогомъ“ скрывается много невысказаннаго горя, много вынесенныхъ

Digitized by Google

мукъ. Мѣщанина всѣ „гнули“ съ самаго дѣтства, каждый въ ту сторону, какую хотѣлъ, даже „мамынька“,— и милліоны полученныхъ имъ затрещинъ имѣли единственно цѣлью стереть въ немъ всякое представленіе о своей личности и заставить его сидѣть, ходить и даже любить не иначе, какъ по прихоти окружающихъ. Вырвался человѣкъ на минутную свободу, заговорило въ немъ, хотя бы смутно и неясно, какое-то забитое и робкое представленіе о своемъ „я“, и принялся онъ за свое смѣхотворное дѣло, поливая его слезами. А ни въ чемъ другомъ своей свободы проявить онъ не могъ и не умѣлъ, и никакого другого подвига, кромѣ сниманія и одѣванія сапога, онъ въ данную минуту—да, вѣроятно, и во всю свою жизнь—совершить былъ не силахъ. Но для него, очевидно, этотъ самый дурацкій подвигъ имѣетъ рѣшающее, пожалуй, даже абсолютное значеніе.

„Вотъ и думаю я: возьму и пропью... все“,—говоритъ другой герой Успенскаго.

Формула и тутъ дурацкая, безсмысленная, но подоплека ея та же, какъ и въ процессѣ обувки и разувки. Надоѣло человѣку жить такъ, какъ онъ жилъ раньше. „Очертѣли“ ему эти постоянныя заботы и думы о благополучіи и хозяйствѣ, о маленькомъ довольствѣ, не въ силахъ больше душа оставаться въ чертѣ осѣдлости, указанной ей бытіемъ, и рвется она куда-то, рвется порывисто, безтолково, руководимая самымъ смутнымъ представленіемъ о жизни, рвется, какъ арестантъ изъ душной тюрьмы на волю. А гдѣ же воля? Все равно, какъ наши первые переселенцы исходили десятки тысячъ верстъ, отыскивая кто истоковъ Енисея, кто города, построеннаго нѣкимъ „богоугоднымъ старцемъ Павломъ“, кто „Азіатской Европы“, такъ бродятъ по

Digitized by Google

землѣ русской эти темныя забитыя души въ поискахъ чего-то...

У Успенскаго нѣтъ ни одного цѣльнаго типа бродяги, весь душевный міръ котораго опредѣлялся бы исключительно стихійнымъ порывомъ къ привольной жизни; нѣтъ, быть можетъ, просто потому, что такіе всецѣло казацкіе типы—явленіе рѣдкое и экстраординарное, но зато онъ превосходно опредѣлилъ всѣ условія, которыя могутъ выработать такой типъ. Въ сущности всѣ эти условія сводятся къ одному основному: жизнь ежесекундно гнетъ человѣка въ бараній рогъ. И большинство, конечно, гнется; но вотъ находится одинъ какой-нибудь на тысячу, особенно упругій, что ли, и срывается съ предназначеннаго ему мѣста.

Тогда на сцену выступаетъ босякъ, и въ этомъ босякѣ есть что-то „символическое“...

Конечно, мы не первый день живемъ на свѣтѣ, и не первый разъ герои Горькаго появляются на страницахъ нашихъ литературныхъ произведеній. Напротивъ того: всякій знаетъ, что имъ посвящены даже такія классическія произведенія, какъ „Записки изъ мертваго дома“ Достоевскаго. Затѣмъ, есть у насъ Помяловскій, есть Левитовъ, есть Мельшинъ, есть Максимовъ, есть десятки другихъ, менѣе замѣтныхъ и даже совсѣмъ незамѣтныхъ писателей, находившихъ свое вдохновеніе въ трущобахъ и вертепахъ,—но все это не то. Если условія нашей общественности создали особый интересъ къ бродячему и босому народу, то тѣ же условія вызвали и особое отношеніе къ нему, отношеніе глубокой жалости и состраданія, какъ къ даромъ пропадающимъ силамъ, которымъ, разумѣется, надо прежде всего школу и школу, чтобы онѣ нашли истинное свое примѣненіе. Не спорю, и жалость и состраданіе—превосходныя чув-

Digitized by Google

ства: одинаково прекрасно стоять на стражѣ интересовъ культуры и высоко держать ея знамя. Но дерзость Горькаго прежде всего въ томъ и заключается, что никакой въ сущности жалости онъ къ своимъ босякамъ не питаетъ, никакого состраданія къ нимъ не высказываетъ, никакихъ интересовъ культуры подъ свою защиту не беретъ, а, повторяю, очень часто любуется ими, какъ цѣльными, искренними и „глубоко алчущими“ натурами, нисколько не отрицая того, что они „очень злы“, никакихъ общественныхъ чувствъ не имѣютъ и любви къ ближнему не питаютъ. Для нашей беллетристики это что-то совсѣмъ новое, да,—насколько я знакомъ съ литературой вообще,—и не только для нашей. Это, если хотите, разнузданный, но удивительно привлекательный культъ „свободы“, это дерзкій вызовъ, брошенный въ лицо культурному обществу, одинаково изолгавшемуся въ своихъ добродѣтеляхъ и порокахъ, это живой вопросъ намъ: „Почему вы такъ довольны собой и въ то же время такъ боитесь всего, точно совершили какое-нибудь преступленіе?“ и въ этомъ вопросѣ слышится упрекъ и негодованіе.

Въ этой своей статьѣ я хочу разсмотрѣть литературный типъ босяка. Это большая работа, но я постараюсь не расплываться въ мелочахъ. Я начну съ самой общей характеристики босяковъ Горькаго.

Босякъ—явленіе въ высшей степени важное и характерное въ глазахъ Горькаго, который посвящаетъ ему всѣ свои силы, все свое поэтическое одушевленіе, весь свой талантъ. Онъ видитъ въ немъ не только необходимое и стихійное, но—порою—красивое и могучее. Осѣдлые люди или совершенно не интересуютъ его, или

Digitized by Google

стоятъ у него на второмъ планѣ. Бродяги и бродяжество, такъ сказать, покрывали для него въ началѣ его литературной карьеры всю русскую жизнь, и онъ настойчиво возвращается къ своимъ босымъ героямъ, пораженный то странностью, то глубиной ихъ психологіи. По осѣдлымъ людямъ пока его перо только скользило и—любопытно: когда они фигурируютъ въ его произведеніяхъ, то всегда въ самомъ не авантажномъ видѣ. Возьмите, напр., разсказъ „Челкашъ". Челкашъ—босякъ и бродяга, обкрадывающій портовую таможню. Разъ какъ-то онъ подговорилъ крестьянскаго парня—Гаврилу—принять участіе въ одной изъ безчисленныхъ своихъ экскурсій. Экскурсія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, хотя герои ея нѣсколько разъ подвергались опасности вѣрной смерти. Наступаетъ время дѣлежа. Челкашъ дѣлится честно, „по-босяцки", но при видѣ пачки радужныхъ жадность Гаврилы разгорѣлась, и онъ пытается даже убить своего товарища. Любопытна сцена, предшествовавшая покушенію:

„Вдругъ Гаврила сорвался съ своего мѣста, бросился къ ногамъ Челкаша, обнялъ ихъ своими руками и дернулъ къ себѣ. Челкашъ пошатнулся, грузно сѣлъ на песокъ и, скрипнувъ зубами, рѣзко взмахнулъ въ воздухѣ своей длинной рукой. Но онъ не успѣлъ ударить, остановленный стыдливымъ и просительнымъ шопотомъ Гаврилы: „Голубчикъ, дай ты мнѣ... эти деньги. Дай Христа ради!.. Что онѣ тебѣ? Вѣдь въ одну ночь, только ночь... А мнѣ года нужно... Сдѣлай доброе дѣло! Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!.."—Челкашъ, испуганный, изумленный, озлобленный, сидѣлъ на пескѣ, откинувшись назадъ и упираясь въ него руками, сидѣлъ, молчалъ и страшно таращилъ глаза на парня, уткнувшагося го-

Digitized by Google

ловой въ его колѣни и шептавшаго, задыхаясь, свои мольбы. Онъ оттолкнулъ его, наконецъ вскочилъ на ноги и, сунувъ руки въ карманъ, бросилъ Гаврилѣ радужныя бумажки. „На, собака! Жри!..“—гаркнулъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ. „Самъ я хотѣлъ тебѣ больше дать... Ждалъ я, что ты сдѣлаешь, попросишь —нѣтъ? А ты... Эхъ, войлокъ! Нищій! Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ!.. Жадные черти! себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаете! а?..“—„Голубчикъ! Спаси тебя Христосъ! Вѣдь это теперь у меня что?! тысячи!! я теперь богачъ!“—визжалъ Гаврила въ восторгѣ. Челкашъ слушалъ его визги, вопли, смотрѣлъ на его сіявшее, искаженное жадной радостью лицо и чувствовалъ, что онъ, воръ и гуляка, оторванный отъ всего въ жизни, никогда не будетъ такимъ жаднымъ, нищимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!..“

Какъ ни толкуйте эту сцену и послѣднюю, когда Челкашъ, едва не убитый Гаврилой, все же отдаетъ ему деньги: въ ней только два лица—герой и рабъ. Рабъ это, конечно, Гаврила со всѣми аттрибутами, присвоенными этому низкому званію. Сначала онъ нюнитъ и жалится, потомъ бросается на колѣни и молитъ; потомъ визжитъ отъ восторга, наконецъ, чуть не убиваетъ самонадѣяннаго босяка ударомъ „сзади“. Челкашъ своей безпечной удалью, полнымъ презрѣніемъ къ опасностямъ и смерти, своею щедростью вырастаетъ въ настоящаго героя. Вы слышите въ его словахъ голосъ вольнаго человѣка, нисколько не опутаннаго жизнью, не связаннаго ея заботами, а такъ или иначе

Digitized by Google

ставшаго выше ея. Что симпатіи г. Горькаго на его сторонѣ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Онъ старательно отмѣчаетъ въ Челкашѣ все хорошее, что только можно найти въ немъ, напр., чувство жалости къ Гаврилѣ, пробужденное воспоминаніями о деревнѣ, желаніе помочь несчастному парню, возвращающемуся домой послѣ безплодныхъ исканій работы. Гаврилу же онъ прямо называетъ „жаднымъ рабомъ", брезгливо описываетъ его „визжащую радость" и даже его раскаяніе, послѣдовавшее за попыткой убійства. Что же подкупило его въ Челкашѣ? Конечно, казацкая удаль и босяцкое презрѣніе къ благамъ и заботамъ вседневнаго существованія.

Пусть читатель не подумаетъ, что Горькій обмолвился своимъ Челкашемъ. Обмолвиться можно разъ, два, но не двадцать разъ подъ-рядъ. Нельзя, словомъ, изъ обмолвки сдѣлать идею своихъ произведеній, занимающихъ какъ никакъ, а все же нѣсколько порядочныхъ томиковъ.

Посмотрите, напр., какъ разсуждаетъ о женщинѣ необразованный, грубый „Серега" въ разсказѣ „Мальва". „Эхъ, вы, землекопы тупорылые!—философствуетъ онъ по адресу „дворянъ отъ сохи",—ни чорта вы въ жизни понимать не можете. Вамъ бы только титьки у бабы были жирныя... а характера ея вамъ не надо. А въ характерѣ-то и весь цвѣтъ у человѣка... безъ характера баба—безъ соли хлѣбъ. Можешь ты получить удовольствіе отъ такой балалайки, у которой струнъ нѣтъ? Кобель!.." А объ образованныхъ босякахъ (изъ падшихъ интеллигентовъ) и говорить нечего. Тѣ не только гуманизмъ проповѣдуютъ, но и стоятъ на „стражѣ общественныхъ интересовъ" („Учитель" въ разсказѣ „Бывшіе люди" и т. д.).

Каждому своему герою изъ босяковъ Горькій даетъ

Digitized by Google

полную возможность проявить себя съ самой лучшей стороны, вырасти въ крупную величину, хотя бы на мгновеніе. Онъ не только видитъ важность въ жизни, но и своеобразную красоту. Для Мальвы эта красота въ томъ, что она—„сама себѣ госпожа“, также и для добродушнаго солдата („Въ степи“), который даже пускается по этому поводу въ поэзію: „Люблю я, другъ,—говоритъ онъ,—эту бродяжную жизнь. Оно и холодно, и голодно, но—свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... Самъ ты въ своей жизни хозяинъ... Хоть голову себѣ откуси—никто тебѣ слова не можетъ сказать... Хорошо... Наголодался я за эти дни, назлился... а вотъ теперь лежу, смотрю въ небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ, ровно говорятъ: ничего, Лакутинъ, ходи, знай, по землѣ и никому не поддавайся... Н-да. И хорошо на сердцѣ...“ И какъ бы ни жилось хорошо босяку на одномъ мѣстѣ, его рано или поздно „прорветъ“, — онъ броситъ и теплый уголъ, и вѣрный кусокъ хлѣба, и любимую женщину и пустится въ свое безплодное шатанье—оборванный, грязный, полуголодный. Все постоянное, устойчивое вызываетъ въ немъ печаль, презрѣніе и предсердечную тоску, которую онъ то заливаетъ водкой, то старается разсѣять по вольному вѣтру степей. Его сосетъ червякъ бродяжества, перемѣны, хотя въ душѣ онъ твердо убѣжденъ, что нигдѣ и никогда не найдетъ ничего новаго и интереснаго для себя; его постоянно тянетъ куда-то, въ невѣдомую даль, за эти горы, заслонившія горизонтъ, въ ту сторону, куда упало солнце или откуда всплыло оно. „Мнѣ всегда хочется чего-то,—задумчиво заговорила Мальва.—А чего?.. Не знаю. Иной разъ сѣла бы въ лодку!—и въ море... далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать. А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла, да и

Digitized by Google

пустила волчкомъ вокругъ себя,—смотрѣла бы на него и смѣялась. То жалко всѣхъ мнѣ, а пуще всѣхъ—себя самое... то избила бы весь народъ... И потомъ бы себя страшной смертью... И тоскливо мнѣ, и весело бываетъ... А люди всѣ какіе-то дубовые". Очевидно, что это не только бродяжество ногъ, а мыслей, чувствъ, настроеній, это неоформленный, безсодержательный порывъ къ свободѣ. И всѣ босяки бросаютъ насиженное мѣсто и едва зародившіяся привязанности не по какому-нибудь достаточному основанію, а просто такъ. „Какого чорта" они сидятъ на мѣстѣ, они и сами не знаютъ; „какого чорта" снимаются съ него—непонятно для нихъ самихъ. Конечно, въ концѣ концовъ, образуется привычка, но въ основѣ-то своей бродяжество и босячество—съ точки зрѣнія Горькаго — явленіе стихійное. Останавливаясь передъ его распространенностью, его властностью, увлекаясь даже его своеобразной красотой, Горькій даже не думаетъ разъяснить намъ его причины, сами же босяки дальше: „такъ", „осѣдлость не по мнѣ", „на душѣ безпокойство", „планида такая" и пр. не идутъ.

Босяки Горькаго трутся въ городахъ, но туда загоняетъ ихъ прежде всего одна жестокая необходимость, возможность достать себѣ работишку хоть какую-нибудь и обиліе водки. Но въ душѣ каждый изъ нихъ въ большей или меньшей степени раздѣляетъ взгляды Коновалова. Они мечтаютъ о какомъ-то особенномъ просторѣ и привольѣ, когда „идешь и все видишь новое... И ни о чемъ не думается... Дуетъ тебѣ вѣтерокъ навстрѣчу, точно онъ выгоняетъ изъ души всякую пыль... легко..."

Выше мы видѣли, что деревня пользуется у босяковъ не лучшей репутаціей, чѣмъ городъ. Даже худшей. Тамъ тѣ же стѣсненія, та же осѣдлость, тѣ же

Digitized by Google

цѣпи общественныхъ отношеній, но въ городѣ умный человѣкъ все-таки можетъ найти что-нибудь для себя, въ деревнѣ же ему совершенно нечего дѣлать... Мужики— это землеѣды тупорылые и ничего больше. „Я, видишь ты,—безаппеляціонно рѣшаетъ вѣчно пьяный Сережка,— всѣхъ мужиковъ не люблю... они—сволочи“. Они трусливы и жадны и доходятъ до такой степени неприличія, что со всякаго прохожаго требуютъ паспортъ. Это ужъ, конечно, „чортъ знаетъ, что такое“.

Ни городская, ни деревенская, ни вообще культурная или только напоминающая собою культурную, выбивающаяся въ нее жизнь не можетъ дать удовлетворенія „настоящему человѣку“, потому что повсюду онъ чувствуетъ себя „dans les fers“. Это ужъ какая-то стихійная жажда свободы, свободы отъ всего, отъ всякихъ обязательствъ, отъ всякой общественности, свободы ради нея самой, никакъ не формулированной, ни въ какой формулировкѣ не нуждающейся...

Мы оказываемся, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ оригинальнымъ романтизмомъ, нѣсколько напоминающимъ старые разбойничьи романы, гдѣ молодецкая удаль и порывистая душевная щедрость замѣняли весь кодексъ общежитія и морали. Мы охотно вѣримъ, что Горькій все описанное имъ видѣлъ собственными глазами и многое самъ испыталъ, но намъ кажется, что онъ придалъ всѣмъ своимъ картинамъ слишкомъ одностороннюю окраску. Это ничего, что онъ не чуждается даже натуралистическихъ пріемовъ и въ нѣкоторыхъ сценахъ, напр., купанья Мальвы, доводитъ ихъ до такой степени, что самому, къ счастью, забытому Полю Алексису въ пору,—онъ все же остается романтикомъ отъ начала до конца. Его босяки рѣдко производятъ впечатлѣніе живыхъ людей, съ плотью и

Digitized by Google

кровью: это разновидности все одной и той же идеи—стихійнаго стремленія къ полной, абсолютной свободѣ. Иногда оно принимаетъ, дѣйствительно, величавую и поэтическую форму, напр., въ фигурѣ цыгана Зобара,—несомнѣнно героя изъ конокрадовъ,—или Мальвы, этой прикаспійской сирены съ русалочными глазами,—иногда спускается до полной прострацiи, какъ въ фигурахъ большинства изъ „бывшихъ людей“, но мы всегда и повсюду встрѣчаемся съ нимъ, его окраской, его смѣлыми, расширяющими грудь нотами. Красиво, чортъ возьми!—хочется воскликнуть порою, слушая превосходный разсказъ Горькаго о любовной драмѣ Зобара или любовныхъ приключеніяхъ старухи Изергиль... и оно несмнѣнно красиво. Босяки Горькаго получили, такъ сказать, благословеніе бога Митры, освободившаго ихъ отъ страха существованія, отъ тревожныхъ думъ и заботъ о завтрашнемъ днѣ, холопства передъ деньгами,—но чѣмъ они замѣнили все это!—одурью водки, одурью метанья, одурью „недуманья“. Богъ Митра влѣзъ въ сороковку и привѣтливо улыбается оттуда своимъ избранникамъ. Въ сущности—одна грусть, и эта грусть превосходно выступила бы наружу, будь босяцкія темы обработаны такимъ скептическимъ и въ основѣ своей трезвымъ талантомъ, какъ Гл. Ив. Успенскій или даже Левитовъ. Но Горькій, какъ настоящій романтикъ, не то, что не видитъ дѣйствительности, но, весь поглощенный своей идеей, весь отдавшись очарованію стихійнаго стремленія къ свободѣ, выбираетъ изъ дѣйствительности только то, что ему нравится, что можетъ служить матеріаломъ для красивой картины, отвѣчающей его настроенію.

Только одинъ разъ, и только одинъ босякъ совершаетъ въ его произведеніяхъ самую каторжную гадость

Digitized by Google

(„Въ степи“), вообще же босяки—народъ милый и добродушный, даже прелесть что такое за народъ: щедрый, жалостливый, любвеобильный. Вотъ насчетъ собственности у нихъ крайне нетвердыя понятія; но надо же принять во вниманіе, что они люди въ большинствѣ случаевъ безграмотные, не кончившіе „даже университета“.

Но все же, вотъ вопросъ,—какъ (простите за выраженіе) это не стошнило нашихъ культурныхъ людей отъ героевъ Горькаго. Какъ угодно, а личности эти въ большей или меньшей степени все же подозрительныя. Тутъ, мнѣ кажется, надо отмѣтить хотя бы только мимоходомъ одну сторону огромнаго дарованія Горькаго—его изящество или, что лучше, его аристократизмъ. Любопытно на самомъ дѣлѣ, что, описывая помойныя ямы, промозглыя трущобы, грязь и мерзость кабацкихъ притоновъ, часто называя вещи ихъ собственными именами, Горькій ни разу не возбуждаетъ въ васъ того отвращенія, которое возбуждаютъ, скажемъ, картины „Assomoir“ или „Nana“. Дымъ, копоть, грязь, запахъ перегара и прочая мерзость какъ бы забываются вами при чтеніи, уходятъ куда-то на задній планъ или исчезаютъ въ красотѣ духовной жизни, въ силѣ и страстности житейскихъ столкновеній. До этого, въ концѣ концовъ, вамъ совсѣмъ никакого дѣла нѣтъ, и, поддаваясь очарованію фразы, описаній природы, смѣлой жизни духа, вы начинаете смѣшивать чернорабочую Мальву съ тоскующей одалиской, а пьяница Коноваловъ преображается въ какого-то героя шекспировской драмы, разсуждающаго съ своими придворными—все графами и герцогами или даже принцами крови—о смыслѣ жизни и назначеніи человѣка. Я подчеркиваю пока эту черту литературнаго аристократизма. Послѣ она пригодится

Digitized by Google

намъ для кое-какихъ выводовъ по части босяцкой психологіи вообще.

Мнѣ кажется, что даже этой общей характеристики достаточно пока, чтобы отмѣтить дерзновеніе Горькаго. На самомъ дѣлѣ онъ—дерзкій человѣкъ. Это не значитъ, конечно, чтобы онъ былъ озорникомъ,—нѣтъ, а значитъ только то, что у него есть достаточно смѣлости быть самимъ собою и говорить о томъ, что его интересуетъ, ничуть не прилаживаясь ко вкусу и мнѣнію окружающихъ его вліятельныхъ и невліятельныхъ людей. Посмотрите хотя бы на то, какую странную,—чтобы не сказать больше,—„компанію“ встрѣчаетъ читатель въ его произведеніяхъ: оборванцы, босяки, убійцы, воры, мошенники всякихъ категорій, проститутки низшаго разряда, люди безнадежно спившіеся или спивающіеся, самые откровенные негодяи—вотъ герои его произведеній. Открывая книги разсказовъ Горькаго, вы немедленно же оказываетесь или въ кабакѣ, или въ вертепѣ послѣдняго разбора и, конечно, въ самомъ подозрительномъ обществѣ. Если вы хотя нѣсколько культурный человѣкъ, то очевидно, всѣ ваши пять чувствъ должны быть оскорблены или глубоко обижены, искреннее отвращеніе ко всей этой мерзости жизни должно было овладѣть вами,—а между тѣмъ, закончивши первую страницу, вы невольно принимаетесь за вторую, послѣ второй за третью и такъ вплоть до конца разсказа. Мало того, Горькій имѣетъ дерзость сказать вамъ, что онъ любитъ большую часть своихъ героевъ и часто ими любуется, что эти его герои-оборванцы лучше многихъ другихъ и, въ концѣ концовъ, нисколько даже не скрываетъ, что онъ очень и очень подозрительно относится къ нашей излюбленной интеллигенціи,

Digitized by Google

въ сущности глубоко ей не довѣряетъ и думаетъ даже, что въ „излюбленномъ интеллигентѣ“ засѣлъ или педантъ, или негодяй, или пошлякъ, и во всякомъ случаѣ трусъ, повторяющій лишь высокія фразы объ общемъ благѣ, о пользѣ народа. Это уже дѣйствительно дерзко. Но вотъ что—дерзость дерзости рознь. За одну дерзость надо человѣка просто высѣчь хотя бы мокрымъ полотенцемъ, надъ другой дерзостью надо задуматься, а третья дерзость можетъ прямо подкупить васъ скрытой въ ней правдой и вложенной въ нее силой. Мнѣ кажется, что дерзость Горькаго—послѣдняго порядка, и болѣе интереснаго зрѣлища, какъ пріемъ, ей оказанный, трудно себѣ и вообразить.

Пріемъ этотъ, какъ всякій знаетъ, восторженный, но нельзя сказать въ то же время, чтобы онъ былъ неожиданнымъ. Нѣтъ, мы были готовы, какъ нельзя болѣе готовы къ нему, и нужно было лишь крупное дарованіе, чтобы отзывчиво и сильно зазвенѣли соотвѣтственныя струны „соціальной души“.

Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ Толстой безъ устали, изо дня въ день, твердилъ намъ о сложности нашей жизни и необходимости опростить ее такъ, чтобы дать какъ можно больше простора внутреннему человѣку. Мы не приняли ученія Толстого, не бросили ни пить, ни курить, не ушли поголовно въ колоніи, даже въ личномъ своемъ обиходѣ не стали дѣлать всего, что нужно для насъ самихъ, своими собственными руками, но все же твердо запомнили, что „надо опроститься“, что старательное служеніе условностямъ культурнаго существованія ведетъ къ лицемѣрію и, въ концѣ концовъ, утомляетъ страшно, утомляетъ до полной развин-

Digitized by Google

ченности нервной системы, до полной растерянности мысли, до притупленія и безвкусицы чувства.

Мимоходомъ, нѣсколько поверхностно, правда, мы увлекались Шопенгауэромъ, нѣсколько глубже Ницше и, отрывочно знакомясь съ его афоризмами, впитывали въ себя этотъ горячій протестъ противъ „conventionellen Luegen der Kulturmenschcheit"—„общепризнанной и общеобязательной лжи образованнаго человѣчества".

Кажется, увлеченіе Ницше было довольно сильно. Оно не исчезло еще и теперь, Одна наша бѣда, что мы все еще не знаемъ, чего собственно хотѣлъ Ницше и чему онъ училъ...

Конечно, я не думаю заполнить этого пробѣла, но все равно—нѣсколько строкъ не покажутся излишними...

Ницше представляется мнѣ самымъ великимъ, страдающимъ и заблудшимся умомъ современной эпохи. Простите за откровенность, но, право, съ какой-то глубокой, чисто-братской любовью я—вольный, посторонній философіи, читатель,—слѣдилъ за удивительными, дерзкими до безумія, всегда дѣтско-наивными порывами его геніальной мысли. Мнѣ всегда было страшно за него, страшно за эту необузданную мысль, долженствующую, въ концѣ концовъ, „пожрать самое себя", страшно за эти скачки куда-то въ страну противоположнаго, и—увы!—*одинаково-вѣрнаго*, за эту ненависть ко всему существующему, за это презрѣніе ко всему прошлому. Если бы я могъ назвать Ницше нигилистомъ, анархистомъ, мистикомъ и пр.—мнѣ было бы легче. Мой умъ успокоился бы на пустякахъ, причисливъ Ницше къ извѣстной категоріи (ну, и пропадай ты тамъ, счастливый смертный!..),—но я этого не могъ сдѣлать. Ницше ни къ какой партіи не принадлежитъ, кромѣ той, которая отъ временъ созданія человѣка носила всегда и

Digitized by Google

одно великое имя партіи „свободы“... А что такое свобода—смерть или жизнь—никто этого не знаетъ...

„Я люблю безумную свободу“—

это, дѣйствительно, могъ сказать про себя Ницше, такъ какъ у него „печать Каина на челѣ“,—этого Каина, все преступившаго, даже братскую любовь, этого вѣчнаго бѣглеца и изгнанника. Ницще *все* смѣлъ, онъ *все* могъ, онъ, какъ нашъ Лермонтовъ (на котораго, кстати сказать, онъ очень похожъ), былъ избалованнымъ и страшнымъ ребенкомъ своей эпохи, во *все* развѣрившейся, *чего-нибудь* ищущей. Чего ему нужно? Идеала? Онъ говоритъ объ идеалѣ вотъ что: „Разъ вы достигли идеала—стремитесь къ другому, такъ какъ, достигнувъ идеала, вы, тѣмъ самымъ, стали выше его...“ Ницше—это человѣкъ, который игралъ своимъ геніемъ, игралъ имъ съ легкомысліемъ ребенка, съ дерзостью Каина. Дайте ему силу творить міры,—онъ черезъ мгновеніе сказалъ бы: „Нѣтъ, мнѣ этого не надо... Это скучно... Я хочу мыслить... Я хочу не творить, а все понять, чтобы во всемъ сомнѣваться...“ И онъ въ своемъ умѣ разрушилъ все. Прочтите его критику *нашего* добра и зла. Вы думаете, наше добро—его добро, наше зло—его зло? Нѣтъ, Ницше перешелъ по *ту* сторону—добра и зла, ему надо больше, чѣмъ наша добродѣтель, чѣмъ наши пороки.

Философія Ницше—стремленіе, порывъ. Нѣтъ счастья въ томъ, чѣмъ ты обладаешь,—счастье лишь въ томъ, чего ты ищешь, къ чему ты стремишься, а въ томъ, что,—когда оно дастся тебѣ,—будетъ ничтожно и пусто. Итакъ, вѣчный порывъ, вѣчное стремленіе познать, наконецъ, таинственную истину бытія, вся прелесть, вся глубина которой именно въ томъ и заключается, что

Digitized by Google

она непознаваема. Познанная—она была бы ниже насъ, мы бы презирали ее.

Ницше нельзя судить обыденной мѣркой. Въ немъ была настоящая вакханалія мысли, настоящее стремленіе все познать и все постичь, настоящее отчаяніе, что мы ничего постичь не можемъ, настоящая радость, что во-истину есть нѣчто непознаваемое и не—познанное, которое навѣки такимъ и останется. Есть, значитъ, во имя чего работать, куда стремиться...

„*Кто же* разскажетъ, что тайно отъ вѣка,
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Кто онъ, откуда, куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?..“

Кто же?—И Ницше мечталъ о пророкѣ. „Всѣ боги умерли,—говоритъ онъ,—теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхъ-человѣкъ“.

Въ Ницше выразилось типичнымъ образомъ то, что глубже всего волнуетъ современность: анархія инстинктовъ, творческихъ и религіозныхъ влеченій съ слишкомъ высокими потребностями, чтобы удовлетвориться крошками современнаго познаванія. Невозможность найти удовлетвореніе, но и невозможность отказаться отъ своего отношенія къ познанію, одинаковая ненасытность въ страстномъ влеченіи и неутомимость въ подвигахъ отреченія—такова великая и потрясающая картина философіи Ницше.

Тайна бытія, стремленіе постичь ее, по крайней мѣрѣ, выразить свое отношеніе къ ней,—были для Ницше не пустыми словами и не поводомъ нанизывать одну холодную реторическую фразу на другую. Ницше страдалъ всю свою жизнь до того рокового момента, когда не выдержали, наконецъ, напряженные нервы. Онъ—жертва нашей странной и страшной эпохи. Вѣчно боль-

Digitized by Google

ной, одинокій, засыпанный похвалами и въ то же время глубоко-обиженный почти общимъ непониманіемъ его мыслей, съ неутолимой жаждой познанія и творчества, онъ быстро догорѣлъ, сожженный собственнымъ внутреннимъ огнемъ. Гордый, могучій, онъ хотѣлъ осмыслить самое свое страданіе, видя въ немъ залогъ будущихъ откровеній. „Всякій,—говоритъ онъ,—кто когда-либо строилъ новое небо, находилъ силу для этого лишь въ собственномъ аду“. Но надо было вынести, пережить этотъ актъ и эту безконечную цѣпь сомнѣній, которая для Ницше могла закончиться или дѣйствительно демоническимъ смѣхомъ во все извѣрившагося духа, или безуміемъ. Она закончилась послѣднимъ.

Ницше было тѣсно въ тѣхъ понятіяхъ добра и зла, которыя окружали его съ самаго дѣтства. Эти понятія, въ концѣ концовъ,—глубоко мѣщанскія, филистерскія. Ихъ цѣль и задача—соблюденіе внѣшности.., О! сколько уже ненависти и презрѣнія вызывали они къ себѣ!..

Я напомню хотя бы эти вотъ строки: „Какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра; господа замѣнились хозяевами. Купецъ самъ по себѣ—лицо стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ, и другимъ, который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто вродѣ дороги, повозки, средства.

„Рыцарь былъ больше онъ *самъ*, больше лицо и берегъ, какъ понималъ, свое достоинство; оттого-то онъ въ сущности и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его личность была главное; въ мѣщанинѣ личность прячется или не выступаетъ, потому что не она главное: главное—товаръ, дѣло, вещь, главное—собственность.

Digitized by Google

„Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бреттеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піетистъ, но онъ былъ во всемъ открытъ и откровененъ; къ тому же онъ всегда готовъ былъ лечь костьми за то, что считалъ правымъ; у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень произвольный, но отъ котораго онъ не отступалъ безъ утраты собственнаго уваженія или уваженія равныхъ.

„Купецъ—человѣкъ міра, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; разсчетливый, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ и, какъ рыцарь, вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, только мѣрится съ нимъ—хитростью. Его предки, средневѣковые граждане, спасаясь отъ насилій и грабежа, принуждены были лукавить; они покупали покой и достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь въ поясъ, обсчитывали рыцаря; качая головой и вздыхая, говорили они сосѣдямъ о своей бѣдности, а между тѣмъ потихоньку зарывали деньги въ землю.

„Все это естественно перешло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физіологическимъ признакомъ особаго вида людского, называемаго среднимъ состояніемъ...“

Мораль средняго состоянія—явленіе слишкомъ извѣстное, чтобы долго на ней останавливаться. Она, эта мораль, касается лишь отношеній человѣка къ извѣстному слою культурнаго общества, къ которому онъ принадлежитъ или хочетъ принадлежать. Во имя этой принадлежности она требуетъ извѣстныхъ поступковъ, обстановки, даже программы жизни, даже убѣжденій. Требовательная и настойчивая—она очень неглубока и

Digitized by Google

сводится въ концѣ концовъ лишь къ соблюденію кодекса приличій, да и то такихъ, которыя не мѣшаютъ наживѣ. Тутъ все относительно: все имѣетъ въ виду раздѣленіе людей на два лагеря—богатыхъ и бѣдныхъ, хозяевъ и служащихъ.

Что проще, если Ницше, который смотрѣлъ на мораль безконечно глубже, который требовалъ отъ нея отвѣта на вопросы: какъ долженъ вести себя человѣкъ не только въ отношеніи къ хозяевамъ и служащимъ, но къ человѣчеству вообще, который хотѣлъ, чтобы правила морали установили его связь не только съ кругомъ культурныхъ лицъ, но всѣхъ людей и больше—всей вселенной, — словомъ, который въ морали видѣлъ разрѣшеніе своихъ исканій смысла жизни, съ презрѣніемъ и ненавистью отшатнулся отъ мѣщанскаго кодекса и отпихнулъ отъ себя ногой заключавшіяся въ немъ понятія добра и зла. Не это добро, отворяющее двери въ приличныя гостиныя, и не это зло, за которое казнятъ ближняго своего самодовольные люди, были нужны ему. Глубоко и настойчиво искалъ онъ тѣхъ правилъ, передъ которыми могъ бы преклониться каждый человѣкъ внѣ чина, званія и положенія, больной и здоровый, богатый и бѣдный, геній и обыкновенный смертный. Ему, медленно умиравшему отъ страшной болѣзни, надо было объяснить и смыслъ своей жизни, и смыслъ своего страданія, какъ одинаково надо было объяснить смыслъ жизни и страданія всѣхъ людей. Чѣмъ, какъ не негодующимъ смѣхомъ, могъ онъ отвѣтить на ежедневныя увѣренія, что нравственно—все полезное для насъ, лицъ извѣстнаго круга, класса и сословія, и безнравственно—все для насъ невыгодное. Для просвѣтленія своего духа, для того, чтобы разрѣшить все возраставшія, дѣлавшіяся все болѣе

Digitized by Google

мучительными недоумѣнія, онъ обратился къ нищему, къ человѣку, лишенному собственности, отрекшемуся отъ нея—къ Зоратустрѣ, и отсюда, изъ этого противопоставленія „человѣка безо всего“ съ людьми культурными, мѣщанскими классами—его лучшая книга „Also schprach...“

„Ничего мѣщанскаго“—въ этомъ смыслѣ и общественное значеніе его проповѣди.

Мнѣ кажется, что такое настроеніе, какъ у Ницше, совершенно понятно. Дѣло въ томъ, что ко всѣмъ нашимъ „добродѣтелямъ“, ко всѣмъ нашимъ такъ называемымъ благороднымъ чувствамъ — любви, жалости, состраданію, заботамъ объ общемъ благѣ—примѣшалось слишкомъ уже много лжи и лицемѣрія, что все въ концѣ концовъ имѣетъ общую цѣль питать самодовольство такъ называемаго культурнаго человѣка, питать его пищей, одеждой, какими-то обрывками знанія и приличіемъ, замѣняющимъ добродѣтель. Но если *приличіе* требуетъ заботиться объ общемъ благѣ и о спасеніи своего ближняго, то такія заботы, съ точки зрѣнія человѣческаго достоинства и искренности, не стоятъ оловяннаго двугривеннаго.

Вся проповѣдь Зоратустры сводится въ концѣ концовъ къ тому, что человѣкъ долженъ быть правдивъ хотя бы передъ самимъ собой, потому что худшее рабство есть рабство въ сѣтяхъ лжи и условностей жизни. „Если у тебя нѣтъ силы сказать *да*, имѣй по крайней мѣрѣ мужество сказать *нѣтъ*“.

Что такое *сверхъ-человѣкъ?* Если кто-нибудь думаетъ, что сверхъ-человѣкъ отличается особой физической силой, особой силой воли, особо проницательнымъ умомъ—тотъ сильно ошибается. Сверхъ-человѣкъ Ницше гораздо ближе къ намъ, чѣмъ можно подумать съ пер-

Digitized by Google

ваго взгляда. Сверхъ-человѣкъ не знаетъ страха жизни и дѣлаетъ всегда такъ, какъ подсказываетъ ему его же собственная природа. Онъ не лжетъ передъ собой, онъ наивенъ и смѣлъ... Наивенъ и смѣлъ, какъ ребенокъ или геній... Босякъ Горькаго, какъ ниже увидимъ, тоже немного „ницшеніанецъ...“

Еще одно соображеніе все на ту же тему о томъ, что (кромѣ экстраординарнаго дарованія Горькаго) помогло намъ понять и облюбовать босяка. Прошлое нашей литературы, слова Достоевскаго, что „тутъ, на каторгѣ, народъ все самый сильный, способный, талантливый“, проповѣдь опрощенія, ученіе Ницше—все это, конечно, сыграло свою роль, но не самую важную: самую важную роль сыграло наше отношеніе къ культурѣ. Удивительное отношеніе, странное, чтобы не сказать больше, какъ удивительна и странна вся наша заимствованная, плохо переваренная культура, часто напоминающая простой ярлыкъ европеизма на шапкѣ-мурмолкѣ. Немного, пожалуй, эта культура напоминаетъ по своей обстановкѣ и шекспировскую драму: „Пустыня... никого и ничего... среди пустыни тронъ... на тронѣ герцогъ (a king) и онъ говоритъ рѣчь... откуда-то слышна музыка (a music)...“ Среди тысячъ подслѣповатыхъ курныхъ избъ вдругъ высится фабричная труба; здѣсь пашутъ землю сохой временъ Гостомысла или Кія, тамъ работаютъ усовершенствованныя машины; одинъ университетъ что-то говоритъ, обращаясь къ милліонамъ безграмотнаго люда; поѣздъ мчится среди равнинъ, которыя, быть можетъ, только черезъ сто лѣтъ будутъ призваны къ культурному существованію; темныя, мрачныя силы мистицизма таятся въ душѣ почти каждаго

Digitized by Google

изъ насъ — странно, съ удушливымъ запахомъ и дымомъ сѣры прорываясь даже у великихъ художниковъ слова... Разсказываютъ про одного крохотнаго азіятскаго князька, который во время своего путешествія по Европѣ больше всего и даже исключительно поразился откидными скамейками въ спальныхъ вагонахъ. Вернувшись къ себѣ, онъ распорядился все свое помѣщеніе украсить тѣми же откидными скамейками, послѣ чего, разумѣется, сталъ считать себя европейцемъ. Много и въ нашей культурной жизни тѣхъ же самыхъ откидныхъ скамеекъ — это, что и говорить.

Культура требовательна, и требовательность ея растетъ со дня на день. Она громадна и могущественна. Она настолько громадна и могущественна, что считаетъ себя въ правѣ пренебрежительно относиться къ жизни отдѣльнаго человѣка и отдѣльныхъ людей: они для нея величина, не заслуживающая ни малѣйшаго вниманія, они только нули, приставляемые къ единицѣ, не имѣющіе безъ нея ни вѣса ни значенія. Она идетъ своей дорогой, ставитъ свои цѣли, преслѣдуетъ свои задачи, и горе тому, кто на нихъ ополчится. Она загнала людей въ города, жизнь этихъ городовъ сосредоточила въ еще болѣе душныхъ, тѣсныхъ и безобразныхъ фабрикахъ, жизнь фабрикъ — въ машинахъ и приставила человѣка, тысячи людей и даже милліоны ихъ къ этимъ машинамъ.

Вездѣ и во всемъ люди должны приспособляться къ ней. Общественная жизнь, вдохновляемая гигантскимъ производствомъ, требуетъ теперь самаго пристальнаго вниманія къ себѣ, самой безусловной выдержки, точности. Она не ждетъ, и, упустивши изъ виду, быть можетъ, даже одинъ только оборотъ колеса, человѣкъ съ ужасомъ видитъ ткань своего суще-

Digitized by Google

ствованія порванной и всѣ ея нити перепутанными до такой степени, что волей или неволей ему приходится начинать сначала... если онъ только можетъ.

Наша культура не требуетъ у 99% своихъ слугъ ни творчества, ни личной предпріимчивости, число которыхъ, разумѣется, не можетъ быть велико по сравненію съ численностью рабочей арміи вообще, мы видимъ, что идеальнымъ человѣкомъ „нашего строя общества“ будетъ человѣкъ, наиболѣе лишенный иниціативы и оригинальности,— „человѣкъ - руки“, какъ давно уже сказали проницательные англичане. Такой дѣйствительно нуженъ, такъ какъ онъ можетъ играть роль необходимаго пока, живого добавленія къ ткацкому станку. Обойтись безъ него совершенно, къ величайшему сожалѣнію, все еще немыслимо, но онъ тѣмъ лучше, чѣмъ ниже minimum его жизни и человѣчности, чѣмъ больше онъ автоматъ.

Къ созданію автоматовъ несомнѣнно стремится наша сила, наша общественная жизнь, наша грандіозная промышленная дѣятельность. Все это хочетъ и требуетъ дисциплины сначала, дисциплины потомъ и еще, еще дисциплины. Любопытно, что нашъ языкъ какъ нельзя лучше приспособился къ такому роду вещей. Мы говоримъ: *рабочая армія*, *государственная машина*, *кадры промышленности*, *строй* общественной жизни и т. д. Еще немного—и мы дойдемъ до „механическаго производства чиновниковъ“ и до „педагогическихъ тактики и стратегики“ или „системы внезапныхъ аттакъ на школьниковъ и школьницъ“. Языкъ великолѣпно угадалъ, что самыя могущественныя изъ организованныхъ силъ современной культуры—государство и промышленность—въ своемъ отношеніи къ человѣку и въ своихъ требо-

Digitized by Google

ваніяхъ къ нему имѣютъ между собой очень и очень много общаго.

Если человѣкъ, личность находится въ полномъ, почти рабскомъ подчиненіи у современной культуры, то потому конечно, что у ней для поддержанія строгой или даже строжайшей дисциплины въ своемъ многомилліардномъ царствѣ есть простыя и тѣмъ болѣе могущественныя по своей простотѣ средства. Кто считаетъ такими средствами арміи и пушки, тотъ жестоко ошибается: въ Американскихъ Штатахъ очень мало арміи и пушекъ, но дисциплина человѣка тамъ такая же строгая, какъ и во Франціи или Германіи, гдѣ этой арміи и пушекъ очень много. Это средство — *страхъ жизни*, вызванный, поддерживаемый и даже все усиливаемый борьбой за существованіе многочисленной массы людей, стиснутыхъ на „небольшомъ пространствѣ“.

Въ печали и уныніи проводитъ дни свои современный человѣкъ, потому что мало у кого есть теперь самое дорогое—увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Нѣтъ этого завтрашняго дня или грозитъ онъ всякою напастью и гибелью, всякими неожиданными несчастіями, ни предугадать, ни предвидѣть которыхъ нѣтъ никакой возможности. Человѣчество уплотнилось, оно въ сущности представляетъ изъ себя одинъ огромный организмъ, раскинувшійся по всему пространству земного шара, и если одна какая-нибудь часть этого организма терпитъ неудачу и бѣды — онѣ отражаются повсюду, и тамъ и здѣсь вызываютъ горе ничего не понимающихъ въ этомъ круговоротѣ людей. Современникъ въ ужасѣ передъ этими вѣчными угрозами жизни; онъ трепещетъ передъ ними и старается какъ можно глубже запрятаться въ свою скорлупу, но все это съ каждымъ днемъ все хуже удается ему: длинныя и цѣп-

Digitized by Google

кія щупальцы „международныхъ отношеній“, промышленныхъ кризисовъ или чего-нибудь въ томъ же родѣ достаютъ его и тамъ, гдѣ, казалось бы, раньше онъ могъ чувствовать себя въ полной безопасности. И что можетъ онъ выставить противъ грозящихъ ему золъ? Его здоровье часто оказывается растраченнымъ предыдущими поколѣніями, его умъ не имѣетъ ни гибкости, ни ловкости, ни нужныхъ знаній, потому что все это можно пріобрѣсти гдѣ угодно, только не въ нашихъ школахъ. Онъ выросъ подъ грустными и принижающими впечатлѣніями нищеты и страданія; съ первыхъ же дней сознательной жизни онъ видѣлъ, что люди ожесточенно борятся между собой. Онъ чуть не съ пеленокъ привыкъ къ мысли, что людей слишкомъ много, и онъ скупо прижимаетъ къ сердцу доставшіяся на его долю крохи бытія, трусливо озираясь по сторонамъ, отгоняя отъ себя, какъ враговъ, всю красоту своей жизни—всѣ смѣлыя мысли, весь соблазнъ непосредственныхъ поступковъ, всю гордость искреннаго слова. Онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ; онъ привыкъ къ мысли о собственномъ ничтожествѣ—и что же спрашивать отъ него.

„Ты—ничто“,—внушительно говоритъ ему современная жизнь и въ случаѣ несогласія подтверждаетъ эти слова самыми неоспоримыми документами, отправляя его въ „сумашедшій домъ“ за грѣхи, совершенные когда-то, чуть не сто лѣтъ тому назадъ, его прадѣдомъ, или выбрасывая на улицу вслѣдствіе неурожая хлопка за 10.000 верстъ отъ него... И правда, что онъ такое? Надъ нимъ царятъ мертвые, создавшіе своими усиліями строй современной жизни, ея понятія, ея вѣру и невѣріе, ея задачи и цѣли. Эти мертвецы—могущественны и велѣнія ихъ часто неотразимы уже потому, что мертвецовъ

Digitized by Google

много, неисчислимо много и они живутъ въ насъ. Они завѣщали намъ ту сѣть обычаевъ и приличій, тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ маленькихъ и крупныхъ ядовитыхъ правилъ, которымъ волей-неволей приходится подчиняться. И въ награду за все это подчиненіе — полуголодное существованіе, лишенное даже увѣренности въ своей продолжительности.

„Ты—ничто передъ велѣніями и завѣтами мертвыхъ, ничто передъ требованіями государственной пользы, ничто передъ сѣтью обычаевъ и приличій, окутывающихъ твою мысль и сковывающихъ твои чувства, ничто передъ кризисами нашей промышленности или ея ликующимъ ходомъ, поставившимъ своей задачей и цѣлью наивозможно большее производство съ возможно меньшими затратами... Ты—ничто передъ прошлымъ и будущимъ и ничто въ настоящемъ... Приспособляйся...“

Утверждаютъ затѣмъ, что высшее этнографическое обобщеніе русскаго типа, до котораго только поднялась наша литература, — это Обломовъ Гончарова. Конечно, Обломовъ — герой крѣпостного права, во всей своей полнотѣ и художественной цѣльности даже и немыслимый при другой обстановкѣ, но развѣ исчезли всѣ слѣды крѣпостного права, во всей своей полнотѣ и художественной цѣльности даже и немыслимой при другой обстановкѣ, но развѣ исчезли всѣ слѣды крѣпостного права, развѣ стерся весь его духъ? Увы!—до этого еще не близко, а когда какой-нибудь администраторъ говоритъ: „у насъ хорошо... просто“,— онъ только подтверждаетъ, что принципъ крѣпостничества живетъ гдѣ-то въ глубинахъ народнаго духа и народнаго бытія. Не умерла еще и обломовщина, и ее — реставрированную — развѣ не слышите вы хотя бы въ проповѣди опрощенія, хотя бы въ знаменитой рѣчи Достоевскаго,

Digitized by Google

провозгласившаго съ *гордостью*, что мы — нищіе люди, и что въ этомъ нищенствѣ наше преимущество передъ другими... Бѣдный, горизонтальный человѣкъ этотъ Обломовъ. Все-то ему трудно и лѣнь — и любить трудно, и о крестьянахъ позаботиться трудно, трудно и сапоги надѣть. Онъ привыкъ еще къ шири и раздолью безконечныхъ равнинъ и степей, къ даровому труду, къ безалабернѣйшему обращенію съ силами природы и человѣка. Никакого „принципа экономіи силъ“ онъ не знаетъ, да и не можетъ знать, потому что нѣтъ у него внутренней дисциплины, потому что все культурное, что только есть въ его жизни, пришло туда извнѣ — все равно, какъ телефонъ въ волостное правленіе, о которомъ разсказываетъ Чеховъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если телефонъ пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ поселились клопы и тараканы.

Естественно, что первое чувство, которое вызываетъ въ насъ культура, — это чувство утомленія, своеобразнаго ужаса передъ той сложностью жизни и общественныхъ отношеній, которую она неизбѣжно ведетъ за собой.

Культура, — говоритъ своими очерками Горькій, — разслабляетъ человѣка, превращаетъ его душу въ студнеобразную массу, съ которой даже чорту нечего дѣлать, какъ только взять и набить ее горохомъ для увеселенія сатаны. Но полагаю, что обвинительный актъ Горькаго противъ культуры этимъ не ограничивается. Онъ взглянулъ на дѣло шире и глубже и увидѣлъ то же, что видѣлъ когда-то Руссо: „L'homme est né libre, nous le voyons partout dans les fers“, — говорилъ отецъ европейской демократіи. Своими художественными образами, своимъ отношеніемъ къ босяцкому міру вообще Горькій повторяетъ его слова.

Digitized by Google

Наша культура преимущественно, если не исключительно, городская. Деревня отстала отъ историческаго движенія и живетъ жизнью прежнихъ, далекихъ вѣковъ. Большой городъ съ сотнями тысячъ жителей, тѣснящихся на небольшомъ пространствѣ, дышащихъ спертымъ воздухомъ, — вотъ пока кульминаціонный пунктъ, до котораго достигла культура.

Поэтъ-философъ, босякъ съ чуткой душой, Коноваловъ разсуждаетъ о городахъ такъ:

„— Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься, — убѣдительно сказалъ Коноваловъ, выслушавъ мою эпопею. — И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо. Люди? На кой ихъ чортъ тебѣ? Ты человѣкъ понимающій, грамотный, на что тебѣ люди? Чего тебѣ отъ нихъ надо? Да потомъ... люди вездѣ есть...

„— Эге! — вставилъ хохолъ, извиваясь по землѣ какъ ужъ.—Людей вездѣ... богато; человѣку пройти къ своему мѣсту нельзя, чтобъ на ноги имъ не ступать. Вотъ-то безъ счету родятся! Какъ поганки послѣ дождя... да тѣхъ хоть господа ѣдятъ.

„Онъ философски сплюнулъ и снова сталъ стучать зубами.

„— А насчетъ тебя я опять скажу, — продолжалъ Коноваловъ, — въ городахъ не живи. Чего тамъ? Одно нездоровье и непорядокъ...

„— Настроили люди городовъ, домовъ, — продолжаетъ онъ, — собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь! Нѣтъ, вотъ она жизнь, вотъ какъ мы...“

Возвращаюсь поэтому къ босякамъ.

Босякъ — это тотъ человѣкъ, который *уйти* хочетъ,

Digitized by Google

уйти отъ всего постояннаго, осѣдлаго, обязательнаго. Это самое главное, но этого недостаточно. Надо вглядѣться поближе въ эту удивительную жизнь, полную неясныхъ порывовъ, невысказанныхъ мыслей, потому что у босяковъ вообще мало словъ, — надо прежде всего поставить вопросъ, какъ сами босяки понимаютъ себя и объясняютъ свое отреченіе отъ міра, по крайней мѣрѣ, отъ его осѣдлости. Что это? Меланхолическій темпераментъ или водка, или злость, или исканіе подвига, — призывъ ли свободы или, просто жгучая, непримиримая ненависть къ рабству, дерзость мысли, или ея растерянность, борьба вольнаго чувства съ устоями и укладами жизни и презрѣніе къ нимъ, или же сознаніе своей неприспособленности и неудачливости, — т. е. не борьба уже, а бѣгство, бѣгство въ кабакъ, трущобу, въ полную лѣнь и бездѣлье?

Вопросъ этотъ любопытный и очень трудный, главнымъ образомъ потому, что онъ очень сложенъ и отвѣты на него могутъ получиться самые разнообразные, начиная отъ самаго цвѣтистаго до самаго прямолинейнаго, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, прямолинейность эта только кажущаяся и очень условная. Прямолинейно объясняетъ свое босячество Коноваловъ.

„А на меня,—говоритъ онъ,—видишь ты—*тоска* находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ, и кромѣ меня нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ—все какъ есть: и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди; хоть помирай они,—не охну. *Болѣзнь это у меня должно быть.* Съ нея я пить началъ... раньше не пилъ“.

Разсказываетъ Коноваловъ о своемъ разрывѣ съ лю-

Digitized by Google

бившей его купчихой, какой-то Вѣрой Михайловной, и объясняетъ его все той же тоской: „Но все-таки,—объясняетъ онъ,—ушелъ отъ нея: потому тоска! Тянетъ меня куда-то... Прощай, говорю, Вѣра Михайловна, прости меня!“

Коноваловъ самъ себя совсѣмъ не понимаетъ, — ссылается на тоску, на болѣзнь, на какой-то недочетъ, заложенный въ его душу съ самаго рожденія. Съ какимъ-то дѣтскимъ, наивнымъ недоумѣніемъ смотритъ онъ на свою жизнь и ровно ничего объяснить не можетъ. Все какъ-то ни къ чему, все идетъ прахомъ, безъ толку и цѣли, безъ всякаго смысла. „Вотъ теперь я, напримѣръ,—философствуетъ онъ,—что такое? Босякъ, галахъ, пьяница, тронутый человѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей и ни до чего этого даже охоты нѣтъ. Живу и тоскую,—про что—неизвѣстно. Вродѣ того, напримѣръ, со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ другихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ. Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы что ли? Ну нѣтъ во мнѣ одной штуки—и все тутъ! Понялъ? Вотъ я живу и этакую штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть—это мнѣ неизвѣстно...“

Безпомощность мысли передъ этой странностью и безсмысленностью существованія, безпомощность духа въ борьбѣ со стихійнымъ и неотразимымъ запоемъ перерождается у Коновалова въ постоянное самобичеваніе. Никого другого винить въ своихъ бѣдахъ и неудачахъ, въ ненужности своей жизни онъ не хочетъ. И это даже не отъ горделиваго самолюбія, которое вообще

Digitized by Google

не легко мирится съ мыслью, что *другіе* осилили тебя въ жизненной борьбѣ, *другіе* вышибли тебя изъ колеи, *другіе* вышвырнули тебя за бортъ своихъ дѣлъ и радостей,—такъ какъ это, очевидно, значило бы признать *другихъ* болѣе сильными, своими побѣдителями,—нѣтъ, у Коновалова это выходитъ проще и лучше.

„...Онъ молчалъ, не сводя съ меня глазъ. Я видѣлъ, какъ въ нихъ зарождается хорошая, свѣтлая улыбка, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ онъ откликнется на мою рѣчь.

„Улыбка заиграла у него на губахъ. Вотъ онъ ласково засмѣялся и, мягкимъ женскимъ движеніемъ потянувшись ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо.

„Я вздрогнулъ отъ сладкаго предчувствія награды за свою рѣчь...

„— Какъ ты, братъ, легко разсказываешь насчетъ всего этого! Откуда только тебѣ всѣ эти дѣла извѣстны? Все изъ книгъ? А и много же ты читалъ ихъ, видно... книгъ-то! Эхъ, ежели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!.. Но главная причина: очень ты жалостливо говоришь... Впервые мнѣ такая рѣчь. Удивительно! Какъ все это жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то!..

„— Погоди!—сказалъ я, —ты согласенъ со мною? Вѣрно я говорилъ?

„— Тебѣ лучше знать, вѣрно или нѣтъ,—ты грамотный... Оно, пожалуй, ежели взять другихъ, такъ вѣрно... А вотъ ежели я...

„— То что?

„— Ну, я особливая статья... Кто виноватъ, что я лью? Павелка, братъ мой, не пьетъ,—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его—однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе

Digitized by Google

меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно... Не такъ я, значитъ, родился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые: родился, пожилъ, сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы, чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы передъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... Матери наши не въ урочные часы зачали насъ—вотъ въ чемъ сила...“

Вообще сбить Коновалова съ той позиціи, что „каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ и никто въ томъ неповиненъ, ежели я подлецъ есть“,—оказывается прямо невозможнымъ. Онъ даже не замѣчаетъ, что разъ „каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ“, то нечего говорить о тоскѣ и болѣзни, о томъ, что „мать меня родила безъ того, что у всѣхъ другихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно“. Впрочемъ, какое Коновалову дѣло до противорѣчій? Онъ—натура непосредственная, говоритъ то, что у него есть на душѣ, большой ребенокъ, заброшенный въ міръ безконечно сложныхъ общественныхъ отношеній, гнетущихъ его своею непонятностью. Онъ живетъ и растерянно смотритъ вокругъ себя, не зная, что къ чему и зачѣмъ, а больше всего не знаетъ, какая цѣль и смыслъ его существованія — безпутнаго, пригнетеннаго и растерзаннаго. Только порою чувствуетъ онъ глухую тоску полной неудовлетворенности, душа проситъ приволья и про-

Digitized by Google

стора, и Коноваловъ несетъ его въ кабакъ, гдѣ и топитъ въ винѣ.

Самъ Горькій говоритъ о Коноваловѣ, что тотъ съ внѣшней стороны до мелочей является типичнѣйшимъ золоторотцемъ „но, увы!—продолжаетъ авторъ,—чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло съ разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ, которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, *очень злые* и далеко не глупые“.

На самомъ дѣлѣ, съ внѣшней стороны въ Коноваловѣ какъ будто и дѣйствительно нѣтъ никакой злости. Напротивъ, онъ кажется очень добрымъ и ласковымъ, онъ старается даже дѣлать хорошее людямъ, чѣмъ, вообще говоря, босяки не занимаются: выкупаетъ Катьку изъ веселаго дома, ухаживаетъ за больнымъ товарищемъ, жалѣетъ ближнихъ своихъ и по мѣрѣ силъ старается утѣшать ихъ; онъ не знаетъ ни жадности, ни зависти, но конечно злоба въ немъ есть, только она неясна для него самого: она лежитъ придавленная гдѣ-то глубоко, на днѣ души,—лежитъ какъ темная стихійная сила, такая же темная и стихійная, какъ вообще все темно и стихійно въ Коноваловѣ. Только случайно прорывается она наружу въ пьяномъ видѣ...

Ему душно въ погребѣ, гдѣ онъ печетъ хлѣбы, душно и тѣсно въ городахъ, гдѣ скопилось столько людей, полныхъ взаимной злобы, недовѣрія и раздраженія, скопилось, чтобы тѣснить другъ друга. Ему нуженъ просторъ, ширь, свѣжій воздухъ, нуженъ выходъ для его темныхъ стихійныхъ силъ, но выхода нѣтъ, и онъ тоскуетъ, не зная, какъ и на чемъ разгуляться. Эта тоска—его настоящая, дѣйствительная жизнь, потому что онъ, этотъ дикій, стихійный человѣкъ, только при-

Digitized by Google

давленъ и прижатъ, но жизнь не могла совсѣмъ обуздать и поработить его. Онъ—вольница, попавшая въ обстановку строгой и ревниво оберегающей свой порядокъ жизни.

Кончаетъ Коноваловъ очень печально. Попавши въ тюрьму за безпись̂менность, онъ вѣшается тамъ на отдушинѣ печи.

„По отзыву тюремнаго начальства, это былъ человѣкъ всегда тихій, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова къ самоубійству, какъ заключилъ тюремный докторъ, слѣдуетъ считать меланхолію“.

Основная черта характера Коновалова—тоска—попала и въ газетную замѣтку. Слишкомъ ужъ она была ясна въ немъ, слишкомъ рвалась наружу. Еще два слова объ этой странной оси человѣческой жизни.

Въ разсказахъ Мельшина объ его пребываніи въ шелаевской тюрьмѣ, гдѣ онъ очень и очень внимательно присматривался къ жизни арестантовъ, есть характерная страничка насчетъ этой тоски. Въ разсказахъ убійцъ и грабителей тоска встрѣчается довольно часто, и ею объясняютъ они, почему сдѣлались преступниками. Она не давала имъ покоя, она заставляла безпокойно метаться ихъ духъ, доводила до полнаго отвращенія къ себѣ и людямъ. Ихъ тянуло куда-то, имъ мерещилась не спокойная упорядоченная жизнь, окружавшая ихъ и порабощавшая себѣ людей, а другая — просторная и вольная, полная тревогъ и опасностей. И они уходили изъ дома, отъ семьи, отъ дѣла и становились преступниками какъ-то просто и незамѣтно для самихъ себя. И можно сказать, что въ каждомъ преступникѣ сидитъ босякъ, а въ каждомъ босякѣ—преступникъ, и только случайныя обстоятельства, большая или мень-

Digitized by Google

шая злоба, заложенная въ душу, только бо̀льшая или меньшая степень вспыльчивости и раздражительности опредѣляютъ выборъ того или другого рокового для человѣка пути.

Почти тѣ же мотивы, но болѣе проникнутые сознаніемъ, довели до босячества Гришку Орлова. И здѣсь та же тоска, та же неудовлетворенность, то же непониманіе цѣли и смысла жизни. Григорій сначала жилъ недурно, занимаясь сапожнымъ ремесломъ. Хорошій работникъ—онъ сводилъ концы съ концами; когда тоска начинала слишкомъ уже душить его, онъ топилъ ее въ водкѣ. Жену свою онъ любилъ.

„Оба они,—разсказываетъ Горькій,—молодые и здоровые люди, любили другъ друга и гордились другъ другомъ... Гришка былъ такой сильный, горячій, красивый, а Матрена—бѣлая, полная, съ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ,—„ядреная баба“, какъ говорили о ней на дворѣ. Они любили другъ друга, но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа: волноваться, думать, горѣть,—вообще жить. Ибо при условіи отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній и одухотворяющихъ жизнь интересовъ мужъ и жена—даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа—роковымъ образомъ должны опротивѣть другъ другу. Это законъ, столь же неизбѣжный, какъ и справедливый. Если бъ у Орловыхъ была жизненная цѣль, хоть бы такая узкая, какъ накопленіе денегъ грошъ за грошемъ, тогда несомнѣнно имъ жилось бы легче“.

Но у нихъ не было этого.

Digitized by Google

„Постоянно одинъ у другого на глазахъ,—они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого. День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего, что развлекало бы ихъ. Иногда, по праздникамъ, они ходили въ гости къ такимъ же нищимъ духомъ, какъ сами, иногда къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, часто дрались. А потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей жизнь этихъ людей работой, скукой и безсмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга.

„Иногда Гришка говорилъ:

„— Вотъ такъ жизнь,—вѣдьма ея бабушка! И зачѣмъ только она мнѣ далась? Работища да скучища, скучища да работища...—И помолчавъ, съ поднятыми къ потолку глазами, съ блуждающею улыбкой, онъ продолжалъ:—родила меня мать по волѣ Божіей... супротивъ этого ничего не скажешь! Научился я мастерству... это вотъ зачѣмъ? Али кромѣ меня мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что? Какое въ этомъ для меня удовольствіе?.. Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтобъ я жилъ, шилъ и померъ, а?

„Матрена молчала, чувствуя въ словахъ мужа что-то страшное; но порой она просила не говорить такихъ словъ, потому что они противъ Бога, Который ужъ знаетъ, какъ устроить человѣку жизнь. А иногда, будучи не въ духѣ, она скептически заявляла мужу:

„— А ты бы вотъ не пилъ винища-то—и жилось бы тебѣ веселѣе, и не лѣзли бы въ голову-то этакія мысли. Другіе живутъ—не жалуются, а копятъ денежки,

Digitized by Google

да свои мастерскія на нихъ заводятъ и живутъ потомъ уже сами-то, какъ господа.

„— И выходишь ты за такія деревянныя твои слова—чортова кукла! Раскинь мозгами-то: развѣ я могу не пить, коли въ этомъ моя радость? Другіе! Много ты ихъ другихъ-то, этакихъ удачливыхъ знаешь?“

Въ концѣ концовъ послѣ разныхъ происшествій Григорія прорвало, и онъ пошелъ босячить:

„Мнѣ удалось познакомиться съ нимъ. Я нашелъ его въ одной изъ городскихъ трущобъ, и въ два-три свиданія мы съ нимъ были друзьями. Повторивъ исторію, разсказанную мнѣ его женой, онъ задумался ненадолго и потомъ сказалъ:

„— Вотъ такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... въ дребезги! Н-да-а! Чортъ-те возьми... скучно! И ахъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!.. Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку: н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднятъ! Анъ не тутъ то было—фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, не бойся! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ чертямъ! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Са-

Digitized by Google

мое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга...—такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!"

„Тяжелая дверь кабака, въ которомъ сидѣлъ я съ Орловымъ, то и дѣло отворялась и при этомъ какъ-то сладострастно взвизгивала. И внутренность кабака возбуждала представленіе о какой-то пасти, которая медленно, но неизбѣжно поглощаетъ одного за другимъ бѣдныхъ русскихъ людей, безпокойныхъ и иныхъ".

Въ приведенныхъ строкахъ мы находимъ почти все, интересное для насъ въ Орловѣ, и, разсматривая эти строки, сразу видно, что Орловъ и Коноваловъ — характеры сходные, близкіе другъ къ другу, но не братья-близнецы. Коноваловъ прежде всего темная, стихійная сила; только теплота чувства дѣлаетъ его человѣкомъ, сознаніе же спитъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ. Орловъ уже разсуждаетъ. Его тоже мучаетъ тоска, но онъ старается найти ей объясненіе или ограничивается ссылкой на какую-то таинственную, недостающую ему „штуку".

Онъ винитъ свою работу, утомительную и ненужную въ томъ отношеніи, что никакого смысла жизни она ему не даетъ, винитъ людей, которые „всѣ другъ на друга" и ничего не могутъ выдумать кромѣ своей поскудной жизни. Въ немъ есть самолюбивая жажда подвига, какъ высшаго проявленія свободы и силы человѣка, и есть мучительное сознаніе, что здѣсь, въ

Digitized by Google

этой средѣ, которую онъ одинаково не понимаетъ, никакого подвига ему не совершить, и что даже такой маленькій подвигъ, какъ уходъ за больными холерой, не удался ему.

Мнѣ кажется, что самое характерное въ Орловѣ—это то, что можно назвать жаждой самосожженія, которая имѣетъ однако очень мало общаго съ самосожженіемъ одной изъ самыхъ нашихъ странныхъ и непонятныхъ религіозныхъ сектъ. Однако источникъ, пожалуй, одинъ: т. е. полнота отчаянія, полнота безнадежности. Правда, то же самое вы можете найти и у Коновалова, но тамъ отчаяніе уже вошло въ плоть и кровь человѣка—оно стихійно и стало его второю натурой. У Орлова оно еще раздражительно и нетерпѣливо. Каждую минуту чувствуетъ онъ, что ему плохо и скверно, и по какой-то странной психологіи хочетъ, чтобы ему было еще хуже, еще сквернѣе и, наконецъ, чтобы стало совсѣмъ ужъ худо и скверно, и не только ему, но и всѣмъ другимъ, которыхъ онъ отъ души ненавидитъ, которые только злятъ его и ничего больше. Въ душѣ его много мелкаго и сквернаго, много болѣзненно себялюбиваго. Какая-то смутная мысль о всеобщемъ разрушеніи преслѣдуетъ его, объ общемъ огромномъ озорничествѣ, въ которомъ онъ, Григорій Орловъ, сыгралъ бы конечно не послѣднюю роль. Ничто положительное въ жизни даже и не чуется ему, потому что ничего положительнаго нѣтъ ни въ его мысляхъ, ни въ чувствахъ. И онъ бродитъ съ мѣста на мѣсто, жжетъ себя сразу съ обоихъ концовъ, мучительно жадно душитъ водку ради того призрачнаго покоя или—лучше—призрачнаго омертвѣнія, которое она можетъ доставить ему. Онъ въ концѣ концовъ полусознательный самоубійца и самый несчастный даже среди несчастныхъ босяковъ. То, что кра-

Digitized by Google

ситъ жизнь этихъ послѣднихъ,—чуткое отношеніе къ природѣ, поэзія которой вполнѣ доступна, напр., Коновалову, любовь къ простору и шири степей,—повидимому совсѣмъ неизвѣстно Григорію Орлову. Онъ уже совсѣмъ горожанинъ, тогда какъ въ Коноваловѣ еще глубоко сидитъ коренной мужикъ, стихійно воспринимающій прелесть свѣжаго воздуха, красоту восхода и заката. Даже босяцкая независимость приноситъ очень мало, а пожалуй и совсѣмъ не приноситъ покоя и отдыха этой болѣзненной, раздраженной душѣ, у которой весь внутренній міръ обратился въ сплошную гноящуюся рану.

Орловъ очень нервенъ. Даже въ условіяхъ сравнительно нормальной жизни, которую онъ велъ сначала, какъ хорошій ремесленникъ, какъ любящій мужъ, настроеніе его духа мѣнялось и непредвидѣнно, и порывисто. А потомъ хроническій алькоголизмъ доводитъ эту нервность прямо до болѣзни. Онъ не бродитъ, какъ другіе босяки, куда глаза глядятъ, а просто безпокойно мечется изъ кабака въ кабакъ, изъ города въ городъ.

Я уже замѣтилъ выше, что въ изображеніи Горькаго жизнь босяковъ слагается въ своеобразную поэму, и эта поэма—несомнѣнно романтическая, вдохновляющаяся идеей полной и безусловной свободы человѣческой личности. Босякъ Горькаго, я беру при этомъ самое общее опредѣленіе, не что иное, какъ гипетрофированная человѣческая личность. Это во-истину врагъ всякихъ цѣпей—и желѣзныхъ, и золотыхъ, и узъ семейныхъ, и узъ общественныхъ, узъ любви и узъ привязанности. Босяки очень и очень настойчиво высказываютъ, что до общества, до другихъ людей имъ нѣтъ

Digitized by Google

ни малѣйшаго дѣла. Всякая привязанность стѣсняетъ ихъ, потому что всякая привязанность есть сначала одно обязательство, потомъ другое, наконецъ—цѣлая система обязательствъ. Очень, напр., характерны въ этомъ отношеніи слова Мальвы: „Мнѣ всегда хочется чего-то... А чего—не знаю... Иной разъ сѣла бы въ лодку—и въ море... далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать!“ Философъ Коноваловъ высказывается одинаково рѣшительно: „Люди? На кой ихъ чортъ тебѣ? Ты человѣкъ понимающій, грамотный, на что тебѣ люди? Чего тебѣ отъ нихъ надо“ и т. д.

Я не сомнѣваюсь, что подобнаго рода мораль ничуть не по вкусу Горькому. Но несомнѣнно, что и въ ней онъ находитъ кое-что привлекательное. Это—смѣлость формулировки, это—независимость мысли и чувства. Отъ всего этого, конечно, вѣетъ своеобразной красотой, какъ отъ грозы, пожалуй, какъ вообще отъ разрушительныхъ явленій природы. Во всякомъ случаѣ—это не обычное что-нибудь, не надоѣвшая и вязнущая въ зубахъ мораль мѣщанскаго общества. Тутъ чувствуется сила, какая—все равно, но—сила.

Буйныя страсти, взрывъ затаенной стихійной злобы, пренебреженіе ко всякой осѣдлости и опредѣленности, а прежде всего это исканіе свободы—свободы во что бы то ни стало—все это вводитъ насъ въ своеобразную и красивую, но чисто романтическую обстановку. Въ этихъ образахъ Горькій воплотилъ свою страсть простора и шири, страсть, легко преодолѣвающую всѣ условности, весь фетишизмъ укладовъ современности.

Въ его очеркахъ и разсказахъ вы найдете вещи воистину романтическія, напр.: „Пѣснь о Соколѣ“, „Старуха Изергиль“, „Макаръ Чудра“. Здѣсь романтическое настроеніе, чуждое обыденнаго и презирающее его,

Digitized by Google

вдохновляющееся „безумствомъ храбрыхъ“, страстью „въ сто лошадиныхъ силъ“, испепеляющей человѣка, или любовью, свободной, какъ порывъ вѣтра, бьетъ сильной и мощной струей.

Напомню нѣсколько конечныхъ строкъ изъ „Пѣсни о Соколѣ“:

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!“

„Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни. О смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умеръ! Но въ пѣсняхъ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь жить примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, свѣту.

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню...“

Скажите дальше: развѣ не напоминаетъ вамъ что-то давнопрошедшее, глубоко романтическое и заключительная сцена изъ разсказа „Макаръ Чудра“:

„Эхъ, мы и догадаться еще не успѣли, что хочетъ дѣлать Зобаръ, а уже Радда лежала на землѣ, и въ груди у нея по рукоять торчалъ острый ножъ Зобара. Оцѣпенѣли мы.

„А Радда вырвала ножъ, бросила его въ сторону и, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, улыбаясь, сказала громко и внятно:

„— Прощай, Лойко! я знала, что ты такъ сдѣлаешь!..—да и умерла...

„Понялъ ли дѣвку, Соколъ?! Вотъ какая, будь я проклятъ на вѣки вѣчные, дьявольская дѣвка была! Эге!“

„— Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!—на всю степь гаркнулъ Лойко, да бро-

Digitized by Google

сившись на земь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ. Мы сняли шапки и стояли молча.

„Что скажешь въ такомъ дѣлѣ, Соколъ? То-то! Нуръ сказалъ было: „Надо связать его!“ Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы: и Нуръ зналъ это. Махнулъ онъ рукой, да и отошелъ въ сторону. А Данило поднялъ ножъ, брошенный въ сторону Раддой, и долго смотрѣлъ на него, шевеля сѣдыми усами: на томъ ножѣ еще не застыла кровь Радды и былъ онъ такой кривой и острый. А потомъ подошелъ Данило къ Зобару и сунулъ ему ножъ въ спину какъ разъ противъ сердца. Тоже отцомъ былъ Раддѣ старый солдатъ Данило!

„— Вотъ такъ! — повернувшись къ Данилѣ, ясно сказалъ Лойко и ушелъ догонять Радду.

„А мы смотрѣли. Лежала Радда, прижавъ къ груди руку съ прядью волосъ, и открытые глаза ея были въ голубомъ небѣ, а у ногъ ея раскинулся удалой Лойко Зобаръ. На лицо его пали кудри, и не видно было его лица.

„Стояли мы и думали. Дрожали усы у стараго Данилы и насупились густыя брови его. Онъ глядѣлъ на небо и молчалъ, а Нуръ, сѣдой какъ лунь, легъ внизъ лицомъ на землю и заплакалъ такъ, что ходуномъ заходили его стариковскія плечи.

„Было тутъ надъ чѣмъ плакать, Соколъ! Такъ-то!..“

Не правда ли,—очень и очень характерная страничка? Самая обстановка драмы—чисто романтическая: цыганскій таборъ. На сценѣ—сильныя страсти, люди, „которыхъ уже нѣтъ теперь“, гордыня духа, единеніе любви и смерти. Въ довершеніе всего разсказъ стараго цыгана подернутъ какой-то дымкой меланхоліи.

Впрочемъ, къ чему увеличивать примѣры: ихъ

Digitized by Google

можно найти на каждой страницѣ. Если стоитъ на чемъ теперь хоть немного остановиться, то развѣ на описаніяхъ природы, до которыхъ Горькій такой охотникъ и такой первоклассный мастеръ:

„Море дремлетъ.

„Огромное, лѣниво вздыхающее здѣсь у берега, оно уже уснуло и неподвижно въ дали, облитой голубымъ сіяніемъ луны. Бархатисто-мягкое и черное, оно слилось тамъ съ синимъ южнымъ небомъ и крѣпко спитъ, отражая въ себѣ прозрачную ткань перистыхъ облаковъ, неподвижныхъ и не скрывающихъ собою золотыхъ узоровъ звѣздъ. Кажется, что небо все ниже наклоняется надъ моремъ, желая понять то, о чемъ шепчутъ неугомонныя волны, сонно вползая на берегъ.

„Горы, поросшія деревьями, фантастически изогнутыми нордъ-остомъ, рѣзкими взмахами подняли свои вершины въ синюю пустыню надъ ними, и сухіе, суровые контуры ихъ округлились, одѣтые теплой и ласковой мглой южной ночи.

„Горы—важно-задумчивы. Съ нихъ на пышные зеленоватые гребни волнъ упали черныя тѣни и одѣваютъ ихъ, какъ бы желая остановить это единственное движеніе и заглушить немолчный плескъ воды и вздохи пѣны,—всѣ звуки, которые нарушаютъ тайную тишину, разлитую вокругъ вмѣстѣ съ голубымъ серебромъ сіянія луны, еще скрытой за горными вершинами“.

Или:

„Море смѣялось.

„Подъ легкимъ дуновеніемъ знойнаго вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шум-

Digitized by Google

ный плескъ волнъ, взбѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило, море—тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ.

„Вѣтеръ ласково гладилъ мощную, атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лучами и море, дремотно вздыхая подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленоватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него бѣлую пѣну своихъ пышныхъ гривъ, — она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажняя его...“

Романтизмъ романтизму рознь. Кромѣ романтизма нѣмецкаго, какъ фантастической мечтательности, романтизма французскаго, англійскаго и русскаго есть еще и высшій романтизмъ, когда человѣкъ смѣло и гордо заявляетъ о правѣ своего внутренняго міра на безусловную духовную свободу, когда онъ чувствуетъ, что ему тѣсно и душно среди всѣхъ условій общественности, среди лжи, лицемѣрія и условностей, при помощи которыхъ людямъ-врагамъ удается при встрѣчѣ вѣжливо сказать другъ другу „здравствуй“, а не „издохни“, какъ бы хотѣлось, и любезно одинъ другому улыбаться,—когда, наконецъ, отъ гнетущей пошлости и однообразія обстановки онъ бѣжитъ въ Америку къ индѣйцамъ, какъ Шатобріанъ, въ мечты о счастливомъ доисторическомъ существованіи, какъ Руссо, въ природу, какъ всѣ романтики, во что-то невѣдомое съ его чарующей тайной, въ міръ босяковъ, разбойниковъ, вольницы вообще, міръ крупныхъ душъ и гордыхъ характеровъ... Этотъ вѣчный романтизмъ — лучшій и

Digitized by Google

главный источникъ міровой поэзіи. Конечно онъ есть у Горькаго: его даже много и въ частностяхъ, и въ общемъ настроеніи, сводящемся въ концѣ концовъ къ тому, что онъ поетъ славу „безумству храбрыхъ“. Гордыня своего „я“, меланхолія, неизбѣжная при видѣ холопской и трусливой жизни, любовь къ природѣ и чуткое пониманіе ея—вотъ истинныя основанія того романтизма, о которомъ я говорю. Лично я не знаю ничего болѣе привлекательнаго и освѣжающаго, особенно когда человѣкъ умѣетъ такъ красиво высказать свои мысли и свое настроеніе, какъ Горькій. Чтобы онъ ни писалъ, ни говорилъ—въ немъ чувствуется сильная литературная личность: его „я“ запечатлѣно на каждомъ словѣ, вышедшемъ изъ-подъ его пера,—это „я“, о которомъ забыли даже и думать большинство писателей нашего времени.

II.

Не только невеселой, но прямо-таки тоскливой является наша русская литература, и не разъ было замѣчено, что „печальная и тоскливая нота преобладаетъ у всѣхъ безъ исключенія русскихъ романистовъ, художниковъ, музыкантовъ. Поэты впадаютъ въ элегическій тонъ, романисты становятся реалистами и потому меланхоличными, какъ сама русская жизнь. Эта грустная нотка обязана воздѣйствію всей массы многообразныхъ условій русской дѣйствительности, начиная отъ суроваго климата, болѣзненной впечатлительности славянской натуры и кончая апатіей. Даже у такихъ юмористовъ, какъ Гоголь и Щедринъ, постоянно пробивается наружу меланхолическое настроеніе“... и въ общемъ, повторяю, тонъ нашей литературы—мрачный, тоскующій.

Digitized by Google

Перейдите отъ тона и настроенія къ героямъ художественныхъ произведеній, и вы увидите то же самое. Въ 99-ти случаевъ изъ ста—это просто-на-просто погибшіе люди, люди выбитые изъ колеи какими-то огромными по своей силѣ стихійными условіями жизни, это—разновидность неудачниковъ, наиболѣе излюбленнаго и близкаго намъ типа, это невольные убійцы, бродяги и босяки, часто талантливыя натуры, которыя не могли найти примѣненія своей талантливости и, махнувши рукою на все, крѣпко зажали въ кулакѣ бутылку съ водкой, въ которой нашли разрѣшеніе всѣхъ мучительныхъ вопросовъ, всѣхъ тревогъ своей совѣсти, всей неудовлетворенности своей смутной, но куда-то рвущейся и что-то ищущей мысли. Прямо нѣтъ литературы, герои которой, рядомъ съ несомнѣнной даровитостью, проявляли бы такую малую степень жизнеспособности. Напротивъ того—это самосожигатели, рвущіеся навстрѣчу своей гибели съ какимъ-то упоеніемъ, какъ-то захлебываясь; точно эта гибель только и можетъ принести миръ и покой ихъ мятежной душѣ. „Лишь бы скорѣй“,—говорятъ всѣ эти Григоріи Орловы, Ѳомы Гордѣевы, Коноваловы, Раскольниковы, Карамазовы;—лишь бы скорѣй развязался этотъ страшный узелъ, затянутый жизнью на шеѣ живого человѣка и мѣшающій ему дышать...

Левъ Толстой тоже занимался психологіей русской вольницы и нашелъ ее въ въ отрицаніи радостей жизни, въ полномъ даже пренебреженіи къ нимъ и въ еще большемъ пренебреженіи къ самому себѣ. По мнѣнію Толстого, такое настроеніе — *исключительно русское*, такъ сказать, стихійно національное, и нѣтъ русскаго человѣка, который въ минуту пробужденія въ немъ голоса внутренней правды не почувствовалъ бы всего

Digitized by Google

могущества этого таинственнаго и своеобразнаго пессимизма и не подчинялся бы ему. И несчастный крѣпостной солдатъ Платонъ Каратаевъ, никогда для себя не жившій, никогда не знавшій даже, что такое онъ самъ и его собственныя желанія, и избалованный представитель стараго барства, человѣкъ высшей европейской культуры, полуфранцузъ по образованію, Пьеръ Безуховъ—оба одинаково готовы сойтись на мысли, что жизнь копейка, и свести всю свою философію къ представленію о планидѣ и линіи, руководящихъ судьбою людей.

О Пьерѣ Безуховѣ Толстой говоритъ, напр.: „Два одинаково сильныя чувства неотразимо привлекли Пьера къ исполненію его намѣренія... Первое... другое было то неопредѣленное, *исключительно русское чувство презрѣнія ко всему условному, искусственному, человѣческому, ко всему тому, что считается большинствомъ людей высшимъ благомъ міра...*“ Въ чемъ же выражается это *неопредѣленное исключительно русское чувство? „Это* то чувство, — говоритъ Толстой, — вслѣдствіе котораго охотникъ-рекрутъ пропиваетъ послѣднюю копейку, запившій человѣкъ перебиваетъ зеркала и стекла безъ всякой видимой причины и зная, что это будетъ стоить ему его послѣднихъ денегъ, — то чувство, вслѣдствіе котораго человѣкъ, совершая (въ полномъ смыслѣ) безумныя дѣла, какъ бы пробуетъ свою личную власть и силу, заявляя присутствіе высшаго, стоящаго внѣ человѣческихъ условій суда надъ жизнью...“ („Война и миръ“, т. III).

Изъ этихъ строкъ вы ясно видите, какъ изъ общей психологіи русскаго историческаго типа вырастаетъ спеціальная психологія вольницы, въ ряды которой не только можетъ, но и съ радостью окунулся бы даже

Digitized by Google

Пьеръ Безуховъ, несмотря на свои милліоны, прекрасный французскій языкъ и заграничное воспитаніе: его вѣдь тоже тоска ѣстъ, тоже мучаетъ невѣріе въ себя, въ свои силы и силы человѣка вообще. Оттого-то онъ съ такой жадностью и такимъ упоеніемъ прислушивается къ безнадежной философіи Каратаева, которая вся сводится къ формулѣ: „жизнь—копейка и наше счастье—что вода въ бреднѣ... Такъ-то, миленькій...“

Весь лучшій романъ Толстого, его „Война и миръ“, наполненъ рѣзкими и подчасъ прямо странными параллелями между „русскими и европейцами“. Для великаго нашего писателя это двѣ совсѣмъ различныя породы людей, которыя какъ будто обречены на вѣчное взаимное непониманіе. Какъ бы даже ни сходились условія ихъ внѣшней жизни—по своему міровоззрѣнію, по своей нравственной философіи они безнадежно далеко отстоятъ одинъ отъ другого. Они рѣшительно расходятся по самымъ важнымъ вопросамъ.

Русскій человѣкъ—органически и стихійно пессимистъ и скептикъ. Русскій человѣкъ не вѣритъ ни въ себя, ни въ свои силы, ни въ силы героевъ. Онъ отрицаетъ одинаково и науку, знаніе. Себя и свою жизнь онъ полагаетъ во власти другой, высшей силы, постичь которую онъ напрасно старается своей смутной, хотя и мятежной мыслью.

Толстой цѣликомъ воспринялъ старую, истрепанную даже, мысль о томъ, что западно-европейскій строй созданъ завоеваніемъ, т. е. нападеніемъ, тогда какъ русская жизнь сложилась подъ вліяніемъ вѣковой обороны. Поэтому на Западѣ—личность, инициатива, вѣра во всемогущество героя, т. е. вождя и предводителя, открывающаго новыя страны, задумывающаго новые походы. У насъ—ни того, ни другого, ни третьяго. По-

Digitized by Google

этому на Западѣ—самоувѣренность каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще, привязанность къ жизни въ ея конкретной обстановкѣ, готовность защищать завоеванный клочокъ земли и частицу счастья до послѣдней капли крови; у насъ—„незнаніе ничего и нежеланіе знать что-нибудь и страстная потребность сразу раздѣлаться со всѣми соблазнами и приманками жизни“.

При отрицаніи роли героевъ въ исторіи и низведеніи всего хода событій къ массовому началу Толстой постоянно говоритъ и повторяетъ, что это *русская* точка зрѣнія. „Русскій умъ,—читаемъ мы, напр., — отказывается признать героя, который бы могъ управлять людьми, создавать событія“. Въ характеристикѣ Кутузова мы встрѣчаемся съ той же мыслью, хотя и не такъ еще рѣзко выраженной: „Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія“. Я прошу читателя припомнить теперь ту характеристику, которую даетъ Толстой Наполеону и Кутузову. Собственно это не характеристика, а противопоставленіе. То, что есть у Наполеона, непремѣнно отсутствуетъ у Кутузова, и наоборотъ. Наполеонъ проникнутъ сознаніемъ собственнаго величія; онъ самонадѣянъ, онъ знаетъ, что каждый его шагъ и слово принадлежатъ исторіи, и постоянно красуется, постоянно взвѣшиваетъ, что сказать, что сдѣлать; онъ убѣжденъ, что отъ него, отъ его генія зависитъ выиграть сраженіе, передвинуть многомиліонныя массы людей съ запада на востокъ или съ востока на западъ. Въ Кутузовѣ ничего этого нѣтъ. *Тщеславіе, самомнѣніе, гордость, преувеличенное сознаніе собственной силы—это западный герой;* простота, скромность, смиреніе—героизмъ русскій. Къ этимъ

Digitized by Google

основнымъ чертамъ русскаго характера Толстой возвращается постоянно... Быть можетъ, самымъ любопытнымъ мѣстомъ параллели Толстого является его разсужденіе, полное ироніи и скрытой нелюбви къ Западу и самоувѣренности европейпевъ. Не щадитъ онъ ихъ и ни одной національности не дѣлаетъ ни малѣйшаго послабленія. Вотъ его подлинныя слова: „*Нѣмцы* бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи—науки, т. е. мнимаго знанія совершенной истины. *Французъ* бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ, такъ и тѣломъ, непреодолимо обворожительнымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. *Англичанинъ* самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ—гражданинъ благоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ, и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что ему дѣлать нужно, и знаетъ, что все, что онъ дѣлаетъ, какъ англичанинъ, несомнѣнно хорошо. *Итальянецъ* самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ и забываетъ легко и себя, и другихъ. *Русскій самоувѣренъ именно потому, что ничего не знаетъ и знать не хочетъ*, потому что не вѣритъ, чтобы можно было вполнѣ знать что-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, и тверже всѣхъ, и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина“...

„Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ“. Это немного странная формула, но удивительно характерная именно потому, что въ ней идетъ рѣчь о человѣкѣ, совсѣмъ и цѣликомъ отдавшемъ себя въ распоряженіе чуждымъ для него и ничуть отъ него независящимъ стихійнымъ силамъ.

Толстой очень любитъ этнографическіе термины: „рус-

Digitized by Google

скій“, „исключительно-русскій“, „чисто-русскій“; мнѣ кажется даже, что онъ злоупотребляетъ ими, и все же каждое его замѣчаніе удивительно глубоко. Какими бы предразсудками и какими бы ожесточенно субъективными предубѣжденіями ни былъ полонъ Толстой, чутье дѣйствительности не измѣняетъ ему никогда, потому что онъ какъ будто пережилъ въ себѣ всю старую русскую исторію если не во внѣшнихъ ея событіяхъ, то въ ея настроеніи, ея моментахъ и, пока не сталъ проповѣдникомъ, былъ фаталистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, фаталистомъ, полагающимъ силу человѣка, всю безъ остатка, *внѣ его*... Но такова же и философія босяковъ Горькаго...

Самъ по себѣ человѣкъ не значитъ ничего. Надо отречься отъ себя и зажить безсознательной, инстинктивной жизнью „ихъ, т. е. массы и Платона Каратаева“. Только тогда возможна полнота жизни, а значитъ, и полнота счастья. Интеллигентъ несчастливъ потому, что онъ слишкомъ раздуваетъ свое „я“, слишкомъ большую роль приписываетъ ему, слишкомъ много заботится о немъ, создаетъ въ своемъ воображеніи героевъ, *будто бы* управляющихъ людьми, *будто бы* руководящихъ событіями, и самъ хочетъ быть героемъ, т. е. играть роль, управлять людьми, руководить событіями. Это—глупое, преступное желаніе. Человѣческое „я“ не сила, а лишь призракъ силы. Сила не въ немъ,—въ чемъ же? „Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы безконечно малыхъ), мы можемъ подняться на постигновеніе законовъ исторіи“. Сила исторіи, слѣдовательно, интегралъ, т. е. сумма безконечно большого

Digitized by Google

числа безконечно малыхъ, т. е. перепутывающихся между собой желаній и стремленій людей.

„Интегрировать“ мы не умѣемъ или умѣемъ лишь очень плохо, приблизительно и въ простѣйшихъ случаяхъ, и что же, спрашивается, остается намъ, какъ не признаніе планиды и линіи, какъ не тонкая иронія Каратаева по адресу „разумныхъ усилій“ человѣка, какъ не восторги и восхищеніе передъ безсознательной, или растительной жизнью? Толстой передъ этимъ не останавливается и когда же?—въ періодъ наивысшаго расцвѣта своего таланта, въ періодъ наиболѣе мощной жизненной силы.

Онъ пытается даже возвести это качество въ историко-философскій и нравственный принципъ и говоритъ: „*Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды*, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. *Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью*“. Въ другомъ мѣстѣ, кстати замѣтить, Толстой по тому же поводу выражается еще рѣшительнѣе: „Если,—читаемъ мы,—допустить, что жизнь человѣческая можетъ управлятьея разумомъ, то уничтожается самая возможность жизни“. Итакъ, нуженъ инстинктъ, безсознательность, и съ этой точки зрѣнія выше Каратаева ничего и быть не можетъ. Прежде всего въ Каратаевѣ совсѣмъ нѣтъ его самого, нѣтъ его собственной личности. Все это взяли себѣ и растратили другіе. Въ солдаты онъ попалъ не по очереди, за брата; жилъ и служилъ онъ не для себя, а для исполненія приказаній; застрѣлили его французы, какъ собаку, и онъ ни словомъ, ни движеніемъ не могъ и не умѣлъ возразить противъ этого. Въ плѣну, въ казармѣ, въ жизни вообще, онъ всегда доволенъ, всегда радостенъ, привѣтливъ, ласковъ.

Digitized by Google

Онъ любитъ всѣхъ, одинаково ко всѣмъ привязывается, одинаково спокойно со всѣми разстается. Онъ не то, чтобы фаталистъ, а просто органически не признаетъ, чтобы одинъ отдѣльный человѣкъ могъ что-нибудь сдѣлать, играть какую-нибудь роль въ жизни, управлять событіями. Онъ знаетъ, что онъ, Платонъ Каратаевъ, весь цѣликомъ въ рукахъ чего-то грознаго, могучаго, всесильнаго. Это грозное, могучее, всесильное—жизнь. „Каждое его слово и каждое его дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему, Платону Каратаеву, дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ въ себѣ...“ Таковъ Платонъ Каратаевъ, который былъ такимъ же проявленіемъ народнаго духа, какъ Кутузовъ выразителемъ народной воли. Оба—послушныя орудія стихійнаго, неотразимаго, огромнаго: народной массы и жизни милліоновъ и еще чего-то, чему нѣтъ даже имени на человѣческомъ языкѣ.

Отъ Каратаева до босяка одинъ шагъ. Вдумайтесь хотя бы въ извѣстный разсказъ его о бумагѣ и скажите потомъ, что, зачѣмъ и къ чему дѣлать человѣку. Этотъ разсказъ—любопытная вещь: „Списали... послали бумагу, какъ слѣдоваетъ... Мѣсто дальнее, пока судъ да дѣло, пока всѣ бумаги списали, какъ должно, по начальствамъ, значитъ... До царя доходило. Пока что, пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награжденья, сколько тамъ присудили; пришла бумага, стали старичка разыскивать... Гдѣ такой старичокъ безвинно напрасно страдалъ? Отъ царя бумага вышла... Стали искать. (Нижняя

Digitized by Google

челюсть Каратаева вздрогнула). А его ужъ Богъ простилъ: померъ... Такъ-то, соколикъ!"—закончилъ Каратаевъ и долго, молча улыбаясь, смотрѣлъ передъ собой".

Весь этотъ коротенькій разсказъ—жестокая сатира. Каратаевъ, закончивъ его, улыбается долго и молча, и ясно—чему? Улыбается онъ глупости людей, которые думаютъ, что могутъ кого-то осудить, кого-то простить, водворить какую-то свою бумажную правду на землѣ. Ничего они этого не могутъ, какъ не могутъ одинаково „загородить досками безсмертную душу человѣка".

„Надо опрокинуть лишь тоненькую перегородку коекакихъ предразсудковъ, чтобы почувствовать всю прелесть босячества",—говоритъ Толстой исторіей своего Пьера Безухова, который только „здѣсь, въ плѣну, въ грязномъ балаганѣ, въ первый разъ... вполнѣ оцѣнилъ наслажденіе ѣды, когда хотѣлось ѣсть; питья, когда хотѣлось пить; сна, когда хотѣлось спать; тепла, когда было холодно; разговора съ человѣкомъ, когда хотѣлось говорить и послушать человѣческій голосъ". Вообще, культурный человѣкъ дѣлаетъ все, когда и какъ принято, а не то, что и когда ему дѣйствительно хочется. Оттого-то онъ и рабъ условностей, оттого-то онъ такъ жадно и ищетъ забвенія во всемъ—службѣ, винѣ, женщинахъ, комильфотности, чтобы не слышать постояннаго звона наложенныхъ на него цѣпей.

Удивительнымъ, хотя и постижимымъ образомъ соединился въ Толстомъ баринъ съ вѣковыми преданіями цивилизованной и властной жизни съ самымъ чистымъ босякомъ, котораго тяготитъ вѣчное обязательство, всякая условность и вообще всѣ эти „convectionellen *Lurgen* der Kulturmenschcheit"... Но ясно въ то же время, что одинаково, какъ традиціи барства, такъ и босяцкіе инстикты заставляютъ его ненавидѣть мѣщан-

Digitized by Google

ство. О! въ этомъ, только въ этомъ онъ постоянно вѣренъ себѣ, и какъ бы ни мѣнялось его міропониманіе, онъ не хочетъ протянуть не только руки, но и пальца представителямъ мѣщанской нравственности и мѣщанскихъ правилъ бытія.

Я утверждаю, что главная сила, мѣшающая человѣку стать героемъ,—это сила мѣщанства. Одинаково тоже огромная сила мѣшаетъ человѣку переходить въ ряды босяковъ. Мѣщанство—это обладаніе и пользованіе, это ревность къ тому, что принадлежитъ только тебѣ. Героизмъ и босячество—это прежде всего стремленіе и—какъ всякое человѣческое стремленіе — неудовлетворенное.

Я напомню моментъ, когда въ Толстомъ безпричинная тоска вылилась въ жгучую и порывистую ненависть, въ мощное проклятіе мѣщанскому, что было въ его собственной жизни, что было въ немъ самомъ, и когда онъ почувствовалъ прелесть босячества.

„Такъ я жилъ,—разсказываетъ Толстой о періодѣ своего „семейнаго счастья“,—но пять лѣтъ назадъ (1876 г.) со мною стало случаться что-то странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе.

„Но это проходило, и опять я продолжалъ жить попрежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинокими вопросами зачѣмъ?... ну, а потомъ?... Сначала мнѣ казалось, что это такъ-себѣ, безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось, что все это извѣстно, и что если я захочу заняться ихъ разрѣшеніемъ, то это не будетъ стоить мнѣ никакого труда, что теперь мнѣ некогда только

Digitized by Google

этимъ заниматься, а когда вздумаю, тогда и отвѣты найду. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовались отвѣты, и, какъ точки, падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы безъ отвѣтовъ въ одно черное пятно. Я нашелъ, что это не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. Но только что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить эти казавшіеся мнѣ дѣтскими и простыми вопросы, я тотчасъ же убѣдился, что эти вопросы — самые глубокіе и важные въ жизни вопросы, и, что сколько бы я ни думалъ, я не могу разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать.

„Ну, хорошо: у тебя будетъ 6 тысячъ десятинъ, 300 головъ лошадей, а потомъ?.. И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: зачѣмъ? Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: а мнѣ что за дѣло? Или, думая о славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо: ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну, и что жъ?“ И я ничего, ничего не могъ отвѣтить.

„Остановилась тогда моя жизнь. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не ѣсть, не спать, но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. Если я желалъ чего, я впередъ зналъ, что удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе—изъ

Digitized by Google

этого ничего не выйдетъ. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній прежнихъ,—въ трезвыя минуты я знаю, что это—обманъ, что желать нечего. Какая-то непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ была такъ соблазнительна что я долженъ былъ употреблять противъ нея хитрости, чтобы не привести ее слишкомъ скоро въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться. Если не распутаюсь, то всегда успѣю,—говорилъ я себѣ. И это сдѣлалось со мной тогда, когда я былъ совершенно счастливъ—все у меня было: семья прекрасная, средства большія и все возраставшія, слава, уваженіе ближнихъ, здоровье, сила тѣлесная и душевная, кажется, все. Я уже ничему въ жизни не могъ придать никакого разумнаго смысла. Все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Не нынче, завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, забудутся всѣ,—раньше или позже—это все равно. И главное—меня не будетъ. Такъ изъ-за чего же хлопотать? Прежній обманъ радостей житейскихъ, заглушавшій ужасъ смерти, уже не обманывалъ меня. Сколько ни говорили мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи,—я не могъ уже этого дѣлать, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могъ не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти.

„Тѣ двѣ капли меда, которыя дольше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины, — любовь къ семьѣ и писательству, которое я называлъ искусствомъ,—уже стали не сладки мнѣ. Семья?—говорилъ я себѣ,—но семья—жена, дѣти—они тоже люди. Она тоже должна

Digitized by Google

или жить во лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ же мнѣ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, растить... и блюсти ихъ? — говорилъ Левинъ, рыдая. Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины,—всякій шагъ въ познаніи приведетъ ихъ къ истинѣ. А истина — смерть... Искусство, поэзія? Долго подъ вліяніемъ успѣха, похвалы людской я увѣрялъ себя, что смерть, которая уничтожитъ и дѣла мои, и память о нихъ,—ничтожна. Но скоро я увидѣлъ, что и это обманъ. Мнѣ ясно было, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ ней. Но жизнь потеряла для меня всю заманчивость,—какъ же я могу заманивать другихъ? Пока я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ, хоть я и не умѣю выразить его,—отраженіе жизни въ искусствѣ доставляло мнѣ радость: мнѣ весело было смотрѣть на жизнь въ это зеркальце искусства. Но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, зеркальце это стало мнѣ или мучительно, или ничтожно...

„Зеркальце теперь говорило, что положеніе мое отчаянно и глупо: этимъ я не могъ утѣшаться. Хорошо мнѣ было любоваться его отраженіями, когда я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ. Тогда эта игра свѣтовъ — комическаго, трагическаго, трогательнаго, прекраснаго, ужаснаго въ жизни — потѣшала меня. Но когда я узналъ, что жизнь безсмысленна и ужасна, игра въ зеркальце не могла уже забавлять меня. Но и этого мало. Если эта истина всегда была мнѣ извѣстна, я бы могъ быть спокойнымъ, зная, что это мой удѣлъ. Если бы я былъ, какъ человѣкъ, отъ рожденія безвыходно живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что выхода нѣтъ, я бы могъ жить.

„Но я былъ, какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу,

Digitized by Google

на котораго нашелъ ужасъ оттого, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу; знаетъ, что всякій шагъ еще больше путаетъ его, и не можетъ не метаться. Это было ужаснѣе всего... И, чтобы избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ—передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня, зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ждать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что, все равно, разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что-нибудь, и все кончится,—я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣй, поскорѣй избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству...“

Если мы вникнемъ въ огромность этого недовольства, въ жгучую силу затаеннаго тутъ проклятія, мы увидимъ, что Толстой былъ прямо на порогѣ всякаго рода трущобъ, и это несмотря на свой титулъ, богатство, славу и почести. Чисто личныя, случайныя, значитъ, обстоятельства помѣшали ему осуществить даже сотую долю его намѣреній: онъ не роздалъ имѣнія, не пошелъ бродить по пустынѣ-матери, и босячество было пережито имъ, такъ сказать, въ душѣ.

Я уже сказалъ выше, что задерживающіе центры всѣ или, по крайней мѣрѣ, громадное ихъ большинство коренятся въ мѣщанствѣ, въ чувствѣ пользованія, обладанія и собственности. Естественно, что стоило лишь заподозрить прочность этого обладанія и цѣнность этой собственности, какъ въ душѣ наступилъ босяцкій кризисъ и великій человѣкъ увидѣлъ себя нищимъ.

Онъ дошелъ до этого дорогою пресыщенія—„черезъ

Digitized by Google

тучныя пастбища, лѣса, обремененные плодами, и нивы, склонившіяся подъ тяжестью хлѣбовъ“. Но есть и другой путь, прямо противоположный, приводящій однако къ тому же перекрестку съ тѣми же роковыми надписями:

„Здѣсь лежатъ предъ тобой три пути, здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери. Выбирай, что твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ: пойдешь вправо—жди совѣсти тяжкой потери, пойдешь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри, а налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ“.

Я говорю теперь о другомъ пути — хроническаго недоѣданія всяческаго — столько же матеріальнаго, сколько и духовнаго, постоянной голодовки, постояннаго ощущенія человѣка, что ему нечего ѣсть, нечѣмъ дышать, нечѣмъ жить вообще... Результаты, повторяю, въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы.

Дюрингъ превосходно разработалъ эту тему, и вотъ его главныя, руководящія мысли:

„...Излишество въ удовлетвореніи потребностей или, вѣрнѣе, чрезмѣрное возбужденіе чувствъ и злоупотребленіе ими ведутъ къ роковому результату, оканчивающемуся бездѣйствіемъ и неспособностью организма къ дальнѣйшимъ отправленіямъ жизненныхъ функцій. Пресыщеніе рождаетъ отвращеніе...

„...Противоположный полюсъ составляютъ лишенія и недостатокъ. Обусловленное ими нарушеніе естественныхъ функцій также влечетъ за собою органическое разстройство, также можетъ вызывать проклятія по адресу несовершенствъ человѣческаго существованія, но никогда не сопровождается отвращеніемъ къ естественнымъ проявленіямъ жизни“.

Въ этомъ случаѣ:

Digitized by Google

...„не разрушены органы и не притуплена способность къ возбужденіямъ, а существуетъ только недостатокъ въ предметахъ для воспріятія и средствахъ удовлетворенія. Гдѣ нужда и страданія достигли извѣстной степени, тамъ слабость и болѣзненное разстройство органовъ оказываютъ, безъ сомнѣнія, свое дѣйствіе и въ крайнемъ случаѣ вредно отзываются на физической и духовной способности къ жизни. Тамъ въ перспективѣ виднѣется смерть, какъ естественное послѣдствіе отсутствія средствъ къ жизни, какъ результатъ голода, заботъ и другихъ лишеній. Но такое разстройство, какъ бы ужасно оно ни было, не слѣдуетъ смѣшивать съ истощеніемъ, происходящимъ отъ избытка въ наслажденіяхъ. Поэтому чувства, которыми сопровождается страданіе, возникающее изъ лишенія, никогда не получаютъ характера противодѣйствія жизни, обусловливаемаго враждебностью къ самимъ жизненнымъ возбужденіямъ. Непосредственная причина несчастія такъ очевидна, что не оставляетъ мѣста для сомнѣній. Причиною этого въ своемъ конечномъ выводѣ является не иное что, какъ условія, не дозволяющія пользоваться средствами жизни и препятствующія труду наслаждаться его результатами...“ „При такомъ порядкѣ вещей можно, конечно, проклясть условія, связанныя съ страданіями отъ недостатка и лишенія, но во всякомъ случаѣ здѣсь никогда не зародится мысль отдать на поруганіе стремленія, направленныя на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Крайнее состояніе нужды и связаннаго съ нею страданія можетъ даже вызвать истинное негодованіе противъ жизни, но это будетъ только возмущеніемъ противъ тѣхъ условій, благодаря которымъ жизнь не можетъ дать надлежащаго удовлетворенія. Это негодованіе все-таки *будетъ связано съ желаніемъ*

Digitized by Google

жить, но только при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ существованія".

Разница въ результатахъ пресыщенія и недоѣданія есть, какъ видно, но все же, повторяю, форма, въ которую можетъ выразиться негодованіе противъ жизни, можетъ быть одной и той же.

Я взялъ Толстого потому, что путемъ пресыщенія онъ дошелъ до метафизическаго голода—до вѣчныхъ вопросовъ бытія и смысла жизни, на которые у него не было да и теперь нѣтъ никакого отвѣта. Все то положительное, что даетъ намъ его ученіе, имѣетъ самую ничтожную цѣну и способно увлечь за собою единицы, но роль его критики огромна.

Эта критика направлена вся цѣликомъ противъ задерживающихъ центровъ, противъ соблазновъ мѣщанской обстановки, противъ тѣхъ путей, при помощи которыхъ она изъ свободнаго человѣка дѣлаетъ своего холопа и раба. Безъ особенной разборчивости, хотя и съ громадной дерзостью мысли, Толстой причисляетъ къ этимъ соблазнамъ и путямъ—„писательство", славу, уваженіе людей, семью, но основа мысли его остается глубокой и проникновенной: здѣсь все дѣло идетъ о невозможности для него, Толстого, стараго барина съ заложенными въ душу стихійно-босяцкими порывами, принять мѣщанскую нравственность обладанія, мѣщанскія правила пользованія, мѣщанское преклоненіе передъ „условнымъ и искусственнымъ въ жизни человѣка".

Толстой, по обыкновенной своей привычкѣ, разъ дѣло касается личной его жизни, говоритъ слишкомъ обще: „на него стали находить минуты унынія, жизнь его остановилась" и т. д. „Вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю"—вотъ смыслъ предыдущихъ строкъ.

Digitized by Google

Медъ исчезъ, возможность и охота наслаждаться медомъ исчезла, корень жизни надломился—и великій человѣкъ на вершинѣ человѣческой славы опять стоитъ съ глазу на глазъ съ роковой тайной бытія и, вперивъ въ безконечную пустоту вселенной свой испытующій взглядъ, спрашиваетъ себя: „зачѣмъ, къ чему?..“ и чуть ли не находитъ исхода въ босячествѣ.

Очень извиняюсь за это отступленіе, но я считалъ его неизбѣжнымъ. Я вообще считаю неизбѣжными отступленія въ сторону Толстого, разъ заходитъ вопросъ о явленіяхъ современной жизни. Этотъ удивительный человѣкъ, этотъ гигантъ слова и мысли, мысли глубокой, неподкупной и страстной, въ то же время является тѣмъ фокусомъ, въ которомъ сходятся если не всѣ, то большая часть лучей нашего бытія. Повторяю: *не всѣ, но большая часть.* Оттого-то немыслимо обойти даже случайныя извилины его исканій, въ которыхъ странно и чудно сплелись страсть и мысль, старое барство, пресыщеніе благами жизни и голодъ,—самый настоящій голодъ по истинѣ и общему счастью. Его святая тоска по внутренней правдѣ, его святая ненависть ко лжи и насилію—все это заставляетъ видѣть въ немъ человѣка, стоящаго на вершинѣ горы, человѣка гордаго, могучаго, страдающаго любящаго, окруженнаго свѣтомъ таящейся въ его душѣ внутренней правды. Скорбно смотритъ онъ на землю, разстилающуюся передъ его глазами, гдѣ копошатся маленькіе, безсильные лицемѣры, лживые и трусливо жестокіе люди. Но онъ любитъ ихъ,—больше:—онъ вѣритъ, что въ каждомъ изъ этихъ не людей даже, а людишекъ, таится тотъ же огонь вѣчной правды, который озаряетъ и его

Digitized by Google

геній. Онъ вѣритъ, что нѣтъ такого положенія, нѣтъ такой глубокой грязи, куда бы не могъ донестись призывъ возрожденія. Жизнь для него хороша, чудно хороша, потому что въ ней могутъ еще быть веселыми и птицы, и растенія, но не люди съ своею ложью, своимъ насиліемъ и жестокостью, потому что внутри ихъ нѣтъ красоты, „располагающей къ миру, согласію, и любви". И, отказавшись отъ всего мѣщанскаго, отбросивъ его, какъ гниль и заразу, Толстой говоритъ намъ, что въ природѣ есть красота простора, шири, красота свободы и приволья. Но кто же заставляетъ людей изъ этой дивно-прекрасной природы создавать себѣ тюрьму? И горе даже не въ ней, въ этой тюрьмѣ, горе въ томъ, что люди считаютъ, что такъ оно и должно быть, смѣются надъ всякимъ и преслѣдуютъ всякаго, кто говоритъ имъ, что такъ оно быть не должно. Человѣкъ, проповѣдующій что-нибудь подобное, является какъ бы ихъ личнымъ врагомъ. Они не понимаютъ его, и источникъ ихъ сначала раздраженія, а потомъ и ненависти именно въ этомъ непониманіи. Въ „Воскресеніи" Толстого, или, лучше сказать, въ идеѣ этого романа повторяется старая сказка Платона, вѣчно свѣжая и юная, несмотря на пережитыя ею тысячелѣтія. Платонъ говоритъ намъ о людяхъ, живущихъ гдѣ-то далеко, въ глубокихъ пещерахъ. Мало того, что они живутъ въ пещерахъ, они прикованы еще къ ихъ стѣнамъ тяжелыми желѣзными цѣпями. Они вѣчно во тьмѣ, вѣчно въ спертомъ воздухѣ. Ни лучъ солнца, ни порывъ вѣтра не доходятъ до нихъ. И они такъ свыклись съ своимъ положеніемъ, что считаютъ свою жизнь самой разумной и превосходной, какую только можно вообразить себѣ. Ничего другого они не хотятъ и даже не представляютъ возможности, чтобы было другое, кромѣ вѣчнаго

Digitized by Google

мрака и сырости, лязга цѣпей и спертаго воздуха. Но вотъ приходитъ къ нимъ человѣкъ другого міра, выросшій на берегу ручья, среди свѣта, простора и зелени, и о красотахъ этого міра онъ начинаетъ разсказывать вѣчнымъ узникамъ. Онъ говоритъ имъ о томъ, какъ ярко свѣтитъ солнце, какъ шумитъ лѣсъ, какая радость родится въ душѣ человѣка, видящаго восходъ солнца. Узники слушаютъ эти странныя и чуждыя для нихъ рѣчи и не вѣрятъ. Потомъ они начинаютъ смѣяться. Потомъ они уже обижены и гонятъ отъ себя человѣка другого міра, называя его лжецомъ и обманщикомъ... и даже... антихристомъ, какъ это случилось съ Влад. Серг. Соловьевымъ.

Толстой повѣрилъ въ возможность для человѣчества жить безъ нравственности обладанія, безъ принциповъ присвоенія; въ мечтѣ о счастьѣ людей его мятежный духъ вкусилъ живой воды. Другой выходъ изъ мѣщанства—не босячество, а героизмъ—привлекъ его къ себѣ своей могучей и нетлѣнной красотой, и великій писатель земли русской зоветъ насъ теперь къ воскресенію.

Возвращаюсь къ босякамъ Горькаго.

Они, главнымъ образомъ,—продуктъ недоѣданія, а не пресыщенія, и оттого они еще ближе ко всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ. Въ нихъ есть гнѣвъ на жизнь, презрѣніе ко лжи и условностямъ обыкновеннаго т. н. упроченнаго существованія, но ихъ отвращеніе къ жизни вообще, вызванное неудачами, мерзостью дѣйствительности, ея обидами, не переходитъ въ апатію и тупое равнодушіе. Они жадны, и жадно хотятъ жить.

То, что я говорилъ выше о давленіи современной

Digitized by Google

культуры на человѣка, на личность, и тѣхъ вервіяхъ, которыми она его опутываетъ, объ его грустномъ сознаніи своего ничтожества передъ ея всемогуществомъ, о массѣ лжи и условностей, которыя ежедневно намъ приходится исполнять и высказывать страха ради іудейска, какъ всякій понимаетъ,—только одна сторона дѣла. Есть другая, не менѣе важная, а для будущаго и еще болѣе важная. Это жажда истины, это порывъ къ полной чистотѣ и правдѣ, это „я не хочу“ униженнаго и пригнетеннаго человѣка.

Человѣкъ—вещь, вообще говоря, страшно сложная. Казалось бы, что вотъ-вотъ все такъ устроено и мудро прилажено, что его уже совсѣмъ нѣтъ, что всѣ отдушины, откуда можетъ дойти до него свѣжій воздухъ, тщательно закупорены, что на ногахъ у него мѣшки съ пескомъ, что и самъ онъ какой-то пришибленный, и вообще у него „всѣ изъ черепа высшія вышли способности“,—но нѣтъ... Лишь отчасти яснымъ, лишь отчасти постигаемымъ путемъ, сознаніе своей личности, огромности своихъ силъ, величія своего человѣческаго достоинства, своего неопровержимаго права на счастье прорывается въ немъ стихійно и мощно...

Благодаря своему художественному дарованію, Горькій, какъ и слѣдуетъ быть, умѣлъ придать каждому изъ своихъ героевъ вполнѣ опредѣленную и отдѣльную физіономію. Однако, у всѣхъ этихъ босяковъ есть, разумѣется, общія черты, которымъ я хотѣлъ бы подвести небольшой „итогъ“. Я говорилъ выше о презрѣніи босяковъ къ мѣщанству. Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ они живы, въ чемъ „Богъ живого человѣка“, который есть въ нихъ.

Прежде всего любопытно отмѣтить, что ни одинъ босякъ у Горькаго никогда ни единымъ словомъ не на-

Digitized by Google

поминаетъ о Богѣ. Въ нихъ и у нихъ все — земное. Странно, что такое явленіе приходится наблюдать у людей, вышедшихъ чуть ли не вчера прямо изъ среды народа, однако это такъ. Никогда и ни слова, ни мужчины ни женщины, ни пьяные ни трезвые, ни глупые ни умные, ни даже люди, философски настроенные, которымъ совсѣмъ не чужды высшіе вопросы о смыслѣ собственнаго своего существованія. Коновалова, напр., эти вопросы повергли даже въ какое-то хроническое недоумѣніе до такой степени, что образовали ржавчину на его душѣ. Ѳома Гордѣевъ одинаково стихійно занятъ ими, и вообще они нисколько не чужды босякамъ. Авторъ совершенно правъ, называя ихъ „сильно алчущими и жаждущими". „Зачѣмъ" и притомъ очень серьезное „зачѣмъ" глубоко засѣло въ ихъ сердцѣ. Въ сущности все сводится къ этому вопросу и притомъ у такихъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ натуръ, какъ Коноваловъ, Ѳома, Гришка Орловъ, Мальва...

„Мальва посмотрѣла на него и опять спросила:

„А тебѣ хочется книжки читать?

„— Мнѣ? Нѣтъ. Чего тамъ?

„— А я люблю... вотъ и теперь выпросила у приказчиковой жены книжку и читаю.

„— Про что?

„— Про Алексѣя, Божія человѣка".

И задумчиво разсказавъ ему о томъ, какъ юноша, сынъ богатыхъ и важныхъ родителей, ушелъ отъ нихъ и отъ своего счастья, а потомъ вернулся къ нимъ нищій и оборванный, жилъ на дворѣ у нихъ вмѣстѣ съ собаками, не говоря имъ до смерти своей, кто онъ, Мальва тихо спросила у Якова,

„— *Зачѣмъ* это онъ такъ?"

Digitized by Google

Возлѣ этого вопроса вертится вся босяцкая философія. Каждаго изъ нихъ интересуетъ прежде всего, зачѣмъ и почему сталъ онъ босякомъ, что оторвало его отъ людей и міра, что заставило утерять свою „точку“, порвать всѣ привязанности, голодать и холодать вмѣсто того, чтобы жить сытымъ и въ теплѣ. Отвѣта они не находятъ или находятъ отвѣты, неудовлетворяющіе ихъ самихъ,—до того они неопредѣленны и даже несуразны. Но люди гордые, очень высоко ставящіе свое личное „я“, они ничуть не расположены пренебрежительно относиться къ тѣмъ мыслямъ, которыя безпокоятъ ихъ буйныя головы. Они разсуждаютъ и очень настойчиво разсуждаютъ, возвращаясь все къ тому же пункту: почему и зачѣмъ? Но, повторяю,—о Богѣ никогда ни слова, хотя запросы глубоки и серьезны.

Въ концѣ коротенькаго разсказа „Болесь“ по этой части есть даже небольшое нравоученіе, которое какъ будто нехотя прочитываетъ намъ Горькій словами одного своего знакомаго, какого-то доктора:

„Н-да-съ... *Чѣмъ больше человѣкъ вкусилъ горькаго, тѣмъ свирѣпѣе жаждетъ онъ сладкаго.* А мы этого не понимаемъ, облеченные въ наши ветхія добродѣтели и глядя другъ на друга сквозь дымку самомнѣнія и убѣжденія въ нашей всяческой непогрѣшимости...

„Выходитъ довольно глупо и... очень жестоко... Дескать, падшіе люди... А что такое падшіе люди? Прежде всего—люди,—та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣлые вѣка изо-дня-въ-день. А мы слушаемъ и... чортъ знаетъ, какъ это все нелѣпо!.. Или мы уже совершенно оглохли отъ громкой проповѣди гуманизма?.. Въ сущности, сами-то мы тоже падшіе и, пожалуй, очень даже глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самомнѣнія

Digitized by Google

и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и мозговъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые только менѣе хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притворяться хорошими, чѣмъ мы притворяемся... А впрочемъ, будетъ объ этомъ. Такъ все это старо... что даже совѣстно говорить... Очень старо... да!..".

Религіозное чувство отсутствуетъ; если есть чувство общественное, то развѣ лишь въ своей элементарной формѣ товарищества. Но товарищество это—рѣдко глубоко. Обыкновенно оно случайно. Идутъ двое людей по одной и той же дорогѣ, терпятъ вмѣстѣ нужду и лишенія, дошли до распутья: одинъ повернулъ направо, другой налѣво — и все тутъ, и конецъ товариществу, какъ будто его и не было совсѣмъ. Вообще же по босяцкой философіи даже лучше, если совсѣмъ безъ людей, лучше, конечно, потому, что свободнѣе.

„И на какого тебѣ, Максимъ, чорта люди?!"—философствуетъ Коноваловъ и въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о слышанной имъ исторіи Робинзона Крузое. „...Интересно, страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо—ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ — на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ? а? Мнѣ и одному не скучно. Ты читалъ такую книгу?"

Разстаться и, быть можетъ, навсегда съ человѣкомъ, хотя бы самымъ близкимъ,—босяку ровно ничего не стоитъ. Его „босячество" возстаетъ противъ привязанностей, не уживается съ ними и даже исключаетъ ихъ. Сошлись—ну что же? Отчего и не пожить вмѣстѣ, пока живется. Только уже чтобы никакого контракта, никакого обязательства сверхъ срока, обусловленнаго

Digitized by Google

чувствомъ, желаніемъ или капризомъ. Просто разстается Изергиль съ тѣми, кто любилъ ее, и ни капли жалости и горечи не остается въ ея сердцѣ. Равнодушно смотритъ босячка Мальва вслѣдъ уходящему Василію, своему любовнику. Не безъ надрыва, но и безъ всякой дѣйствительной муки покидаетъ Орловъ свою жену, которую онъ все же любилъ. Трогательнѣе, пожалуй, исторія Коновалова, но, въ сущности, и здѣсь то же самое:

„Такъ вотъ,—разсказываетъ Коноваловъ,—нашла на меня тоска, я и говорю ей, купчихѣ-то: Вѣра Михайловна! отпусти меня,—больше я не могу! Что,—говоритъ,—надоѣла я тебѣ?—И смѣется, знаешь, да таково нехорошо смѣется. Нѣтъ, молъ, не ты мнѣ надоѣла, а самъ я себѣ не подъ силу сталъ. Сначала она не понимала меня, даже кричать стала, ругаться... Потомъ поняла. Опустила голову и говоритъ: Что же, иди!—заплакала. Глаза у нея черные и вся она смуглая. Волосы—тоже черные и кудрявые. Она не купеческаго роду была, а изъ чиновныхъ... Н-да... Жалко мнѣ ея было, и противенъ я былъ самъ себѣ тогда. Зачѣмъ поддался бабѣ?—неизвѣстно... Ей, конечно, скучно было съ этакимъ-то мужемъ. Онъ совсѣмъ какъ мѣшокъ муки... Плакала она долго, — привыкла ко мнѣ... Я ее нѣжилъ: возьму, бывало, на руки и укачиваю. Она спитъ, а я сижу и смотрю на нее. Во снѣ человѣкъ очень хорошъ бываетъ,—такой простой; дышитъ да улыбается, и больше ничего. А то,—на дачѣ когда жили,—бывало, поѣдемъ съ ней кататься, — во весь духъ она любила. Пріѣдемъ, куда ни-то въ уголокъ въ лѣсу, лошадь привяжемъ, а сами въ холодокъ на траву. Она велитъ мнѣ лечь, положитъ мою голову себѣ на колѣни и читаетъ мнѣ какую-нибудь книжку. Я слушаю,

Digitized by Google

слушаю, да и засну. Хорошія исторіи читала, очень хорошія. Много она мнѣ разныхъ исторій читала. Славная была женщина, и по сей часъ жалко мнѣ ея. Кабы не моя планета — не ушелъ бы я отъ нея, пока сама того не захотѣла бы или мужъ не узналъ про наши съ ней дѣла. Ласковая она была—вотъ что первое; т. е. не тѣмъ ласковая, что подарки дарила, а такъ... по сердцу своему ласковая. Цѣлуется она со мной и все такое—женщина, какъ женщина... а вотъ иногда найдетъ, бывало, на нее этакій тихій стихъ... удивительно даже, до чего она тогда хорошій человѣкъ была. Смотритъ, бывало, прямо въ душу и разсказываетъ, какъ нянька или мать. Я въ такія времена, бывало, прямо какъ пятилѣтній ребенокъ передъ ней. Но все-таки ушелъ отъ нея—потому тоска! Тянетъ меня куда-то... Прощай, — говорю, — Вѣра Михайловна, прости меня. Прощай, — говоритъ,—Саша! И—чудная — обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ! Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ...

„Les hommes et les femmes courraient les bois — и сходились лишь на то время, когда это было нужно обоимъ“.

Любовь и привязанность босяковъ на самомъ дѣлѣ не идетъ дальше этого, развѣ за самыми ничтожными, незамѣтными почти исключеніями. „Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это—нехорошія встрѣчи: все равно какъ съ покойниками“, — говоритъ старуха Изергиль.

Жалко работнику въ разсказѣ „Тоска“ покидать полюбившую его дѣвушку, и онъ самъ говоритъ, что жалко. „Да что станешь дѣлать?“ Тянетъ куда-то на

Digitized by Google

шпрь и просторъ отъ всей тѣсноты этой упроченной жизни, отъ жирныхъ щей и вѣрнаго куска хлѣба, тянетъ на холодъ и голодъ, на безцѣльное бродяжество по большимъ дорогамъ—куда-нибудь—лишь бы прочь отъ „этой капли, камень долбящей“, отъ этого однообразія ощущеній, отъ всей этой обстановки, гдѣ все то же самое...

Но все же,—чѣмъ они живы? Это очень сложный вопросъ, и у Горькаго мы найдемъ много разныхъ отвѣтовъ на него. Но всѣ они, повидимому, сводятся къ одному главному: они живы тѣмъ, что у нихъ нѣтъ страха жизни, нѣтъ боязни утерять что-нибудь, потому что у нихъ ничего нѣтъ, и они не хотятъ ничего имѣть. Это очень напоминаетъ формулу Толстого: „Русскій самоувѣренъ, потому что онъ ничего не знаетъ и ничего не хочетъ знать“. Всякое знаніе, — прошлое, настоящее и даже возможное въ будущемъ,—„русскій“, по мнѣнію Толстого, заранѣе отвергъ своимъ скептицизмомъ, своимъ недовѣріемъ къ человѣческому разуму; всѣ соблазны жизни босякъ отвергъ кореннымъ своимъ пренебреженіемъ къ жизни вообще. Онъ хочетъ быть вольной птицей, чтобы ничего не терять, ничего отъ жизни не ждать, ни на что не надѣяться ничего не жалѣть...

Жалко ли вамъ разстаться съ людьми, которыхъ вы, проѣзжая въ вагонѣ желѣзной дороги, видите гуляющими на платформѣ вокзала? Пусть даже упадетъ на васъ оттуда „милый взглядъ, мимолетнаго полный участья“, пусть замѣтите вы мимоходомъ „грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица“—вамъ не жаль „по-настоящему“, потому что настоящая жалость при потерѣ является лишь отъ разрыва привычки. Это жестоко, но все же и мать всегда больше будетъ жалѣть

Digitized by Google

трехмѣсячнаго ребенка, чѣмъ того, который прожилъ всего три минуты. Привычка вырастаетъ на почвѣ обладанія и пользованія, и естественно, что она прежде и больше всего противорѣчитъ идеаламъ босяцкаго существованія.

„...Вотъ гдѣ-то разговариваютъ люди.

„— Не проси, Мотря, не теряй попусту словъ,—не останусь... Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться; уйду я за Кубань...

„— А я-то какъ же, Кузя? Ты подумай, какъ я-то безъ тебя буду? Вѣдь люблю я тебя, соколика, лю-ю-блю, вольный ты мой!—отвѣчалъ Кузькѣ низкій женскій контральто.

„— Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего-себѣ: повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ. Да развѣ это онѣ,—тѣ самыя, которыхъ я цѣловалъ да миловалъ? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду написано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену не промѣняю, ни на какія хаты не смѣняю. Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ...

„— А меня-то, Кузя, меня-то? Я-то куда дѣнусь отъ тебя? Подумай-ка! Али ты меня не любишь ужъ? Али ты меня не жалѣешь?

„— Тебя-то, тебя-то... А тебя я здѣсь оставлю... за вдоваго Чекмарева замужъ выйдешь. Дѣти у него есть... да ничего: самъ онъ мужикъ хорошій.

„— Не лю-ю-бишь ты меня!..—какъ-то выдохнула изъ себя, а не сказала женщина.

Digitized by Google

„— Не люблю!.. Видно вотъ люблю, коли разговариваю. Не любилъ бы, такъ не возился бы. Съ дѣвками потому и время теряютъ, что любятъ ихъ, а ежели ихъ не любить—куда онѣ тогда? И жалко мнѣ тебя... да вѣдь какъ кого ни жалко, а себя всегда жальчѣй. Было бы, поди-ка, гораздо хуже, если мы съ тобой поругавшись разстались. Вѣрно вѣдь? А теперь вотъ по душамъ—любовно, ласково все выходитъ. Я, значитъ, въ свою пойду сторону, ты—въ свою: кому куда судьба. Эхма, чего тутъ толковать! Цѣлуй что ли еще разокъ, горлинка!“

Тому же Кузькѣ хозяинъ предлагаетъ остаться у него въ работникахъ еще на годъ. Происходитъ такой разговоръ:

„— ...А уйдешь ты отъ меня?

„— Уйду.

„— Да куда тебѣ? Жилъ бы,—жалованья-то прибавлю.

„— Нѣтъ, не надо. Тошно здѣсь,—все равно уйду.

„— Жалко мнѣ тебя отпускать-то: работникъ ты хорошій,—задумчиво сказалъ Тихонъ Павловичъ.

„— Нѣтъ, я ужъ уйду. Въ степь надо—приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ будетъ жалко—привыкъ. А уйду, потому тянетъ! Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши—пропалъ человѣкъ.

„— Вотъ это вѣрно, Кузьма. Ахъ вѣрно!—Тихонъ Павловичъ даже вспыхнулъ весь и потрясъ головой, крѣпко зажмуривъ глаза.—Вотъ я тоже... спорю...“

Выходитъ такъ, что не надо съ собой спорить. Тянетъ за Кубань—босякъ идетъ туда; хочется запить—запиваетъ; хочется людей видѣть—идетъ къ нимъ, а не хочется—живетъ въ какой-нибудь берлогѣ.

Digitized by Google

И здѣсь, въ этой-то точкѣ, въ наше мѣщанское или „обмѣщанивающееся“ время все безуміе и все очарованіе романтизма вступаетъ въ свои права.

Сгруппируемъ, впрочемъ, все это возлѣ одного центра. „Ѳома Гордѣевъ“, пока самое крупное и широкое по захвату произведеніе Горькаго, вызвало и восторги, и недоумѣнія. Во всякомъ случаѣ оно обратило на себя общее вниманіе. Авторъ за нѣсколько мѣсяцевъ выслушалъ столько комплиментовъ, сколько не выпадаетъ на долю другого за всю жизнь, и имѣлъ удовольствіе увидѣть столько непониманія, что, глядя на дѣло со стороны, все же приходишь въ смущеніе. Бѣдный Ѳома! До сей поры никто еще не постарался заглянуть въ душу этого лежачаго человѣка, даже хуже чѣмъ лежачаго — опрокинутаго и на-половину раздавленнаго, такъ что развѣ лишь наивные люди могутъ мечтать объ его возрожденіи или воскресеніи. Кто опрокинулъ его? Конечно та самая жизнь, которая съ внѣшней стороны дала ему такъ много, по существу же дѣла не дала ровно ничего. Она наградила его богатствомъ, властью, силой, физической красотой и здоровьемъ; на страницахъ повѣсти мы видимъ его въ самомъ расцвѣтѣ молодости, однако Ѳома тоскуетъ, какъ человѣкъ, утерявшій самое дорогое, что можетъ быть у человѣка вообще—всякій вкусъ къ жизни и къ радостямъ бытія. Отъ всего, что у него есть, никому не легче: ни ему самому, ни тѣмъ, кто ему близокъ. Точно онъ съ дѣтства какой-то проклятый и отверженный, во всякомъ случаѣ посторонній для окружающаго человѣкъ. Если онъ гибнетъ, то потому, что не можетъ найти себѣ мѣста, не можетъ приспособиться.

Digitized by Google

Онъ ищетъ смысла жизни, ищетъ его своимъ чуткимъ сердцемъ и смутнымъ умомъ. Въ этомъ его проклятіе, потому что въ концѣ концовъ онъ не находитъ ничего.

Сынъ одного изъ волжскихъ богатырей, нажившаго милліонное состояніе своей отвагой и предпріимчивостью, Ѳома съ дѣтства воспитывается въ правилахъ купеческой или, лучше сказать, промышленной морали.

„Еще будучи мальчикомъ, онъ увидѣлъ однажды, что отецъ его избилъ матроса Ефима. Ѳомѣ стало жаль его, онъ даже заплакалъ, говоря отцу о томъ, что ему жалко Ефима. Въ отвѣтъ на это отецъ прочиталъ ему наставленіе о томъ, что „отъ зуботычины онъ (Ефимъ) не помретъ, а умнѣе будетъ“, что „Ефима жалѣть не за что... Онъ парень дѣльный, цѣну себѣ понимаетъ... изъ него плюхой душу не вышибешь“, и что жалѣть нужно „съ разумомъ“. „Сначала посмотри на человѣка, узнай, какой въ немъ толкъ, какая отъ него можетъ быть польза? И ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человѣкъ—пожалѣй, помоги ему. *А ежели который слабый, къ дѣлу не склоненъ—плюнь на него и пройди мимо*“.

Жалость и состраданіе къ людямъ вообще — совсѣмъ пустыя чувства. Опираться въ жизни на слабаго—тоже, что переходить черезъ рѣку по гнилой доскѣ. Надо быть сильнымъ прежде всего, надо искать опоры только въ силѣ. Сила жизни выражается прежде всего въ деньгахъ, которыя, являясь всеобщею мѣновою стоимостью, могутъ быть въ концѣ концовъ размѣнены на что угодно: на любовь женщины, уваженіе и почетъ ближнихъ и — кто знаетъ — быть можетъ, еще на что-нибудь болѣе крупное, — на власть вообще, на право жизненнаго строительства.

Digitized by Google

Впрочемъ, воспитаніе, полученное Ѳомой отъ отца, было, такъ сказать, элементарное или среднее. Высшую школу промышленной морали и поведенія Ѳома долженъ былъ пройти подъ руководствомъ своего дяди Маякина, оставшагося послѣ смерти отца его опекуномъ.

Маякинъ — очень умный и очень узкій человѣкъ. Во всякомъ случаѣ—человѣкъ прямолинейный, во-истину постигшій свою линію. Эта линія — наживы, но наживы не для нея самой, а для власти надъ жизнью, той власти, которая неотразимо привлекаетъ къ себѣ всякую сухую и, пожалуй, хищническую натуру. Все удавалось ему въ жизни, не удался одинъ Ѳома, и въ отношеніи къ нему все маякинское ученіе пошло прахомъ. А онъ ли не старался! Онъ чувствовалъ даже къ племяннику какую-то особенную привязанность и совсѣмъ не бывшее ему къ лицу чисто сентиментальное расположеніе, до такой степени, что его сынъ и наслѣдникъ Тарасъ, человѣкъ, безъ всякихъ колебаній прибѣгавшій къ скорпіонамъ всюду, гдѣ отецъ ограничивался батогами или просто словомъ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „и что за охота отцу такъ возиться съ Ѳомой?“

Маякинская наука не только не пошла въ прокъ Ѳомѣ, а она-то, быть можетъ, больше всего и вызвала его отвращеніе, потому что эта наука была уже слишкомъ проста и элементарна, вся укладывалась въ коротенькія изреченьица и имѣла въ виду совсѣмъ не человѣка съ запросами о смыслѣ жизни, со стихійными порывами или въ ряды разбойничьей шайки, или въ замуравленную келью какого-нибудь пустыннаго скита въ ущеляхъ Урала, а уравновѣшенную натуру, прошедшую всѣ ступени купеческаго воспитанія — сначала мальчика на посылкахъ, потомъ мальчика, присматривающагося къ дѣлу, дальше — приказчика, наконецъ,

Digitized by Google

хозяина и предпринимателя. Маякинъ мыслитъ такъ, точно на счетахъ щелкаетъ; мысли его сухія, опредѣленныя, какъ косточки, и каждая косточка на своемъ мѣстѣ и каждая имѣетъ свое значеніе. Онъ и говоритъ такъ, что со стороны слышенъ стукъ косточекъ — съ неизбѣжнымъ, математически - точнымъ итогомъ въ концѣ. И ему хотѣлось заставить своего воспитанника говорить и думать по тѣмъ же счетамъ.

Большимъ, огромнымъ даже, несчастьемъ для Ѳомы была ранняя смерть его отца, совпавшая какъ разъ со временемъ „бури и натиска“ его развитія. Въ отцѣ, несмотря на всю его благонамѣренность, все еще сидѣлъ приволжскій разбойникъ, любившій разгулъ жизни и стихійно его понимавшій. Не даромъ же онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на свои же собственныя горѣвшія баржи, потому что для такого дикаря, какъ онъ, самая умилительная картина — эта картина разрушенія.

„— Жалко посуду-то, Игнатъ? — спросилъ Маякинъ.

„— Ну, чего жъ жалѣть? Волга дала, Волга и взяла... Чай не руку мнѣ оторвало...

„— Все-таки...

„— Что — все-таки? Ладно хоть самъ видѣлъ, какъ все дѣлалось... впередъ наука. А вотъ, когда у меня „Волгарь“ горѣлъ — жалко, не видалъ я. Чай, какая *красота*, когда на водѣ, да темной ночью эдакій кострище пылаетъ, а? Большущій пароходина былъ...

„— Будто тоже не пожалѣлъ?

„— Пароходъ? Пароходъ... жалко было, точно... Ну, да вѣдь это глупость одна — жалость. Какой толкъ? Плачь, пожалуй: слезы пожара не потушатъ. Пускай ихъ — пароходы горятъ... и хоть все сгори — плевать! Горѣла бы душа къ работѣ... и все снова воздвигнется... такъ ли?

Digitized by Google

„— Н-да, — сказалъ Маякинъ, усмѣхаясь. — Это ты крѣпкія слова говоришь — его хоть до-гола раздѣнь, онъ все богатъ будетъ...“

Этотъ дикарь говоритъ еще о красотѣ и конечно онъ понимаетъ ее хотя бы какъ воплощеніе мощи и силы, какъ разгулъ стихій. Поэтому-то онъ способенъ даже на великодушіе, исключительно порывистое, разбойничье, но все же такое, въ которомъ виденъ человѣкъ, а не счеты. Онъ и говоритъ, и поступаетъ размашисто; онъ не живетъ, а точно гуляетъ по широкой улицѣ жизни, могучій, самоувѣренный, горделиво расталкивая толпу, которая, впрочемъ, и сама робко передъ нимъ разступается. Сразу видно, что онъ выросъ на Волгѣ, впиталъ въ себя, такъ сказать, преданія Жигулей и выросъ въ ту эпоху, когда со сказочною быстротой создавались милліонныя состоянія. Это не мѣшаетъ ему, конечно, быть дѣловитымъ, практичнымъ и скупымъ на копейки, но ни дѣловитость, ни практичность, ни скупость не могутъ вытравить въ немъ дикаря и атамана разбойниковъ.

Вся поэзія души Маякина изъѣдена конторской молью. Онъ волгарь, но ничего типично-приволжскаго въ немъ нѣтъ. Онъ родился какъ будто не у великой русской рѣки, а въ подвалѣ огромной московской мануфактуры, сразу и на всю жизнь оглушившей его шумомъ своихъ машинъ и потребовавшей у него отчетности, отчетности и еще разъ отчетности. Онъ приспособился къ этому и приспособился отлично. Въ его умѣ есть что-то конторски-бухгалтерски острое и проницательное, и въ то же время практика надувательства и систематическаго присвоенія, прямо неизбѣжная въ нашемъ торгово-промышленномъ мірѣ, развила осо-

Digitized by Google

бенную, подчасъ удивительную, остроумную софистику и даже іезуитизмъ мысли.

По части жизни у Маякина цѣлая наука, цѣлая бухгалтерія и удивительно характерны его уроки. Напр.:

„— Тетя... она хвораетъ (говорилъ Маякинъ)... тоже не долгая она жилица на землѣ.

„— Не говорите про это,—тихо попросилъ Ѳома.

„— А я буду говорить. Смерти нечего бояться тебѣ,— ты не старуха на печи. Ты живи себѣ безбоязненно и дѣлай то, къ чему назначенъ. А человѣкъ назначенъ для устроенія жизни на землѣ. Человѣкъ—капиталъ... онъ, какъ рубль, составляется изъ дрянныхъ мѣдныхъ грошей да копеекъ. Изъ персти земной, сказано... А по мѣрѣ того, какъ обращается онъ въ жизни, впитываетъ въ себя сальце да маслице, потъ да слезы,— образуются въ немъ душонка и умишко. И съ того начинаетъ онъ расти и вверхъ и внизъ... то, глядишь, цѣна ему—грошъ, то пятіалтынный, то сотня рублей... а бываетъ онъ и выше всякихъ цѣнъ... Пущенъ онъ въ обращеніе и долженъ для жизни проценты принести. Жизнь всѣмъ намъ цѣну знаетъ и раньше времени она ходу нашего не остановитъ... никто, братъ, себѣ въ убытокъ не дѣйствуетъ, ежели онъ умный... а у жизни много ума накоплено... Ты меня слушаешь?..

„— Слушаю...

„— А что ты понимаешь?

„— Все...

„— Врешь чай?—усомнился Маякинъ.

„— Но только... зачѣмъ умирать надо?—тихо спросилъ Ѳома.

„Крестный съ сожалѣніемъ взглянулъ въ лицо ему, почмокалъ губами и сказалъ:

„— Умный человѣкъ вотъ этого никогда не спро-

Digitized by Google

ситъ. Умный человѣкъ самъ видитъ, что ежели рѣка—такъ она течетъ куда-нибудь... а кабы она стояла, то было бы болото...

„— Зря вы насмѣхаетесь...—угрюмо сказалъ Ѳома.—Море тоже вонъ никуда не течетъ...

„— Оно всѣ рѣки принимаетъ въ себя... и бываютъ въ немъ сильныя бури... Такъ же и житейское море отъ людей питается волненіемъ... а смерть обновляетъ воды его... дабы не протухли... Какъ люди ни мрутъ, а ихъ все больше становится...

„— Что изъ того? Отецъ-то умеръ...

„— И ты умрешь...

„— Такъ какое мнѣ дѣло, что людей больше прибываетъ?—тоскливо усмѣхнулся Ѳома.

„— Э-эхе-хе! — вздохнулъ Маякинъ.—И никому до этого дѣла нѣтъ... Вонъ и штаны твои, навѣрно, такъ же разсуждаютъ: какое намъ дѣло до того, что на свѣтѣ всякой матеріи сколько угодно? Но ты ихъ не слушаешь—износишь, да и бросишь...

„Ѳома укоризненно посмотрѣлъ на крестнаго и, видя, что старикъ улыбается, удивился и съ уваженіемъ спросилъ:

„— Неужто вы, папаша, не боитесь смерти?

„— Я, дѣточка, паче всего боюсь глупости,—со смиренной ядовитостью отвѣтилъ Маякинъ.—Я такъ полагаю: дастъ тебѣ дуракъ меду—плюнь; дастъ мудрецъ яду—пей!—А тебѣ скажу: „слаба, братъ, душа у ерша, коли у него щетинка не стоитъ...“

Такъ прикидываетъ на счетахъ Маякинъ по поводу жизни и смерти—просто и остроумно. Штаны изнашиваются и жизнь изнашивается,—о чемъ тутъ и разсуждать? Тутъ же мимоходомъ, тѣми же косточками, рѣшается вопросъ о роли и назначеніи человѣка здѣсь,

Digitized by Google

на землѣ. Человѣкъ есть капиталъ, рубль, пущенный въ обращеніе жизнью и долженствующій поэтому приносить проценты.

Гордыни въ Маякинѣ много, гордыни сосредоточенной и угрюмой, и ее-то старается онъ внушить Ѳомѣ. Источникъ этой гордыни сознаніе, что деньги—сила, а умѣнье обращаться съ деньгами, т. е. пускать ихъ въ оборотъ, давать имъ примѣненіе — все... Лицемѣрить можно, но робѣть, трусить—никогда!

„— Зачѣмъ мнѣ прятаться? — недовольно сказалъ Ѳома.

„— И я вотъ говорю: совершенно незачѣмъ. Потому деньги дадены твоимъ отцомъ, а почетъ тебѣ долженъ пойти по наслѣдству. Почетъ—тѣ же деньги... съ почетомъ торговому человѣку вездѣ кредитъ... и всюду дорога... Ты и выдвигайся впередъ, чтобы всякъ тебя видѣлъ и чтобъ, ежели сдѣлалъ ты на пятакъ,—на цѣлковый тебѣ воздали... А будешь прятаться—выйдетъ неразуміе одно...“

„— Не робѣй,—поучаетъ онъ въ другой разъ:—хотя на брюхѣ-то у нихъ шолкъ, да въ брюхѣ-то щелкъ...“

Отрицая лакейство, онъ признаетъ „политику“, въ которой считаетъ себя—и основательно—великимъ мастеромъ:

„— Говоритъ, напр., съ тобой губернаторъ, а ты молчишь.

„— Что же я ему скажу? Онъ говоритъ, что утерять отца— несчастіе... Ну, я знаю это... А что же ему сказать?

„— Такъ какъ оно мнѣ отъ Бога послано, то я, ваше превосходительство, не ропщу... Такъ бы сказалъ или что другое въ этомъ родѣ... Губернаторы, братецъ ты мой, смиреніе въ человѣкѣ очень любятъ.

Digitized by Google

„— Что же мнѣ—овцой на него глядѣть?—усмѣхнулся Ѳома.

„— Овцой-то глядѣть—этого не надо... А надо ни овцой, ни волкомъ, а такъ-эдакъ разыграть передъ нимъ: вы нашъ папаша, мы ваши дѣтишки... онъ сейчасъ и обмякнетъ...

„— Это зачѣмъ же?

„— А на всякій случай. Губернаторъ... онъ, братъ, всегда куда-нибудь годится...“

Острый человѣкъ этотъ Маякинъ, и при остротѣ ума даже елейная софистика ему ни по чемъ. Вотъ, напр., софистическій фейерверкъ:

„— Буду я тебя, Ѳома, учить. Самую настоящую, вѣрную науку и философію преподамъ я тебѣ... и ежели ты ее поймешь—будешь жить безъ ошибокъ.

„Ѳома взглянулъ, какъ двигаются морщины на лбу старика, и онѣ ему показались похожими на строчки славянской печати.

„— Прежде всего, Ѳома, ужъ ежели ты живешь на сей землѣ, то обязанъ надо всѣмъ происходящимъ вокругъ тебя думать. Зачѣмъ? А дабы отъ неразумія твоего не потерпѣть самому тебѣ, и не могъ ты повредить людямъ по глупости твоей. Теперь: у каждаго человѣческаго дѣла два лица, Ѳома. Одно въ виду у всѣхъ—это фальшивое, другое спрятано—оно-то и есть настоящее. Его и нужно умѣть найти, дабы понять смыслъ дѣла... Вотъ, къ примѣру, дома ночлежные, трудолюбивые, богадѣльни и прочія такія учрежденія. Сообрази—на что они?

„— Чего же соображать?—скучно сказалъ Ѳома.— Извѣстно всѣмъ, для чего... для бѣдныхъ, немощныхъ.

„— Эхъ, братъ! Иногда всѣмъ бываетъ извѣстно, что такой-то человѣкъ мошенникъ и подлецъ, а все-таки

Digitized by Google

всѣ его зовутъ Иваномъ или Петромъ и величаютъ по батюшкѣ, а не по матушкѣ...

„— Это вы къ чему?

„— А все къ дѣлу... Такъ вотъ, говоришь ты, что дома эти для бѣдныхъ, нищихъ, стало быть—во исполненіе Христовой заповѣди... Ладно! А кто есть нищій? Нищій есть человѣкъ, вынужденный судьбой напоминать намъ о Христѣ, онъ братъ Христовъ, онъ колоколъ Господень и звонитъ въ жизни для того, чтобъ будить совѣсть нашу, тревожить сытость плоти человѣческой... Онъ стоитъ подъ окномъ и поетъ: Христа ра-ади! и тѣмъ пѣніемъ напоминаетъ намъ о Христѣ, о святомъ Его завѣтѣ помогать ближнему... Но люди такъ жизнь свою устроили, что по Христову ученію совсѣмъ имъ невозможно поступать, и сталъ для насъ Іисусъ Христосъ совсѣмъ лишній. Не единожды, а, можетъ, сто тысячъ разъ отдавали мы Его на пропятіе, но все не можемъ изгнать Его изъ жизни, зане братія Его нищая поетъ на улицахъ имя Его и напоминаетъ намъ о Немъ... И вотъ нынѣ придумали мы: запереть нищихъ въ дома такіе особые, и чтобъ не ходили они по улицамъ, не будили бы нашей совѣсти.

„— Ло-овко!—изумленно прошепталъ Ѳома, во всѣ глаза глядя на крестнаго.

„— Ага!—воскликнулъ Маякинъ, и глазки его сверкали торжествомъ.

„— Какъ же это отецъ-то... не догадался?—безпокойно спросилъ Ѳома.

„— Ты погоди! Ты еще послушай: дальше-то̀ хуже будетъ. Вотъ придумали мы запирать ихъ въ дома разные и, чтобъ не дорого было содержать ихъ тамъ, работать заставили ихъ, старенькихъ да увѣчныхъ... И милостыню подавать не нужно теперь и, убравши съ

Digitized by Google

улицъ нашихъ отрепышей разныхъ, не видимъ мы лютой ихъ скорби и бѣдности, а потому можемъ думать, что всѣ люди на землѣ сыты, обуты, одѣты... Вотъ они къ чему дома эти разные,—для скрытія правды они... для изгнанія Христа изъ жизни нашей! Ясно ли?

„— Да-а!—сказалъ Ѳома, отуманенный ловкою рѣчью старика.

„— И еще не все тутъ... еще не до дна лужа вычерпана!—воскликнулъ Маякинъ, одушевленно взмахивая рукой въ воздухѣ...“

Полагаю, что не только простодушный Ѳома, но и всѣ читатели, по поводу этого разсужденія Маякина, должны воскликнуть: ловко! Но единственный зато рѣшающій недостатокъ этой ловкости въ томъ, что въ концѣ концовъ она не приводитъ рѣшительно ни къ какимъ результатамъ.

У Маякина, хотя онъ и любитъ Ѳому, нѣтъ однако возможности прямо дѣйствовать на его душу, потому что ко всякому человѣку онъ подходитъ съ слишкомъ ужъ дѣловой точки зрѣнія и непремѣннѣйшимъ образомъ хочетъ извлечь изъ него какую ни на есть выгоду. Ѳому, напр., онъ хочетъ женить на своей дочери и соединить обѣ фирмы—„Маякина и Гордѣева“.

Впрочемъ и на жизнь вообще онъ смотритъ исключительно дѣловито. По житейской дорогѣ онъ идетъ какъ будто по такому мѣсту, гдѣ разсчитываетъ найти что-то очень цѣнное, вродѣ туго набитаго бумажника. Поэтому онъ низко опустилъ голову, самъ весь пригнулся къ землѣ, ползаетъ даже и въ подозрительныхъ мѣстахъ на колѣняхъ шаритъ руками. Онъ превосходно видитъ все, что у него подъ глазами, но не дальше, ни на вершокъ дальше, потому что ему некогда даже оглянуться по сторонамъ, и онъ не знаетъ

Digitized by Google

даже, есть ли тамъ деревья и горы, бѣжитъ ли рѣка. Онъ ищетъ бумажника, и всякій, встрѣтившійся на пути, прежде всего интересенъ ему, какъ помощникъ, какъ человѣкъ, который или самъ видѣлъ этотъ бумажникъ, или согласенъ шарить вмѣстѣ съ нимъ.

Маякинъ живетъ своими успѣхами, сознаніемъ своего умственнаго превосходства надъ людьми, своею безпрерывною, неутомимою дѣятельностью и властностью своей натуры, потому что онъ любитъ устраивать чужое существованіе по своему усмотрѣнію. „Человѣкъ есть капиталъ“,—и онъ пускаетъ человѣка въ оборотъ, чтобы тотъ приносилъ проценты. И весь романтизмъ его натуры, вся ея мечтательность сосредоточены исключительно на мысли о *власти*, которая въ концѣ концовъ должна перейти въ руки купцовъ, строителей жизни.

Чѣмъ-то вдохновеннымъ дышитъ его рѣчь на пароходѣ:

„Купечество молча и внимательно смотрѣло ему въ ротъ, и всѣ лица были напряжены вниманіемъ. Люди такъ и замерли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ ихъ застала рѣчь Маякина.

„— Но, коли такъ,—а именно такъ надо толковать это слово,—коли такъ, то люди, называющіе насъ некультурными и дикими, клевещутъ и изрыгаютъ на насъ хулу! Ибо они только слово это любятъ, но не смыслъ его, а мы любимъ самый корень слова, любимъ сущую его начинку, мы—дѣло любимъ! Мы-то и имѣемъ въ себѣ настоящій культъ къ жизни, т. е. обожаніе жизни, а не они! Они сужденіе возлюбили,—мы же дѣйствіе... И вотъ, господа купечество, примѣръ нашей культуры, т. е. любви къ дѣлу,—Волга! Вотъ она, родная наша матушка! Она можетъ каждой каплей воды

Digitized by Google

своей утвердить нашу честь и опровергнуть пустую хулу на насъ... Сто лѣтъ только прошло, государи мои, съ той поры, какъ императоръ Петръ Великій на рѣку эту расшивы пустилъ, а теперь по рѣкѣ тысячи паровыхъ судовъ ходятъ... Кто ихъ строилъ? Русскій мужикъ, совершенно неученый человѣкъ! Всѣ эти огромные пароходищи, баржи—чьи они? Наши! Кѣмъ удуманы? Нами! Тутъ все—наше, тутъ все—плодъ нашего ума, нашей русской сметки и великой любви къ дѣлу! Никто ни въ чемъ не помогалъ намъ! Мы сами разбои на Волгѣ выводили, сами на свои рубли дружины нанимали — вывели разбои и завели на Волгѣ, на всѣхъ тысячахъ верстъ длины ея, тысячи пароходовъ и разныхъ судовъ. Какой лучшій городъ на Волгѣ? Въ которомъ купца больше... Чьи лучшіе дома въ городѣ? Купеческіе! Кто больше всѣхъ о бѣдномъ печется? Купецъ! По грошику-копеечкѣ собираетъ, сотни тысячъ жертвуетъ. Кто храмы воздвигъ? Мы! Кто государству больше всѣхъ денегъ даетъ? Купцы!.. Господа! Только намъ дѣло дорого ради самого дѣла, ради любви нашей къ устройству жизни, только мы и любимъ порядокъ и жизнь! А кто про насъ говоритъ—тотъ говоритъ... и больше ничего! Пускай! Дуетъ вѣтеръ — шумитъ ветла, пересталъ — молчитъ ветла... И не выйдетъ изъ ветлы ни оглобли, ни метлы... безполезное дерево! Отъ безполезности и шумъ... Что они, судьи наши, сдѣлали, чѣмъ жизнь украсили? Намъ это неизвѣстно... А наше дѣло на-лицо! Господа купечество! Видя въ васъ первыхъ людей жизни, самыхъ трудящихся и любящихъ труды свои, видя въ васъ людей, которые все сдѣлали и все могутъ сдѣлать,—вотъ я всѣмъ сердцемъ моимъ, съ уваженіемъ и любовью къ вамъ поднимаю этотъ свой полный бокалъ за славное, крѣпкое ду-

Digitized by Google

хомъ, рабочее русское купечество... Многая вамъ лѣта! Здравствуйте во славу матери-Россіи! Ура-а!“

Эта рѣчь вызвала дикую ругань со стороны присутствовавшаго Ѳомы, но Маякинъ не смутился. Вообще онъ не изъ тѣхъ, кто смущается. Онъ не смущается даже передъ смертью и умираетъ онъ, дѣйствительно, очень характерно, по-маякински, ничуть не разставаясь съ своей гордыней, готовый спорить даже съ Богомъ и доказывать Ему, что онъ, Маякинъ, въ жизни своей былъ правъ:

„Прошло три года.

„Съ годъ тому назадъ Яковъ Тарасовичъ Маякинъ умеръ. Умирая въ полномъ сознаніи, онъ остался вѣренъ себѣ и за нѣсколько часовъ до смерти говорилъ сыну, дочери и зятю:

— Ну, ребята,—живите богато! Поѣлъ Яковъ всякихъ злаковъ, значитъ Якову пора долой со двора... Видите—умираю, а не унываю... *И это мнѣ Господь зачтетъ*... Я Его, Всеблагаго, только шутками безпокоилъ, а стономъ и жалобами—никогда! Охъ!.. Господи! Радъ я, что умѣючи пожилъ... по милости Твоей! Прощайте, дѣтушки... Живите дружно... и не мудрствуйте очень-то. Знайте,—не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется да спокойненько лежитъ... Трусостью отъ грѣха не оборонишься... про это и говоритъ и притча о талантахъ... *А кто хочетъ отъ жизни толку добиться — тотъ грѣха не боится*... Ошибку Господь ему проститъ... Господь назначилъ человѣка на устроеніе жизни... а ума ему не такъ ужъ много далъ... значитъ, *строго искать недоимокъ не станетъ*. Ибо святъ Онъ и многомилостивъ“.

А вѣдь, строго говоря, былъ Маякинъ мошенникомъ, всю жизнь былъ мошенникомъ и даже своего любимца Ѳому очистилъ такъ, что осталась отъ этого милліонера одна голая кость.

Digitized by Google

Драматизмъ „Ѳомы Гордѣева“, какъ романа, въ томъ и заключается, что тутъ столкнулись двѣ нравственности, два міропониманія,—нравственность и міропониманіе мѣщанскія съ нравственностью и міропониманіемъ босяцкими, пролетарскими.

Ѳома—босякъ и пролетарій, несмотря на свои милліоны, и босякъ, выросшій на русской почвѣ, т. е. не только человѣкъ совершенно неприспособленный къ борьбѣ, но самъ съ какимъ-то сладострастіемъ и нетерпѣливо ускоряющій свою собственную гибель. Эта гибель тянетъ его къ себѣ, какъ глубина какая-нибудь, въ которую онъ каждую минуту засматривается. И онъ чувствуетъ при этомъ, какъ кружится его голова, какъ неровно и безпокойно бьется его сердце, какъ захватываетъ его дыханіе. Соблазнъ броситься туда внизъ головой, найти тамъ на днѣ что-то невѣдомое, что-то недающееся въ жизни, со стихійной мощью владѣетъ имъ, потому что, въ концѣ концовъ, онъ страшно одинокъ, потому что это одиночество тяготитъ его, сверлитъ его душу, рветъ ее на части, потому что напрасно со стономъ и мольбой обращается онъ къ людямъ за лаской, за совѣтомъ, за разъясненіемъ... Люди глухи и нѣмы.

Маякинъ не понимаетъ и не можетъ понять Ѳому. Что это за исканіе смысла существованія, что это за пренебреженіе къ деньгамъ и благамъ жизни вообще, что это за жажда самосожженія? Все это для Маякина одна сплошная глупость, потому что никакого „строительства“ и „пріобрѣтенія“ тутъ нѣтъ. Двоюродная сестра Любовь, по мѣткому опредѣленію отца, „книжная дура“ и сдобная купеческая дочка. Больше въ ней ничего нѣтъ. Товарищъ Ежовъ, потомъ литераторъ—безнадежный пьяница и до конца изломанный человѣкъ. Всѣ же остальные для Ѳомы—совсѣмъ посторонніе люди.

Digitized by Google

И онъ одинъ.

Для драматическаго положенія этого достаточно, но Горькій усугубляетъ его: его Ѳома не просто одинокій человѣкъ, а какъ большая часть босяковъ, стихійно и неотразимо, а не по лѣни и по распутству (хотя лѣнь и распутство въ конечномъ анализѣ одинаково стихійны и неотразимы), вступившихъ на свой „путь",—онъ *нѣмой*. У Ѳомы смутная мысль и нѣтъ въ распоряженіи слова. Оттого ему вдвое тяжелѣе, потому что слово облегчаетъ.

И Ѳома сумасшествуетъ, не разстается въ концѣ концовъ съ водкой и кутитъ, безумно кутитъ, скандалитъ во всю ширь своей недюжинной натуры, пока Маякину не удается въ концѣ концовъ утихомирить его одиночной камерой желтаго дома.

Съ внѣшней стороны на большей части страницъ романа Ѳома прямо безобразенъ. „Расходившійся купчикъ! скандалистъ!!! безобразникъ!!"—всѣ эти эпитеты полностью и по праву принадлежатъ ему. Онъ и слышитъ ихъ въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, и въ то же время онъ имѣетъ завидное право относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ. Потому что не весь онъ въ этомъ, потому что большая его часть, эта вотъ святая святыхъ человѣческаго духа, присутствіе которой онъ чувствуетъ въ себѣ, хотя и въ видѣ какого-то неопредѣленнаго, неоформленнаго начала, заставляетъ его безпокойно метаться,—въ немъ *есть* и дѣлаетъ его цѣлой головой выше окружающихъ представителей темнаго царства.

Онъ—натура мистическая, религіозная, мыслящая абсолютными представленіями о правдѣ жизни, о мирѣ между людьми, но и невѣрующая въ то же время. Кромѣ

Digitized by Google

того—онъ натура совсѣмъ неспособная на какое бы то ни было приспособленіе.

„Дикарь... туземецъ... некультурный человѣкъ“,—говорятъ и скажутъ про Ѳому, и это все вѣрно. Онъ дикарь, потому что наслажденія, которыя доступны ему,—самыя грубыя; онъ туземецъ и некультурный человѣкъ, потому что въ немъ нѣтъ никакихъ задерживающихъ центровъ, потому что нѣтъ никакой внутренней дисциплины. Онъ умѣетъ лишь скатываться по наклонной плоскости, но ни на какое усиліе, чтобы подняться, онъ не способенъ. Все это досконально, по пунктамъ и пальцамъ разъяснилъ Тарасъ Маякинъ, который отнесся къ нему, какъ къ безнадежно испорченному часовому механизму: чинить его не стоитъ; самое простое и лучшее—взять и выбросить его изъ окна.

„— Ну, а ежели человѣку все противно...—вдругъ густымъ голосомъ заговорилъ Ѳома, взглянувъ въ лицо Тарасу.

„— Т. е. что именно противно человѣку?—спросилъ Маякинъ спокойно и не взглянувъ на Ѳому.

„Тотъ наклонилъ голову, уперся руками въ столъ и такъ, быкомъ, продолжалъ изъясняться:

„— Все не по душѣ... Дѣла, труды... Всѣ люди и дѣйствія... Ежели, скажемъ, я вижу, что все обманъ... Не дѣло, а такъ себѣ—затычка... Пустоту души затыкаютъ... Одни работаютъ, другіе только командуютъ и потѣютъ... но получаютъ за это больше. Это зачѣмъ же такъ? а?

„— Не могу уловить вашу мысль...—заявилъ Тарасъ, когда Ѳома остановился, чувствуя на себѣ пренебрежительный и сердитый взглядъ Любови.

„— Не понимаете? — съ усмѣшкой посмотрѣвъ на Тараса, спросилъ Ѳома.—Ну скажемъ такъ: ѣдетъ че-

Digitized by Google

ловѣкъ въ лодкѣ по рѣкѣ... Лодка, можетъ быть, хорошая, крѣпкая, а подъ ней все-таки всегда глубина. Лодка—крѣпкая, но ежели человѣкъ глубину эту темную подъ собой почувствуетъ... Никакая лодка его не спасетъ...

„Тарасъ смотрѣлъ на Ѳому равнодушно и спокойно... И сердце Ѳомы билось медленно, тяжко, точно чувствуя, что здѣсь никто не откликнется теплымъ словомъ на его тяжелое недоумѣніе.

„— Работа еще не все для человѣка... — говорилъ онъ скорѣе самому себѣ, чѣмъ этимъ людямъ, не вѣрившимъ въ искренность рѣчей.—Это не вѣрно, что въ трудахъ оправданіе... Которые люди не работаютъ совсѣмъ ничего всю жизнь, а живутъ они лучше трудящихъ... это какъ? А трудящіе—они просто несчастныя... лошади! На нихъ ѣдутъ, они терпятъ... и больше ничего... Но они имѣютъ передъ Богомъ свое оправданіе... Ихъ спросятъ: вы для чего жили, а? Тогда они скажутъ: намъ некогда было думать насчетъ этого... мы всю жизнь работали. А я какое оправданіе имѣю? И всѣ люди, которые командуютъ, чѣмъ они оправдаются? Для чего жили? А я такъ полагаю, что непремѣнно всѣмъ надо твердо знать—для чего живешь?

„Онъ помолчалъ и, вскинувъ голову, воскликнулъ глухимъ голосомъ:

„— Неужто затѣмъ человѣкъ рождается, чтобы поработать, денегъ зашибить, домъ выстроить, дѣтей народить и—умереть? Нѣтъ, жизнь что-нибудь означаетъ собой... Человѣкъ родился, пожилъ и померъ... зачѣмъ? Нужно, ей-Богу нужно сообразить всѣмъ—зачѣмъ живемъ? Толку нѣтъ въ жизни нашей... никакого нѣтъ въ ней толку! Потомъ—не ровно все... это сразу видно. Одни богаты — на тысячу человѣкъ денегъ у себя

Digitized by Google

имѣютъ... и живутъ безъ дѣла... другіе—всю жизнь гнутъ спину на работѣ, а нѣтъ у нихъ ни гроша... А между тѣмъ разница въ людяхъ—малая... Иной — безъ штановъ живетъ, а разсуждаетъ такъ, ровно въ шелки одѣтъ...

„Охваченный своими мыслями, Ѳома долго бы излагалъ ихъ, но Тарасъ отодвинулъ свое кресло отъ стола, всталъ и со вздохомъ, негромко произнесъ:

„— Нѣтъ, спасибо!.. Больше не хочу...

„Ѳома круто оборвалъ свою рѣчь и повелъ плечами, съ усмѣшкой взглянувъ на Любовь.

„— Откуда это ты набрался такой... философіи?— спросила она недовѣрчиво и сухо.

„— Это не философія... Это... такъ ужъ... наказаніе это!—вполголоса сказалъ Ѳома.—Открой глаза и смотри на все... тогда это само въ голову полѣзетъ...

„— Вотъ кстати, Люба, обрати вниманіе, — заговорилъ Тарасъ, стоя спиной къ столу и разсматривая часы, — пессимизмъ совершенно чуждъ англо-саксонской расѣ... То, что называютъ пессимизмомъ у Свифта и Байрона,—только жгучій, ѣдкій протестъ противъ несовершенства жизни и человѣка... А холоднаго, разсудочнаго и пассивнаго пессимизма у нихъ не встрѣтишь...

„Затѣмъ, какъ бы вдругъ вспомнивъ о Ѳомѣ, онъ обернулся къ нему, заложилъ руки за спину и, дрыгая ляжкой, сказалъ:

„— Вы поднимаете очень важные вопросы... И... если они серьезно занимаютъ васъ... вамъ надо почитать книгъ... Въ нихъ вы найдете не мало очень цѣнныхъ сужденій о смыслѣ жизни... Вы какъ — читаете книги?

„— Нѣтъ!—кратко отвѣтилъ Ѳома.

Digitized by Google

„— А!..

„— Не люблю ихъ...

„— Ага!.. Но однако онѣ могли бы кое въ чемъ помочь вамъ...—сказалъ Тарасъ, и по губамъ его скользнула улыбка.

„— Книги? Если люди помочь въ мысляхъ моихъ не могутъ — книги и подавно... — угрюмо проговорилъ Ѳома“.

Откуда все это у несчастнаго героя Горькаго. Въ романѣ мы находимъ по этой части много цѣнныхъ указаній, но рѣшительнаго отвѣта на поставленный вопросъ тамъ нѣтъ. Этотъ рѣшительный отвѣтъ предполагается. Тоска Ѳомы, его стихійная жажда собственной гибели—то же, что тоска кочевого человѣка, котораго заставили вести осѣдлый образъ жизни, или дикаря, отъ котораго отняли его вѣру, просторъ его лѣсовъ, весь привычный безпорядокъ его жизни. Культурная жизнь не для Ѳомы; онъ не знаетъ, съ какого конца подойти къ ней, что хорошаго взять, какой въ ней прокъ и какой смыслъ. Для него культура является только какъ постоянное стѣсненіе самого себя, какъ необходимость говорить то, чего не думаешь, дѣлать то, чего не хочется, и лгать, лгать безъ конца,—какъ огромное обязательство, превращающее его въ раба...

Горькій старательно отмѣчаетъ въ своемъ героѣ развитіе скептическихъ и меланхолическихъ элементовъ духа. Въ дѣтствѣ Ѳома „мало смѣялся“ и „глаза его были не веселые“, никогда никакой энергіи ни въ чемъ онъ не проявлялъ и увлеченія также; способнымъ онъ былъ лишь на мимолетные порывы. Гордыня богатаго и единственнаго купеческаго сынка просто не прививалась къ нему, хотя по этой части близкіе ему люди и взвинчивали его. Въ немъ глубоко залегла

Digitized by Google

„роковая и безплодная страсть застѣнчивости“ — этого огромнаго самолюбія навыворотъ, ведущаго человѣка не въ свалку жизни, а забивающаго его въ уголъ, подальше отъ борьбы... И Ѳома въ этомъ углу основался и оттуда сталъ дѣлать свои замѣчанія, и всѣ эти замѣчанія сводились къ тому, что вокругъ все ложь и что вокругъ „все—ни къ чему“.

„И все-таки, даже когда Ѳомѣ минуло девятнадцать лѣтъ, было въ немъ что-то дѣтское, наивное, отличавшее его отъ сверстниковъ. Они смѣялись надъ нимъ, считая его глупымъ; онъ держался въ сторонѣ отъ нихъ, обиженный ихъ отношеніемъ къ нему. А отцу и Маякину, которые не спускали его съ глазъ, эта неопредѣленность характера Ѳомы внушала серьезныя опасенія.

„— Не пойму я его!—сокрушенно говорилъ Игнатъ.— Не кутитъ онъ, по бабамъ будто не шляется, ко мнѣ, къ тебѣ — почтителенъ, всему внимаетъ, — красная дѣвка, не парень! И вѣдь, кажись, не глупъ?

„— Особой глупости не видать, — говорилъ Маякинъ.

„— Поди жъ ты! Какъ будто онъ ждетъ чего-то... какъ пелена какая-то на глазахъ у него... Мать его, покойница, вотъ такъ же ощупью ходила по землѣ... Вѣдь вонъ Африканка Смолинъ на два года старше, а поди-ка ты какой! Т. е. даже и понять трудно, кто кому теперь у нихъ голова—онъ отцу или отецъ ему? Учиться хочетъ ѣхать на фабрику какую-то... ругается: эхъ, говоритъ, плохо вы меня, папаша, учили... Н-да! А мой—ничего изъ себя не объявляетъ... О Господи!“

Но Ѳома могъ объявить себя лишь самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мѣщанская, упрощенная мораль внушала ему самое

Digitized by Google

искреннее отвращеніе. Онъ не понималъ прелести наживы, власть не влекла его къ себѣ своимъ обаяніемъ, самъ онъ себѣ представлялся какимъ-то ненужнымъ и лишнимъ человѣкомъ, и естественное дѣло, что люди въ концѣ концовъ такъ же стали смотрѣть на него, потому что мудрые люди, которымъ некогда думать и разсуждать, всегда склоняются къ тому мнѣнію, какое каждый о себѣ имѣетъ, лишь бы это мнѣніе было глубоко, искренне и самоувѣренно.

Только извѣстная мораль, извѣстныя правила вводятъ человѣка въ круговоротъ жизни. Но мораль Ѳомы—это мораль босяка и пролетарія, его правила—это правила вольницы, насильно „введенной въ оглобли“ упорядоченнаго существованія; его мутитъ отъ этихъ гладко причесанныхъ, самодовольныхъ людей, отъ лжи и лицемѣрія, сквозящихъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ, отъ хищническихъ замашекъ Маякина, отъ всей той злобы и жестокости, которую онъ чувствуетъ вокругъ себя. И эта муть становится все гуще... Ему не вѣрится, что все окружающее его и есть то самое, что должно быть, чтобы все это было прочно. Онъ какъ будто чувствуетъ, что около надвигается гроза и гроза жестокая, только не знаетъ онъ, откуда придетъ она и на кого перваго обрушится ея ударъ. Вокругъ какое-то тяжелое затишье, спертый, душный воздухъ, листъ не шелохнется, по небу расплылся коричневый туманъ, солнце—желтое, невеселое, недѣятельное, и всякая живая тварь точно присмирѣла. Тоскливо и болѣзненно на душѣ, какая-то тяжелая рука медленно сжимаетъ сердце; мысли—отрывистыя и унылыя; не хватаетъ дыханія, и тѣло человѣка не свѣжее и не бодрое, все изломанное, клонится къ землѣ. Страхомъ и ужасомъ вѣетъ отовсюду,—и отъ тварей замолкшихъ, и отъ деревьевъ, понурившихъ свои вѣтви,

Digitized by Google

и отъ коричневой дымки на небѣ, и страхъ овладѣваетъ духомъ, страхъ передъ чѣмъ-то таинственнымъ и грознымъ, неизвѣстно откуда идущимъ... Какія угрозы несетъ оно съ бою? Это загадка, это вопросъ безъ отвѣта. Но сердце тѣснитъ это—невѣдомое, и оно тоскуетъ.

Если вы хотя на минуту вникните въ истинную психологію мѣщанской морали, вы увидите, какую большую роль общаго цемента этихъ немудрыхъ, лукавыхъ и академически плоскихъ правилъ играетъ въ ней чувство страха. Рискъ, предпріимчивость, смѣлые удары, самонадѣянныя ставки всего на одну карту—все это для сильныхъ, для избранныхъ; для большинства мѣщанъ такія правила—вещь неподходящая. Имъ другое нужно—осторожность, предусмотрительность, разсчетъ и даже особая хроническая дрожь передъ угрозами завтрашняго дня, которая удерживала бы ихъ отъ всякаго не только смѣлаго, но и просто искренняго шага. „Если хочешь жизнью жуировать—смотри въ оба,—учатъ родители сына своего, пискаря премудраго,—закопайся поглубже въ норку и помни, что за каждымъ камнемъ сидитъ ракъ съ клешней и кромѣ того невѣдомо откуда можетъ налетѣть щука, „зубы которой остры и многочисленны“. Сиди и дрожи, всю жизнь свою дрожи, несчастное существо, чтобы не утерять крохотный кусочекъ достатка, выпавшій тебѣ на долю. Дрожи—и все тутъ; забудь о грезахъ своей юности, о томъ, что у тебя есть своя мысль, свое чувство, требованія своей внутренней правды.

„Купецъ—человѣкъ мира, не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; разсчетливый, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ и, какъ рыцарь, вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, только мѣрится съ нимъ—хитростью. *Его предки*, средневѣковые граждане, спасаясь отъ ча-

Digitized by Google

силій и грабежа, *принуждены были лукавить: они покупали покой и достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь въ поясъ, обсчитывали рыцаря;* качая головой и вздыхая, говорили они сосѣдямъ о своей бѣдности, а между тѣмъ потихоньку зарывали деньги въ землю.

„Все это естественно перешло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физіологическимъ признакомъ особаго вида людского, называемаго среднимъ сословіемъ...“

Это закваска упрямая, она, какъ кровь, передается по наслѣдству; она—въ смыслѣ трепета передъ жизнью—остается даже въ томъ случаѣ, когда всякая дѣйствительная надобность въ ней пропала. Какъ иначе разъясните вы загадку скупости и все большаго и большаго накопленія? Есть у человѣка милліоны, есть тысячи десятинъ земли, есть десятокъ домовъ, и все же онъ продолжаетъ дрожащими руками прибивать гвоздемъ грошъ къ грошу, искренно мучается при потерѣ несчастной копейки, искренно боится таинственнаго „а вдругъ... все это пропадетъ?..“ Сознаніе ясно говоритъ ему, что бояться въ сущности нечего, что отъ матеріальной нужды онъ обезпеченъ во всякомъ случаѣ, но *не сознаніе*, а стихійная, исторически сложившаяся сила мѣщанскаго благоразумія и мѣщанской осторожности твердитъ ему, что все же надо смотрѣть въ оба, все же надо ожидать всякихъ случайностей и прикапливать на всякій случай лишній милліонъ, лишнюю десятину земли, лишнюю дюжину домовъ...

Но... Маякинъ не боится,—скажутъ мнѣ. Это неправда. Правда въ томъ, что Маякину *нечего* бояться, но просмотрите еще разъ, и притомъ внимательнѣе, правила

Digitized by Google

его поведенія, и вы увидите, что внушены они всѣ безъ исключенія страхомъ жизни, полнымъ отсутствіемъ духовной щедрости, полной неспособностью на что-нибудь героическое не только уже въ поступкахъ, но даже въ мысляхъ и мечтахъ.

Ѳома, разумѣется, тоже трусъ, но здѣсь источникъ трусости сложнѣе: здѣсь не только впечатлѣніе обстановки, не только преданія того сословія, къ которому онъ принадлежитъ,—здѣсь нѣчто большее: не просто страхъ, а ужасъ какой-то передъ жизнью, въ которой несчастный герой Горькаго совсѣмъ заблудился, какъ въ темномъ лѣсу. Онъ бредетъ ощупью, спотыкается, и постоянно, какъ грозный приговоръ, звучатъ въ ушахъ его слова Маякина: „Который человѣкъ самъ за себя отвѣтить не можетъ, значитъ боится онъ себя, значитъ—грошъ ему цѣна“. А за себя Ѳома дѣйствительно отвѣтить не можетъ, потому что ничего опредѣленнаго, яснаго нѣтъ ни въ его настроеніи, ни въ его мысляхъ, ни въ его желаніяхъ. Весь его внутренній міръ—взбаламученное море, гдѣ смутно вырисовывается лишь вызванная ненавистью къ мѣщанской морали жажда чего-то необычнаго, экстраординарнаго, героическаго. Но ничто героическое не дается ему, потому что слишкомъ ужъ онъ трусливъ и не только съ Маякинымъ, а даже съ деньгами своими раздѣлаться не можетъ, и только стонетъ: братцы, помогите!... Научите! жить не могу!.. Освободите меня отъ милліоновъ, отъ васъ самихъ, отъ меня самого.

Но, конечно, все это лишь стонъ вопіющаго въ пустынѣ:

„И... оглянешься—некому сказать. Никому это не нужно... всѣ сволочи! И даже будто они хуже меня...

Digitized by Google

я хоть вотъ... стыжусь жить, какъ живу... а они — ничего! Дѣйствуютъ...

„Ѳома крѣпко, неприлично выругался и умолкъ. Саша оборвала пѣсню и отодвинулась еще подальше отъ него. За окномъ бушевалъ вѣтеръ, бросая пыль въ стекла оконъ. На печи тараканы шуршали, ползая по пучку лучины. Гдѣ-то на дворѣ жалобно мычалъ теленокъ...

„Саша съ усмѣшкой взглянула на Ѳому и сказала:

„— Вонъ еще одинъ несчастненькій мычитъ... Шелъ бы ты къ нему, можетъ споетесь...—И положивъ руку на его кудрявую голову, она шутливо толкнула ее въ бокъ...

„— Подумалъ бы ты вотъ надъ чѣмъ: на что вы, такіе, нужны? Чего ты скрипишь? Гулять тошно — дѣломъ займись...

„— Господи,—качнулъ головой Ѳома,—трудно говорить такъ, чтобы понимали тебя... трудно!—И съ раздраженіемъ онъ почти закричалъ:—Какое дѣло! Не тянетъ меня къ дѣлу! Что оно, дѣло? Только званіе одно—дѣло, а такъ ежели въ глубь, въ корень посмотрѣть—безтолочь! Не понимаю, что ли, я этого? Все я понимаю, все вижу, все чувствую!.. Только языкъ у меня... нѣмой... Какой прокъ въ дѣлахъ? Деньги? Много ихъ у меня!.. Задушить могу ими до смерти, засыпать тебя съ головой... Обманъ одинъ—дѣла эти всѣ... Вижу я дѣльцовъ—ну что же? Жадность у нихъ большая... а все-таки нарочно это они кружатся въ дѣлахъ, для того, чтобы самихъ себя не видать было... Прячутся, дьяволы!.. Ну-ка освободи ихъ отъ суеты этой, что будетъ? Какъ слѣпые начнутъ соваться туда и сюда... всякій смыслъ потеряютъ... съ ума посходятъ! Я это знаю! А ты думаешь, есть дѣло — такъ и будетъ отъ

Digitized by Google

него человѣку счастье? Нѣтъ, врешь,—тутъ еще надо одно... тутъ—не все еще!.. Рѣка течетъ, чтобы по ней ѣздили, дерево растетъ для пользы, собака—домъ стережетъ... всему на свѣтѣ можно найти оправданіе! А люди, какъ тараканы—совсѣмъ лишніе на землѣ... Все для нихъ, а они для чего? Ага?! Въ чемъ имъ оправданіе? Ха-ха!

„Ѳома торжествовалъ. Ему показалось, что онъ нашелъ что-то хорошее для себя и сильное противъ людей. И чувствуя въ себѣ большую радость отъ этого, онъ громко смѣялся.

„— Голова у тебя не болитъ?—заботливо спросила его Саша, испытующимъ взглядомъ глядя въ лицо ему.

„— Душа у меня болитъ!—азартно воскликнулъ Ѳома.—И оттого болитъ, что... прямая она... на маломъ не мирится... Давай ей отвѣтъ, какъ жить? для чего? Вотъ—крестный... онъ съ умомъ! Онъ говоритъ—жизнь дѣлай! Одинъ онъ такой... Ну, я его спрошу, погоди! А всѣ говорятъ—заѣла насъ жизнь! Удушила насъ жизнь... И у нихъ спрошу... И какъ это жизнь дѣлать? Надо ее для того въ рукахъ держать... овладѣть ею надо... И горшка не сдѣлаешь, не взявши въ руки глину...

„— Слушай!—серьезно сказала Саша, — по-моему, надо тебѣ жениться!—вотъ и все!

„— Зачѣмъ?—передернувъ плечами, спросилъ Ѳома

„— Хомутъ тебѣ надо...

„— Ладно! Живу съ тобой... Чай, вѣдь всѣ вы одинаковы? Одна другой не слаще... До тебя была у меня одна... изъ такихъ же, какъ ты... Нѣтъ, та по своей охотѣ... понравился я ей, она и... согласилась... Хорошая была... а впрочемъ — все одно, то же самое, совсѣмъ какъ и у тебя, хоша ты ея краше... Но—барыня одна приглянулась мнѣ... настоящая барыня, дворянка!

Digitized by Google

Говорили, гуляетъ... Но я до нея не достигъ... Нда-а... Умная, образованная... въ красотѣ жила... Я, бывало, думалъ—вотъ гдѣ отвѣдаю настоящаго-то! Не достигъ... а, можетъ, если бы удалось... другой бы оборотъ все приняло... Тянуло меня къ ней... думалъ—не оторвусь... А теперь вотъ—запилъ, залилъ ее виномъ—забываю... И это тоже не хорошо... Эхъ ты, человѣкъ! Подлецъ ты, если по совѣсти сказать...“

И видя передъ собой это разложеніе духа, люди бѣгутъ отъ Ѳомы, какъ отъ чумного... даже женщины несмотря на его красоту, здоровье, богатство.

Страшная драма полной духовной слѣпоты и духовной немощи разыгрывается передъ нами. Жажда жизни и героизма выливается въ кутежи, жажда простора—въ безобразіе, тоска переходитъ въ болѣзнь, въ настоящую ностальгію по какой-то невѣдомой, далекой, но чудной родинѣ. А вокругъ все мерзость, яркая безсмыслица.

„...Ѳома видѣлъ среди толпы знакомыя ему лица: вотъ отецъ ломитъ куда-то, могуче расталкивая и опрокидывая всѣхъ на пути своемъ: онъ работаетъ широкими полами, претъ на все грудью и громогласно хохочетъ... и исчезаетъ, проваливаясь куда-то вглубь, подъ ноги людей. Вотъ, извиваясь ужомъ, то прыгая на плечи, то проскальзывая между ногъ людей, работаетъ всѣмъ своимъ сухимъ, но гибкимъ и жилистымъ тѣломъ крестный... Любовь кричитъ и бьется, слѣдуя за отцомъ порывистыми, но слабыми движеніями, то отставая отъ него, то снова приближаясь. Тихими шагами, съ доброй улыбкой на лицѣ и сторонясь отъ всѣхъ, всѣмъ уступая дорогу, медленно двигается тетка Анѳиса... образъ ея колеблется во тьмѣ предъ Ѳомой,

Digitized by Google

какъ скромное пламя восковой свѣчи... и гаснетъ она, исчезаетъ во мракѣ. Пелагея быстро и прямымъ путемъ идетъ куда-то... Вотъ Софья Павловна Медынская стоитъ, безсильно опустивъ руки, какъ стояла она тогда, послѣдній разъ, у себя въ гостиной... Глаза у нея большіе, и большая боязнь свѣтится въ нихъ. Тутъ и Саша. Равнодушная, не обращая вниманія на толчки, она твердо идетъ прямо въ самую гущу жизни и во весь голосъ поетъ свои пѣсни, спокойно глядя своими темными глазами впередъ... Шумъ, вой, смѣхъ, пьяные крики, азартный споръ о копейкахъ слышитъ Ѳома; пѣсни и плачъ носятся надъ этой огромной, суетливой кучей живыхъ человѣческихъ тѣлъ, стѣсненныхъ въ ямѣ; они прыгаютъ, падаютъ, ползаютъ, давятъ другъ друга, вспрыгиваютъ на плечи одинъ другому, суются всюду, какъ слѣпые, всюду наталкиваются на подобныхъ себѣ, борются и, падая, исчезаютъ изъ глазъ. Шелестятъ деньги, носясь, какъ летучія мыши, надъ головами людей, и люди жадно простираютъ къ нимъ руки, брякаетъ золото и серебро, звенятъ бутылки, хлопаютъ пробки, кто-то рыдаетъ и тоскливый женскій голосъ поетъ

„Такъ будемъ же жить, пока можно-о,
А тамъ—хоть тра-ава не расти!“

„Эта безумная картина укрѣпилась въ головѣ Ѳомы и съ каждымъ разомъ все болѣе яркая, все болѣе огромная и живая возникала предъ нимъ, возбуждая въ груди его что-то хаотическое, одно большое неопредѣлимое чувство, въ которое, какъ ручьи въ рѣку, вливались и страхъ, и возмущеніе, и жалость, и злоба, и еще многое. Все это вскипало въ груди до напряженнаго желанія, распиравшаго ее, до желанія, отъ силы котораго онъ задыхался, на глазахъ его являлись слезы

Digitized by Google

и ему хотѣлось кричать, выть звѣремъ, испугать всѣхъ людей,—остановить ихъ безсмысленную возню, влить въ шумъ и суету ихъ жизни что-то новое, свое, сказать имъ какія-то громкія, твердыя слова, направить ихъ всѣхъ въ одну сторону, а не другъ противъ друга. Ему хотѣлось хватать ихъ руками за головы, отрывать другъ отъ друга, избить однихъ, другихъ же приласкать, укорять всѣхъ, освѣтить ихъ какимъ-то огнемъ...“

Но не только огня, даже словъ нѣтъ, и выходъ одинъ—въ босяки. Только *самъ* Ѳома по трусости своей не способенъ даже на этотъ шагъ и ждетъ не дождется когда-то люди сдѣлаютъ его босякомъ.

Люди это сдѣлали.

Я уже говорилъ выше, что Ѳома—натура мистическая, религіозная, ищущая того Бога, которымъ живъ бываетъ человѣкъ. Еще отецъ замѣтилъ въ немъ эту черту его характера и приписывалъ наслѣдству матери-молоканки. Объ этомъ же наслѣдствѣ говоритъ и самъ Ѳома: „Мать что ли это безчувственностью наградила? Крестный говоритъ: она какъ ледъ была... И все ее тянуло куда-то... Вотъ и меня тянетъ...“

Любопытно, что и всякаго босяка тянетъ... тоже куда-то... тоже къ чему-то смутному и неопредѣленному. Въ этомъ, мнѣ кажется, и заключается весь романтизмъ, все значеніе типовъ Горькаго, что они отринули отъ себя обычныя правила, обычныя наслажденія обладанія и пользованія, что нѣтъ въ нихъ и слѣда мѣщанскаго самодовольства купца Пѣтунникова или властной хищности купца Маякина. *Этимъ*, что его тянетъ куда-то,—грязный, оборванный босякъ, плохо различающій свое отъ чужого, вырастаетъ до крупныхъ размѣровъ.

Блага и радости упорядоченной жизни—вотъ чего

Digitized by Google

они не понимаютъ, вотъ что противорѣчитъ мистической основѣ ихъ натуры.

Блага жизни... да—это дѣйствительно „пунктъ“, который напоминаетъ мнѣ такую исторію.

Жилъ-былъ на свѣтѣ изобрѣтатель и, какъ большинство изобрѣтателей, рѣшительный неудачникъ. Находился онъ въ „метафизическомъ фазисѣ своего мышленія“, почему съ полнымъ и высокомѣрнымъ даже пренебреженіемъ относился къ тому, что можетъ дать хоть хлѣбъ насущный, т. е. къ усовершенствованію мелочныхъ подробностей культурнаго существованія. Тянуло его къ себѣ всегда что-то огромное, неразрѣшимое: perpetuum mobile, напр. Наконецъ, онъ остановился на летательной машинѣ, которая могла бы двигаться въ произвольномъ направленіи и по вѣтру, и противъ вѣтра. Бился онъ годы, голодалъ и холодалъ. Наконецъ, его „осѣнило“; онъ сѣлъ за столъ и написалъ такого рода проектъ, что „все должно развиваться и совершенствоваться постепенно, почему всякое дѣло надо начинать сначала. До электрическихъ аккумуляторовъ люди для передвиженія по землѣ научились пользоваться паромъ. До пара они знали лишь домашнихъ животныхъ. Съ этого же надо начинать и въ разрѣшеніи проблемъ воздухоплаванія“. Онъ проектировалъ поэтому основать питомникъ для дрессировки и обученія птицъ, наиболѣе сильныхъ и быстрыхъ, лебедей, напр., или журавлей, а затѣмъ, подраздѣливъ ихъ на разряды, каждый съ наиболѣе способнымъ вожакомъ во главѣ, запрягать въ сигарообразные воздушные шары. „И все будетъ, какъ должно быть“,— утверждалъ онъ. Даже такое опасеніе, что птицы не станутъ слушаться и будутъ во время полета постоянно отвлекаться въ сторону по своимъ птичьимъ

Digitized by Google

дѣламъ, — нисколько его не останавливало. Онъ для избѣжанія такого рода несчастныхъ случайностей изобрѣлъ слѣдующую, не лишенную остроумія и даже символическаго, если угодно, значенія, вещь. По его проекту отъ носа воздушнаго корабля надо было протянуть длинный стальной прутъ такъ, чтобы конецъ его былъ впереди вереницы птицъ. На концѣ прута онъ предлагалъ привѣшивать что-нибудь лакомое, какой-нибудь особенный привлекательный для даннаго рода птицъ кормъ: для вороновъ, напр.,—тухлое мясо, для журавлей—лягушекъ въ стеклянномъ шарѣ и т. д. По его соображенію выходило, что птицы, видя передъ собой лакомую приманку, будутъ стремиться къ ней изо всѣхъ силъ, но такъ какъ эта приманка прикрѣплена впереди нихъ на благоразумномъ разстояніи, то онѣ, не овладѣвая ею, исполнятъ однако свое назначеніе и станутъ двигать сигарообразную летательную машину. Въ то же время въ проектѣ предполагалось, что прутомъ по произволу можно двигать вправо и влѣво и, мѣняя такимъ образомъ мѣсто нахожденія приманки, „легко конечно, направлять и птичій полетъ въ нужную сторону“.

Соль всей этой исторіи не въ летательномъ снарядѣ, конечно, а только въ крюкѣ, прутѣ, на концѣ котораго неподвижно и въ благоразумномъ разстояніи отъ голодныхъ птичьихъ ртовъ прикрѣпленъ соблазнъ. Стараются бѣдненькія изо всѣхъ силъ и не понимаютъ, какъ зло подшучиваютъ надъ ними, поворачивая крюкъ вправо или влѣво, вверхъ или внизъ. Со стороны, конечно, виднѣе, и вотъ босяки, отойдя въ сторону отъ жизни, наблюдаютъ глупыхъ птицъ—людей и ту злую шутку, которую разыгрываетъ надъ ними бытіе, заставляя ихъ спѣшить, торопиться, давить другъ друга

Digitized by Google

безъ всякаго пониманія того, что самая приманка движется вмѣстѣ съ ними и что везутъ они ее на себѣ сами.

Чувствуетъ Ѳома эту злую шутку въ жизни людей, но не понимаетъ, что, какъ и къ чему. Огромность стихійныхъ запросовъ его натуры совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его умственнымъ силамъ. Найти ключъ къ объясненію окружающаго онъ не въ силахъ. Но даже не въ однѣхъ умственныхъ силахъ тутъ дѣло,—дѣло именно въ мистичности натуры, въ молоканскомъ наслѣдствѣ отъ матери, въ полной неприспособленности къ жизни, для участія въ которой нужны и опредѣленныя правила, и опредѣленная мораль. Но Ѳома только ищущій. Онъ ищетъ друга, который все бы ему растолковалъ и разъяснилъ, ищетъ женщину, которая согрѣла бы его своей лаской, ищетъ, наконецъ, Бога, живого человѣка, но около него нѣтъ ни друга, ни женщины, а въ немъ самомъ нѣтъ Бога. И это одиночество держитъ его въ постоянномъ трепетѣ.

Кое-что онъ постепенно начинаетъ разгадывать, но эта разгадка не приноситъ ему обновленія, потому что корни его натуры—гнилые, потому что духъ его отравленъ сильнѣйшимъ ядомъ человѣческаго духа—трусостью. Знаетъ онъ, всѣмъ существомъ своимъ знаетъ, что надо ему „осмѣлиться“ совершить какой-то рѣшительный шагъ, сбросить съ себя всѣ маякинскія обузы, но не можетъ и топчется онъ на мѣстѣ, угрюмо понуривъ голову, умѣя только топтаться на мѣстѣ и ожидая, не придетъ ли кто смѣлый и сильный и не потащитъ ли его съ собой на веревкѣ. Кровь же его, зараженная мѣщанствомъ, слишкомъ жидка и блѣдна, чтобы онъ могъ двинуться самъ.

Но... что же это за „кое-что“, разгаданное имъ? На

Digitized by Google

это въ романѣ Горькаго отвѣтъ ясный и опредѣленный. Напр.:

„Ѳома, красивый и стройный, въ короткомъ драповомъ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ, стоялъ, прислонясь спиной къ мачтѣ, и, дрожащей рукой пощипывая бородку, любовался бойкой работой мужиковъ. Шумъ, носившійся вокругъ него, вызывалъ въ немъ настойчивое желаніе кричать, возиться вмѣстѣ съ мужиками; рубить дерево, таскать тяжести, командовать, заставить всѣхъ обратить на себя вниманіе и показать всѣмъ свою силу, ловкость, живую душу въ себѣ. Но онъ сдерживался и стоялъ молча, неподвижно: ему было стыдно и боязно чего-то. Его стѣсняло то, что онъ хозяинъ тутъ надъ всѣми и что,—если онъ примется работать самъ,—никто не повѣритъ, пожалуй, что онъ работаетъ просто изъ охоты, а не для того, чтобъ подогнать ихъ, показать имъ примѣръ. И еще, пожалуй, насмѣются надъ нимъ мужики...

„Русый и кудрявый парень съ разстегнутымъ воротомъ рубахи то и дѣло пробѣгалъ мимо него то съ доской на плечѣ, то съ топоромъ въ рукѣ: онъ подпрыгивалъ, какъ разыгравшійся козелъ, разсыпалъ вокругъ себя веселый звонкій смѣхъ, шутки, крѣпкую ругань и работалъ безъ устали, помогая то одному, то другому, быстро и ловко бѣгая по палубѣ, заваленной щепами и деревомъ. Ѳома упорно слѣдилъ за нимъ и чувствовалъ зависть къ этому веселому парню, отъ котораго такъ и вѣяло чѣмъ-то здоровымъ, возбуждающимъ.

„Счастливый должно быть...“—думалъ Ѳома, и эта мысль вызывала въ немъ острое, колющее желаніе какъ-нибудь оборвать парня, сконфузить его. Всѣ вокругъ были охвачены пыломъ спѣшной работы, всѣ дружно и скоро укрѣпляли лѣса, устраивали блоки,

Digitized by Google

готовясь поднять со дна рѣки затонувшую баржу; всѣ были бодро-веселы и—жили. Онъ же стоялъ въ сторонѣ отъ нихъ, не зная, что ему дѣлать, ничего не умѣя, чувствуя себя ненужнымъ въ этомъ большомъ трудѣ. Обидно было ему чувствовать себя лишнимъ среди людей, и чѣмъ больше онъ присматривался къ нимъ, тѣмъ болѣе крѣпла въ немъ эта обида, и всего больше его колола та мысль, что вѣдь вотъ—для него все это дѣлается, а однако онъ тутъ не при чемъ...

„Гдѣ же мое мѣсто?—угрюмо думалось ему.—Гдѣ мое дѣло? Али я уродъ какой? У меня силы не меньше, чѣмъ у любого... На что же она мнѣ?“

Чуетъ онъ, что есть какая-то грандіозная ложь въ томъ, что одни пальцемъ загребаютъ тысячи, а другіе горбомъ—гроши, и тяжко ему отъ этого, но что, какъ и къ чему—онъ все же не понимаетъ... Еще меньше онъ понимаетъ—что же надо дѣлать, и въ концѣ концовъ онъ очищаетъ свое мѣсто въ жизни, прямо-таки стушевывается. Вотъ, если бы свалка началась около него—это другая статья. Трусливый, недисциплинированный, подавленный даже, Ѳома способенъ на огромные порывы, особенно когда дѣло идетъ о разрушеніи и такомъ, чтобы все кругомъ трещало, и онъ-то конечно не остался бы въ сторонѣ, а бросился въ самую середину.

Горькій своего героя осудилъ или, лучше сказать, свелъ его на нѣтъ. Въ послѣдней сценѣ романа Ѳома производитъ впечатлѣніе какого-то слюняваго идіота. Но не крутыя горки укатали сивку и не маякинскія мѣропріятія довели до юродства этого сильнаго и здороваго человѣка, а собственное его презрѣніе къ себѣ, собственное его сознаніе своей неприспособленности и ненужности.

„Недавно Ѳома явился на улицахъ города. Онъ какой-

Digitized by Google

то истертый, измятый и полуумный. Почти всегда выпивши, онъ появляется то мрачный съ нахмуренными бровями и съ опущенной на грудь головой, то улыбающійся жалкой и грустной улыбкой блаженненькаго. Иногда онъ буянитъ, но это рѣдко случается. Живетъ онъ у сестры на дворѣ, во флигелькѣ...

„Знающіе его купцы и горожане часто смѣются надъ нимъ. Идетъ Ѳома по улицѣ, и вдругъ кто-нибудь кричитъ ему:

„—Эй ты, пророкъ! Подь сюда!

„Ѳома очень рѣдко подходитъ къ зовущему его,—онъ избѣгаетъ людей и не любитъ говорить съ ними. Но если онъ подойдетъ,—ему говорятъ:

„— Ну-ка, насчетъ свѣтопреставленія скажи слово, а? Хе-хе-хе! Пророкъ!“

Съ внѣшней стороны Маякинъ, который даже умираетъ торжествующимъ и съ исполненіемъ всѣхъ желаній, побѣдилъ. Но точно ли онъ побѣдилъ и какой смыслъ этой побѣды, если она есть,—обо всемъ этомъ послѣ.

III.

Горькому приходится слышать подчасъ странные упреки за то, что его герои-босяки слишкомъ уже умны и даже начитаны, знакомы и съ Шопенгауэромъ, и съ Ницше, и съ Максомъ Штирнеромъ, и вообще со всѣмъ этимъ „индивидуалистически - пессимистически - анархистскимъ“ броженіемъ западной европейской мысли. Одинъ остроумный критикъ прямо пишетъ: „Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что при всемъ своемъ несомнѣнномъ сочномъ талантѣ Горькій прививаетъ своимъ героямъ съ замѣтной искусственностью идеи изъ новѣйшей европейской литературы. Эти идеи въ ихъ холодномъ пареніи (?!) и холодномъ паѳосѣ не могутъ

Digitized by Google

быть естественнымъ образомъ введены въ живую творческую работу искусства и особенно русскаго искусства“... потому что: „имѣя въ себѣ великіе задатки для обновленія ветхаго человѣка, русское искусство, въ лицѣ такихъ писателей, какъ Достоевскій, чуждо въ то же время парадоксальности новѣйшей европейской философіи, съ ея головными настроеніями и безплоднымъ демонизмомъ личности. Оно просто, строго и серьезно, оно полно религіозныхъ думъ и религіознаго восторга. Даже смѣхъ его, даже его безпощадная сатира имѣетъ, какъ у Гоголя, характеръ возвышеннаго юродства (!) передъ лицомъ жизни во имя сверхжизненной, безплотной правды, жаждущей воплощенія. Къ этому мощному дереву русскаго искусства, съ его глубокими подземными корнями, не приходится дѣлать искусственную прививку отъ чужой культурной породы“.

Прочтя такую тираду о „теплой человѣчности“, „холодномъ пареніи“, „возвышенномъ юродствѣ“ и „безплодномъ демонизмѣ“, можно сказать только словами гоголевскаго судьи при слушаніи прошенія Перерепенка: „Что за бойкое перо! Господи, Боже! Какъ пишетъ этотъ человѣкъ!“ —и еще немного продолжить выписку: „...Какъ и „Челкашъ“, „Мальва“ представляетъ собою смѣлый апоѳеозъ широкаго морского простора съ его величественнымъ безстрастіемъ и безмолвнымъ смѣхомъ надъ людскими страстями и страданіями. Можно сказать, что самое море является въ разсказѣ какимъ-то сверхъ-человѣкомъ, который шевелитъ и поднимаетъ сверхъ-человѣческія силы въ людяхъ, причастныхъ къ его жизни. Героиня разсказа, Мальва, представлена холодною наядою древней легенды, но съ осложненною внутреннею жизнью въ духѣ Гедды Габлеръ. Съ увѣренностью можно сказать, что перво-

Digitized by Google

бытная жизнь русскихъ рабочихъ людей еще не выдвинула такого противорѣчиваго и утонченнаго характера, но молодой художникъ, подхваченный сильнымъ вѣтромъ современности, уже невольно смотритъ на жизнь босяцкой среды съ нѣсколько искусственной высоты, откуда человѣческія фигуры дѣлаются у него носителями новыхъ утонченныхъ идей, но зато онѣ теряютъ свою естественную психологическую полноту и ту глубину, въ которой таится необходимое разрѣшеніе запросовъ человѣческаго духа. Мальва, вся насыщенная красотою моря, какъ морская волна, холодная и измѣнчивая, какъ морская волна, увлекательная, живетъ любовью, но не ради самой любви. Вотъ что говоритъ она своему любовнику. „Ты бахвалился, что я безъ тебя, какъ безъ хлѣба, и жить не могу. Напрасно ты это... Можетъ, я не тебя люблю и не къ тебѣ хожу, а люблю я мѣсто это...—она широко провела рукой вокругъ себя. — Можетъ, мнѣ то нравится, что здѣсь пусто— море да небо и никакихъ подлыхъ людей нѣтъ. А что ты тутъ — это все равно мнѣ. — Это вродѣ платы за мѣсто. Сережка былъ бы, къ нему бы я ходила. Сынъ твой будетъ—къ нему пойду. А еще лучше, кабы васъ вовсе никого не было... Обрыдли вы мнѣ. Но если я, съ моей красотой, захочу, я всегда себѣ мужика, какого мнѣ нужно, выберу“. Такъ разсуждаетъ о любви Мальва, эта промысловая работница. Она любитъ не людей, а море. Своею красотою она оплачиваетъ только свое безкорыстное наслажденіе природою...“

Могу по этому поводу сказать одно: факта не отрицаю, но состава преступленія въ немъ не вижу. Больше того: вижу лишнее преимущество Горькаго и лишнюю причину его успѣха. Будемъ говорить кратко, но на чистоту. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ упрекаетъ остро-

Digitized by Google

умный критикъ Горькаго? Въ томъ, конечно, что молодой писатель искусственно прививаетъ „холодное пареніе западной мысли“ и „отсутствіе теплой человѣчности безплоднаго демонизма“ своимъ героямъ, изображаетъ ихъ безъ „возвышеннаго юродства“ или — просто выражаясь, безъ этихъ вычурныхъ и глупыхъ терминовъ — въ томъ, что Горькій не этнографъ. Но, скажите откровенно, не въ достаточной ли степени надоѣла вамъ вся эта этнографическая беллетристика, которой мы такъ долго пробавлялись? Просмотрите внимательно эти безчисленные сборники очерковъ и разсказовъ, ежедневно и даже ежеминутно появляющихся на свѣтъ Божій, что же найдете вы тамъ? Беллетристику мордовскую, чувашскую, черемисскую, киргизскую, остяцкую, якутскую, бурятскую, чукотскую,—беллетристику Малмыжскаго уѣзда, Вятской губерніи, художественные типы Нижнедѣвицкаго уѣзда, Воронежской губерніи, лирическую драму города Тетюшей и т. д., и т. д. Не спорю: все это очень полезно, все это даже очень хорошо, потому что попутно читатель узнаетъ цѣну на воблу въ низахъ Волги, количество недоимокъ за крестьянами деревни Проплеванной, знакомится съ культурной дѣятельностью русскихъ становыхъ, а также о многомъ другомъ, но въ 99 случаяхъ изъ ста во всемъ этомъ нѣтъ самаго главнаго—нѣтъ вѣчной трагедіи человѣческаго Пошехонья въ его безплодныхъ и тоскливыхъ изысканіяхъ смысла жизни, а этнографическая беллетристика только тогда достигаетъ художественнаго смысла, когда она не забываетъ этой основной задачи нашего скорбнаго духа. Но тутъ она безсильна. Разсказы Короленки или Сѣрошевскаго—вотъ все, что она можетъ дать въ этомъ смыслѣ, а всѣ эти господа Елпатьевскіе, Таны и пр. имѣютъ свой raison

Digitized by Google

d'être лишь по количеству и точности собираемыхъ ими „особыхъ примѣтъ“. Такую беллетристику я предпочелъ бы еще болѣе точной, еще болѣе статистически-этнографически-антропологически-основательной, такъ чтобы не осталось уже никакого сомнѣнія ни по части цѣнъ на воблу, ни по части количества недоимокъ, числящихся за крестьянами деревни Проплеванной...

Горькій—не этнографъ,—это и хорошо, потому что беллетристовъ-этнографовъ у насъ, слава Богу, достаточно и однимъ изъ нихъ больше или меньше—это не важно. Очерки и разсказы Горькаго для меня совсѣмъ не очерки и разсказы изъ дѣйствительной жизни, которые я могъ бы снабдить примѣчаніями и ссылками на „Губернскія Вѣдомости“, или оффиціально-статистическія данныя о бытѣ нашего городского пролетаріата,—это лирическія поэмы, гдѣ главный герой—духъ человѣка въ его вѣчныхъ и скорбныхъ, повторяю, поискахъ за смысломъ жизни и правдой своего такъ приниженнаго, такъ забитаго существованія. И если это исканіе воплотилось въ образѣ босяка, то развѣ это босякъ дѣйствительности—грязный, вонючій, скверный и никакъ не герой, обезсиленный непробуднымъ пьянствомъ, а не тотъ, другой босякъ, въ дивномъ образѣ котораго первые отцы и учители христіанства воплощали все страждущее человѣчество, говоря: „наги и нищи приходимъ мы на землю; наги и нищи уходимъ мы съ нея“?.. И, конечно, всякій, даже современный, гордый своей жестокой и братоубійственной культурой, человѣкъ признаетъ себя нищимъ, нагимъ и босякомъ, разъ онъ спроситъ себя о смыслѣ жизни и дѣятельности этого идущаго къ какой-то невѣдомой цѣли, а можетъ быть и никуда не идущаго человѣчества...

Мнѣ думается, что своими босяками Горькій воз-

Digitized by Google

вышается до символизма, но символизма настоящаго, какъ вдохновенной и утонченной аллегоріи, и, конечно, не до той преисполненной претензіями безкровной и блѣдной дряни, которая подъ этимъ именемъ преподносилась уважаемой публикѣ нашими новаторами, да и теперь еще преподносится, хотя бы подъ видомъ трагедіи г. Минскаго „Альма“.

Поэтому-то критика разсказовъ Горькаго *только* съ этнографической точки зрѣнія не только узка и одностороння, но, въ сущности говоря, не нужна, не въ томъ суть, насколько босяки Горькаго расходятся съ дѣйствительностью или соотвѣтствуютъ ей, а въ томъ, что въ ихъ образѣ мы еще разъ можемъ прослѣдить броженіе человѣческаго духа, его мятежное возстаніе противъ условностей и искусственности человѣческаго существованія, его обезсиленный невѣріемъ порывъ къ той жизни, которая давала бы ему полноту удовлетворенія, его борьбу съ мѣщанскою пошлостью, несмотря на всѣ соблазны, искусно выставляемые ею на пути исканія смысла бытія.

Еще нѣсколько словъ о Ѳомѣ Гордѣевѣ.

Конечно, какъ всякій *настоящій* символъ, и этотъ допускаетъ вполнѣ реальное толкованіе, даже съ чисто-этнографической точки зрѣнія. Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, напр., слѣдующія строки, посвященныя Ѳомѣ въ одной провинціальной газетѣ, къ сожалѣнію, не помню даже какой. Привожу ихъ съ сокращеніями: „...Но та же купеческая среда начинаетъ выдѣлять иные типы, въ которыхъ вы найдете непосредственность и цѣльность. Уже отецъ Ѳомы, „шалый“ въ минуты душевной невзгоды, предчувствовалъ, что

Digitized by Google

онъ рабъ своего дѣла. Уже Люба говоритъ: „Слава Богу, что мы не похожи на нашихъ отцовъ“. Уже сынъ Щурова бѣжитъ изъ царства хищенія „въ міръ природы“— „спасаться“, Спасителя смиренно умолять за грѣхи и темныя дѣянья отцовъ. Но отецъ Ѳомы завѣщаетъ сыну брать, а не давать. Люба только тянется, сынъ Щурова, если и сознаетъ, „чѣмъ люди живы“ въ купеческой средѣ, то онъ просто бѣжитъ изъ этой среды, стараясь забыть о ней. Въ душѣ у всѣхъ у нихъ тлѣетъ искра Божія, но только въ глубокой душѣ Ѳомы она разгорится въ бурный пламень.

„Ѳома не только предчувствуетъ, но онъ всѣмъ сердцемъ своимъ чувствуетъ неправду жизни. Вся трагедія этого сильнаго и въ то же время слабаго человѣка заключается въ томъ, что онъ слишкомъ рано оторвался отъ „пуповины своей группы“. Мы уже разсматривали этого слѣпого Сампсона, какъ человѣка, теперь передъ нами членъ класса.

„Припоминается мнѣ давнишній споръ въ вагонѣ. Юный студентъ съ жаромъ нападалъ на дворянство. Почтенный господинъ, въ картузѣ съ краснымъ околышкомъ, пытался возражать, но только смѣшилъ публику. Онъ оказался слабымъ противникомъ. И вдругъ онъ вспылилъ...

„— Да что вы тамъ разсуждаете. Вы не смѣете „осуждать“; я вамъ запрещаю.

„— Да вы-то что за сила такая?

„— Да, я сила! Я „членъ сословія“ и не потерплю, чтобы затрагивалась его честь...

„Что было возражать противъ этого довода?—„Я сила, потому что я членъ сословія!“— „Его интересы— мои интересы, мои интересы—его интересы!“—могутъ сказать о себѣ и Щуровъ, и Маякинъ, и Смолинъ. Но

Digitized by Google

Ѳома не можетъ этого сказать. Ѳома, отчасти Люба и сынъ Щурова „деклассировались“. „Вы еще не выросли, а ужъ себя переросли“,—говоритъ о нихъ Маякинъ, и онъ правъ. Ѳома переросъ себя, какъ члена „купеческаго сословія“, но онъ не выросъ въ сознательную силу, опирающуюся на интересы того класса, отдѣльнымъ членамъ котораго онъ горячо сочувствуетъ. Ѳома—необработанное сырье, и мысль его сырая, и характеръ его сырой... Думаетъ онъ, точно дуги гнетъ, дѣйствуетъ, точно скалы ворочаетъ... И все одинъ, все одинъ. Туда, къ своему классу, для него возврата нѣтъ: тамъ мертвая пустыня, и туманное впереди кажется такимъ далекимъ, невѣдомымъ... Отсюда „этотъ адъ наболѣвшей тоски“... въ душѣ человѣка, прикованнаго къ скалѣ человѣческой дикости и неправды...

„...Не даромъ Ежовъ съ нескрываемымъ изумленіемъ останавливается передъ Ѳомой. „Это любопытно,—говоритъ интеллигентъ, слушая горькую жалобу Ѳомы...—Любопытно, если это вѣрно и глубоко, ибо доказываетъ, что слѣпой духъ, недовольство жизнью, проникъ уже въ купеческія спальни, въ мертвецкія души“. Это то недовольство, которое является такимъ рѣзкимъ диссонансомъ на фонѣ довольства Щурова, Маякина, довольства собою и своею жизнью; это то „святое недовольство“ самимъ собою и всѣми, при которомъ нѣтъ, по словамъ Некрасова, „ни самообольщенія, ни застоя“; это то недовольство, которое переходитъ у Ѳомы въ бурныя выходки. „Наше купеческое сословіе,—говоритъ Ѳома,—наиболѣе богатое здоровьемъ и въ то же время наименѣе трудящееся“. Куда же дѣвать ему энергію? И вотъ онъ расточаетъ избытокъ умственной энергіи въ кабакахъ на кутежи... „Конца я не понимаю,—отвѣтилъ Ѳома,—а вотъ о силѣ вѣрно. Куда я употреблю

Digitized by Google

силу мою, ежели нѣтъ на нее спроса... Мнѣ бы съ разбойниками сражаться или самому разбойникомъ быть, вообще, что-нибудь эдакое большущее дѣлать, а тутъ иди-ка на биржу и приноравливайся, какъ бы рубль зашибить“...

„Быть разбойникомъ Ѳома можетъ, но не хочетъ, сражаться съ разбойниками онъ хочетъ, да не можетъ. Имя имъ легіонъ, потому что много, цѣлыя стаи этихъ черныхъ вороновъ носятся надъ жизнью; имя Ѳомѣ „бѣлый воронъ“, потому что онъ одинъ, потому что онъ отдѣлился отъ стаи и не пристаетъ къ стаѣ, потому что онъ одинъ карабкается въ гору, а тысячи подъ гору тянутъ. Приходится быть только зрителемъ хищенія и служенія Ваалу...

„Широко открытыми глазами“ смотритъ этотъ зритель „на помойную яму“, называемую жизнью. Вотъ отецъ его бьетъ по щекамъ своего лучшаго рабочаго за то, что тотъ стонетъ подъ тяжелымъ ярмомъ. Тотъ молчитъ, а на глазахъ слезы... Вотъ приказчикъ Ѳомы нанимаетъ мужиковъ за полцѣны, потому что они... погорѣли и все равно пойдутъ и за такую цѣну... Вотъ измученный машинистъ набираетъ еще себѣ сверхъ обязательной работы—и бьется часы за гривенникъ... Потому, что онъ жаденъ? Нѣтъ, у него дома семья, тамъ ѣсть нечего, тамъ гривенникъ то же, что 100 рублей для Ѳомы, который не знаетъ, куда дѣвать этотъ милліонъ рублей, этотъ милліонъ человѣческихъ терзаній...

„И все это видитъ Ѳома. Онъ, не находящій себѣ дѣла, видитъ эту каторжную работу, онъ, не знающій цѣны деньгамъ, видитъ эту страшную власть копейки... Онъ, угнетенный цѣлымъ роемъ мыслей, видитъ людей, безъ мысли живущихъ, безъ мысли умирающихъ, съ

Digitized by Google

ярмомъ на плечахъ... И все это для того, чтобы ему, Ѳомѣ, „жилось вольготно, весело“. Зачѣмъ же онъ живетъ? Зачѣмъ заѣдаетъ вѣкъ другихъ? Онъ не знаетъ, и нѣтъ ему „въ этомъ незнаніи оправданія“...

„Сознаніе собственной неправды поднимается въ его душѣ, точно ѣдкій туманъ. О чемъ бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни думалъ, передъ глазами Ѳомы, „безъ вины виноватаго“, встаетъ рѣзкій контрастъ: одни трудятся... а другіе и т. д... и стоитъ передъ Ѳомой, какъ самъ Ѳома стоитъ передъ Щуровыми,—воплощенной укоризною. „Въ твои годы Игнатъ ясенъ былъ мнѣ, какъ стекло,—говоритъ Щуровъ.—А на тебя гляжу—не вижу, что ты, кто ты такой? И самъ ты, парень, этого не знаешь... оттого и пропадешь“... То же почти говоритъ Ежовъ: „Не представляю, Ѳома, какъ ты будешь жить, если сохранишь въ себѣ то, что въ себѣ носишь?“ То же говоритъ ему Саша: „Такіе люди всѣ пропадутъ“... И Ѳома пропалъ... Но если ничто въ природѣ не пропадаетъ, то никогда не пропадетъ и тотъ фактъ, что человѣкъ пропалъ...“

Ѳома, дѣйствительно, отшатнулся отъ своего сословія или, лучше, сословный духъ дѣйствовалъ въ немъ смутно и неопредѣленно, но не давалъ никакой опоры его сознанію. Несмотря на внушенія отца и тонкую хищническую науку Маякина, Ѳома не усвоилъ себѣ ни одного сословнаго правила, съ которымъ онъ чувствовалъ бы себя такъ легко и свободно, что могъ бы, по выраженію Щедрина, спокойно разрѣзать окровавленными руками пирогъ съ капустой... Великая это вещь сословныя правила, куда больше собственнаго человѣческаго разума и даже собственной человѣческой разсудочной софистики. У прислонившагося къ нимъ человѣка сила удваивается; у того, кто ихъ но-

Digitized by Google

ситъ въ своемъ сердцѣ, въ крови своей, во всей своей натурѣ, она удесятеряется. Эти правила—тотъ высшій трибуналъ, передъ лицо котораго являются всякія сомнѣнія, колебанія, всякія нерѣшенныя раздумья и здѣсь всегда въ ясномъ, всегда опредѣленномъ, не терпящемъ ни противорѣчій, ни ограниченій, отвѣтѣ почерпаютъ огромную мощь. Эти правила объединяютъ человѣка, они даютъ ему возможность не раскалываться на многія разныя части, которыя тянули бы его въ разныя стороны; они говорятъ просто и коротко: иди туда-то, дѣлай то-то, говори то-то.

И человѣкъ идетъ, дѣлаетъ, говоритъ, идетъ смѣло съ гордо или нагло поднятой головой, со спокойной совѣстью—и почему? Потому, конечно, что онъ *не одинъ*, что за нимъ есть толпа того же типа, къ которому принадлежитъ онъ самъ, что за нимъ есть *исторія*, т. е. стихійное, выработавшее его прошлое, сказавшее когда-то, хотя бы вѣкъ тому назадъ: „Да, это такъ, все это нужно мнѣ, все это необходимый результатъ игры, сложенія и разложенія моихъ силъ, а разъ все это нужно и необходимо, то это и умно, и хорошо, и справедливо, и это несетъ за собой побѣду. Поэтому еще разъ: иди, дѣлай, говори, и непремѣнно то-то, и непремѣнно туда-то, прямо, въ одномъ направленіи и... безъ всякихъ колебаній...“

Не глупа эта старуха-исторія, создавшая свои сословныя правила, не глупа она даже въ томъ случаѣ, когда съ иронической усмѣшкой на губахъ милостиво разрѣшаетъ людямъ *ей* нужное, *ей* необходимое называть прекраснымъ, благороднымъ, возвышеннымъ, справедливымъ, мерзкимъ, отвратительнымъ и пр., и пр.... Пусть, молъ, себѣ забавляются...

Digitized by Google

„Отрѣшившись“ и прежде всего, конечно, по мистичности своей уже вырождающейся натуры, съ своимъ одинаковымъ невѣріемъ и въ раскольничьи скиты, и въ силу денегъ, Ѳома перешелъ въ разрядъ обще-человѣковъ или, проще говоря, пролетаріевъ и босяковъ. Ничего не осталось у него въ душѣ, кромѣ обиды и злости, и кромѣ нерѣшеннаго огромнаго вопроса: „зачѣмъ все это? къ чему?“ Сословныя правила дали бы ему возможность найти покой, забвеніе и самодовольство въ процессѣ наживы; раскольничьи скиты, куда тянула его кровь матери, позволили бы ему, конечно, воскликнуть:

„О, наконецъ! Изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ, израненный боецъ...
Изъ міра лжи, измѣны и обмана,
Полуживой, я спасся наконецъ!
Въ моей душѣ ни злобы нѣтъ, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готовъ...
Обитель міра, смерти и забвенья,
Прими меня подъ твой смиренный кровъ“.

Но ни того, ни другого у обще-человѣка Ѳомы нѣтъ. Однако, огромныя, стихійныя, чисто-разбойничьи силы, заложенныя въ его природѣ, не хотятъ смириться, и шея сама собой не лѣзетъ въ ярмо. И онъ только ноетъ, тоскуетъ, безобразничаетъ, топитъ людей и пароходы, разбрасываетъ деньги, дерется и ждетъ, не начнется ли гдѣ свалка, не грянетъ ли хоть громъ надъ самой головой... Но...

„Льется, льется дождикъ медленно и ровно,
Тягостный, какъ голосъ совѣсти виновной,
Долгій, какъ изгнанье, мощный, какъ судья,
Терпѣливый, будто старая раба.
И какъ дождикъ въ окна, крылья скорби черной
Въ сердце ударяютъ тихо и упорно.
Ноетъ сердце, ноетъ—тяжело вздохнуть,

Digitized by Google

Камнемъ тяжкимъ слезы падаютъ на грудь.
Льется, льется дождикъ, будто поневолѣ...
Истомилось сердце... Силъ страдать нѣтъ болѣ
Струны напряглися, струны порвались,
И въ одно желанье силы всѣ слились:
Почернѣй, о небо! Заклубитесь тучи!
По небу помчитесь вы грядой могучей,
Громомъ разбудите вѣковѣчный сонъ,
Молніей зажгите черный небосклонъ...
Пусть грохочетъ буря, пусть гроза бушуетъ!
Сердце встрепенется, сердце возликуетъ.
Громъ я встрѣчу пѣсней, радостной, какъ громъ,
Подъ грозой взовьется мысль моя орломъ...
Пусть стволы деревьевъ ураганъ ломаетъ,
Пусть весь лѣсъ отъ молній ярко запылаетъ.
Жизни! Жизни! Жизни! Истомилась грудь,
Разъ хоть полной грудью хочется вздохнуть!
Знаю: громъ ударитъ и въ мое жилище,
Можетъ быть, я первый стану грома пищей...
Лишь могло бы только дерево ожить,
Объ упавшихъ листьяхъ нечего тужить..."

И ужъ, конечно, Ѳома не тужилъ бы.

Положеніе, въ которое попалъ теперь Ѳома, совсѣмъ уже не „этнографическое", и окончательно безразлично, въ какомъ уѣздѣ разыгрывается его душевная драма и какая въ это время стоитъ цѣна на воблу. Нужно ему „правило" жизни, но какъ найти его?

Когда вы говорите ребенку, что нельзя кушать съ ножа, и онъ спрашиваетъ васъ: „почему?"—вы можете отвѣтить или „мама не велѣла", или „такъ не принято", или „ты порѣжешь губы", или же просто и отрывисто: „нельзя". Во всякомъ случаѣ вы должны дать какую-нибудь санкцію — „высшее оправданіе" его поведенія, безъ чего онъ можетъ остаться совсѣмъ безчувственнымъ къ вашимъ словамъ. При первомъ отвѣтѣ

Digitized by Google

вы ищете это „высшее оправданіе“ въ авторитетѣ старшихъ; во-второмъ—въ авторитетѣ данной группы людей, не кушающихъ съ ножа; въ-третьемъ—въ авторитетѣ разума, предвидящаго послѣдствія даннаго поступка и выбирающаго наилучшія послѣдствія; въ-четвертомъ—вы взываете къ авторитету безусловному, что обыкновенно связано съ устрашеніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, смыслъ поступка заключается не въ немъ самомъ, а въ его высшемъ оправданіи, въ санкціи,—и не только поступка, а всего человѣческаго поведенія вообще.

Несчастный Ѳома Горькаго вѣчно занятъ вопросомъ, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе, почему онъ долженъ дѣлать это и ни въ какомъ случаѣ не дѣлать того? Такая роковая вдумчивость проявляется у него уже съ ранняго дѣтства. Ясно, что онъ занятъ исканіемъ санкціи.

Отецъ предлагаетъ ему санкцію собственнаго авторитета и разума въ низшемъ его проявленіи, то есть разсчета выгоды и невыгоды. Маякинъ твердитъ ему все время о санкціи сословной, потому что у Маякина твердо засѣла въ голову идея о превосходствѣ купечества надъ всѣми другими народами. Остальные люди ни о какой санкціи ему не говорятъ. На все это Ѳома можетъ отвѣтить однимъ „не пріемлю“, и меньше всего подходитъ къ его настроенію проповѣдуемая Маякинымъ сословная санкція. Ему, какъ обще-человѣку, и мораль нужна обще-человѣческая, пролетарская, а не купеческая, такъ какъ изъ своего сословія онъ не только вышелъ, но и заподозрилъ самое правоту его общественнаго положенія.

Самымъ естественнымъ выходомъ былъ „скитъ“, и тамъ, конечно, Ѳома нашелъ бы полные отвѣты на

Digitized by Google

свои вопросы: „нельзя — и все тутъ“; надо — и дѣлай“. Туда, въ этотъ скитъ, тянула и кровь матери, и самая мистичность его натуры, потому что натуры мистическія могутъ удовлетвориться только безусловными отвѣтами, ничто же относительное, никакое временное правило ихъ не успокоитъ.

Даже когда ему какъ-то совсѣмъ нечаянно удалось приподнять часть таинственнаго покрова жизни, и онъ не то, чтобы понялъ, а просто почуялъ, что есть какая-то грандіозная ложь въ томъ, что одни пальцемъ загребаютъ тысячи, а другіе горбомъ гроши изъ земли выворачиваютъ, и тутъ понадобилась санкція. „Это представлялось Ѳомѣ огромной ложью“. Но почему здѣсь ложь, и если ложь именно здѣсь, то гдѣ же правда? Гдѣ высшее оправданіе того, что надо слѣдовать не лжи, а правдѣ? И точно ли ложь въ одномъ случаѣ не станетъ правдой въ другомъ? И точно ли ложь не имѣетъ также своего высшаго оправданія, какъ и правда? А самое главное—что же это за правда такая, которая не дается людямъ?.. Когда же, въ самомъ дѣлѣ,

„... правда на землю придетъ,
Та правда, чья слава пѣвцами поется,
Та правда, которую ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?..“

И придетъ ли?

Нечего и говорить, разумѣется, что это вопросы не Ѳомы Гордѣева собственно, а и Льва Толстого, и Ренана, и Ницше, и Гюйо, и всякаго человѣка, большого и малаго, но только и непремѣнно такого, который не пріемлетъ сословныхъ правилъ и сословныхъ указаній, для котораго, словомъ, не дорога честь мундира той группы лицъ, къ которой онъ принадлежитъ по своему общественному положенію. Сословныя же правила по-

Digitized by Google

добные вопросы выкидываютъ изъ круга мышленія. Но только благодаря имъ, этимъ вопросамъ, этнографическая, босяцкая беллетристика достигаетъ у Горькаго высоты художественнаго лиризма и превращается въ милліонъ разъ намѣченную и ни разу не рѣшенную драму мятежнаго и ищущаго человѣческаго духа.

Не только Тарасъ Маякинъ, — тотъ хотя умный,—а сотни и тысячи глупенькихъ людей могли бы сказать Ѳомѣ: почитайте, молъ, хорошихъ книжекъ и тамъ вы найдете нѣкоторый таинственный *иксъ*, ни автору книги, ни мнѣ, ея читателю, неизвѣстный, иксъ, который называется общимъ благомъ. Эта вещь не только благороднѣйшая и возвышеннѣйшая, но и прелюбопытная, потому что въ этомъ вопросѣ всякъ молодецъ на свой образецъ и рецептовъ общаго счастья вамъ порекомендуютъ ровно 1.200.000, о чемъ можете справиться хотя бы въ превосходной книгѣ небезызвѣстнаго эдинбургскаго профессора Бэна „Moral science“. По сему и поступайте...“

Всѣ эти moral scienc'ы Ѳома, разумѣется, на другой же день выбросилъ бы изъ окошка, такъ какъ, сколько онъ ни читай, онъ увидѣлъ бы только то, что есть мораль и санкція для поведенія и рецепты общаго счастья, изложенныя въ пяти томахъ, есть однотомныя, есть и въ краткихъ брошюркахъ, написанныя „для удобнѣйшаго ношенія въ жилетномъ карманѣ“. И больше бы онъ не узналъ ничего. И опять-таки любопытно отмѣтить, что съ такимъ своимъ смѣшнымъ выводомъ онъ очутился бы на высотѣ современной науки и, скверно ругаясь, сказалъ бы одно изъ самыхъ послѣднихъ ея словъ.

Потому что наука о нравственности, съ той поры, какъ она зародилась, потратила всѣ свои часто во-

Digitized by Google

истину грандіозныя усилія на то, чтобы найти эту самую санкцію поведенія, и вотъ теперь въ лицѣ Гюйо сказала прямо и просто: „Мы не нашли ничего. Мы захотѣли оправдать поступки человѣка чѣмъ-то такимъ, что лежитъ внѣ его и даже никакого прямого отношенія къ нему не имѣетъ. Со временъ Аристотеля, сказавшаго страшно давно тому назадъ: „Въ случаѣ какихъ-либо колебаній насчетъ того, какъ тебѣ надо поступить въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ,—обращайся къ лучшему человѣку своей общины и поступай по его совѣту“,—мы, строго говоря, ни на шагъ не двинулись впередъ. Разница между нами и Аристотелемъ собственно лишь въ томъ, что съ его временъ человѣческая община страшно разрослась и охватила всѣ страны и народы. И мы алчущую душу отсылаемъ къ той или другой лучшей книгѣ. Итакъ, признаемся, что, отказавшись отъ Бога, мы никакой внѣ человѣка лежащей санкціи не нашли и утверждаемъ поэтому: *высшее оправданіе своего поведенія человѣкъ можетъ найти лишь въ себѣ самомъ и истинныхъ требованіяхъ своей натуры...*“

По типу такая формула, очевидно, формула вольническая, и, можетъ быть, Ѳома, котораго всегда тянуло въ этотъ міръ вольницы, заинтересовался бы ею больше, чѣмъ всякій другой. Но что бы она дала ему? Я попытаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, прибѣгнувъ даже къ странному пріему—сопоставивъ пьянаго Ѳому съ... французскимъ философомъ Гюйо. Пріемъ искусственный, но мнѣ кажется интереснымъ послѣ сквернословія Ѳомы по адресу мѣщанской, сословной морали услышать его сквернословіе и по адресу морали строго-научной, профессорской, такъ сказать. Попросивъ разъясненій, онъ

Digitized by Google

услышалъ бы въ строго-научной формѣ изложеннымъ слѣдующее *):

„...Самымъ существеннымъ и основнымъ фактомъ нашей природы оказывается тотъ фактъ, что мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа“, и, опираясь на этотъ фактъ,—отрицать который значило бы отрицать все и сдѣлать безплодными всѣ наши разсужденія,—здѣсь, „*въ жизни*, въ физическихъ и нравственныхъ формахъ ея—вотъ гдѣ мы должны искать принципа поведенія...

„Намъ кажется, что мы нашли *этотъ принципъ въ жизни, возможно болѣе интенсивной (напряженной) и экстенсивной (разнообразной) какъ физической, такъ и нравственной.* Жизнь, сознавая себя, свою интенсивность и экстенсивность, не стремится къ саморазрушенію: она лишь увеличиваетъ свою собственную силу...“ — потому что въ концѣ концовъ только щедрая, полная жизнь, жизнь не разгула, конечно, а разнообразія впечатлѣній, такая, при которой *весь* человѣкъ пользуется всѣми своими способностями, особенностями и свойствами,—уже и теперь является идеаломъ огромнаго большинства и ужъ, конечно, тѣхъ пригнетенныхъ и придавленныхъ, которые вѣчно заняты скучной и однообразной работой, едва оплачивающей ихъ насущныя потребности. Ничего сегодня, кромѣ того, что было вчера, ничего завтра, кромѣ того, что такъ долго, такъ утомительно происходитъ сегодня. А человѣческое тѣло хочетъ движенія и разнообразія этого движенія, человѣческая мысль ищетъ своей работы, человѣческому чувству нужна

*) Пользуюсь превосходнымъ русскимъ переводомъ книги Гюйо „Очеркъ морали“, помѣщеннымъ въ собраніи его сочиненій, т. III. 1898 г., стр. 370—399.

Digitized by Google

семья, общество, любовь и дружба, улыбка ребенка, чужой веселый смѣхъ, поцѣлуй довольной и счастливой любимой женщины. Нѣтъ этого—и вянетъ жизнь, и уходятъ годы, скрываясь въ таинственную бездну времени, нѣтъ этого—и ничего нѣтъ...

Да, жизнь должна быть полной и *щедрой* жизнью...

„Мы называемъ нравственной плодовитостью и щедростью ту черту жизни, которая даетъ намъ возможность достигнуть въ извѣстной мѣрѣ объединенія эгоизма и альтруизма, объединенія, составляющаго философскій камень моралистовъ. Нужно, чтобы индивидуальная жизнь расширялась для другихъ и въ другихъ, чтобы въ случаѣ нужды она отдавала себя; и это расширеніе жизни не противно ея природѣ; напротивъ, оно согласно съ ней; болѣе того, оно — условіе истинной жизни. Утилитарная школа вынуждена была остановиться въ нерѣшительности передъ вѣчной антитезой между „я“ и „ты“, между „моимъ“ и „твоимъ“, между личнымъ интересомъ и нашимъ общимъ интересомъ; но живая природа не останавливается передъ этимъ рѣзкимъ и логически неумолимымъ раздѣленіемъ: индивидуальная жизнь расширяется на пользу другихъ потому, что она плодовита, а плодовита она потому, что она — жизнь. Мы видѣли, что индивидъ имѣетъ физическую потребность родить другого индивида, такъ что этотъ другой становится какъ бы условіемъ нашего собственнаго существованія. *Жизнь, какъ и огонь, можетъ сохранить себя, лишь передаваясь другимъ.* И это вѣрно не только для тѣла, но и для мысли; послѣднюю также трудно замкнуть въ себѣ, какъ и пламя: она создана на то, чтобы испускать лучи. Ту же потребность простора мы наблюдаемъ въ чувствительности: мы должны дѣлиться радостью и горемъ. Все су-

Digitized by Google

щество наше отличается своей общительностью: жизнь не знаетъ абсолютныхъ классификацій и дѣленій логиковъ и метафизиковъ: она не можетъ быть совершенно эгоистической даже въ томъ случаѣ, если бы она этого захотѣла. Со всѣхъ сторонъ мы открыты для окружающаго міра, то захватывая его, то будучи захвачены имъ. Это зависитъ отъ основного біологическаго закона, согласно которому жизнь есть не только питаніе, но также твореніе и плодовитость. Жить—значитъ не только пріобрѣтать, но и тратить.

„Живое существо—не просто счетчикъ Бентама, не финансистъ, подводящій въ своемъ гроссбухѣ балансъ барышамъ и убыткамъ: *жить не значитъ считать, жить значитъ дѣйствовать*...

„Въ живомъ существѣ происходитъ накопленіе силы, запасъ дѣятельности, которая растрачивается не потому даже, что трата доставляетъ удовольствіе, а потому, что запасъ долженъ растратиться: причина не можетъ не произвести своихъ слѣдствій, даже независимо отъ соображеній о цѣли“.

Что сказать *о долгѣ*? Начать съ того, что смѣшно даже разсуждать о долгѣ съ тѣмъ, кто не въ состояніи исполнить его. Это то же самое, что приказать слѣпому идти по незнакомой мѣстности: онъ не можетъ. Долгъ предполагаетъ силу, запасъ силы; больше того—„долгъ есть лишь отдаленное выраженіе силы, которая безудержно стремится перейти въ дѣйствіе и движеніе, какъ паръ, заключенный въ цилиндръ машины“. Но въ то же время это не просто запасъ силы и трата его, а трата въ извѣстномъ направленіи, родъ извѣстной *цѣли*, осуществленіе извѣстнаго *будущаго*, которое уже предполагается въ поступкахъ настоящаго. Если эта цѣль и это будущее представляются человѣку настолько

Digitized by Google

важными и завлекательными, что осуществленіе ихъ сулитъ ему состояніе удовлетворенности, чуднаго чувства отдыха послѣ удачной борьбы и счастливой побѣды,—то, разумѣется, они (цѣль и будущее) — его идеалъ, и этотъ идеалъ дѣйствуетъ на всю его жизнь возбуждающимъ образомъ, доводя своимъ далекимъ сіяніемъ его силы до высшаго напряженія, объединяя его силы въ стремленіи служить чему-нибудь одному, а не разбрасываться по сторонамъ и не быть просто телефономъ или фонографомъ жизни, которымъ безразлично, что воспринимать,—вызываетъ въ немъ чувство долга. Итакъ, прежде чѣмъ сказать „я долженъ", человѣкъ говоритъ обыкновенно „я могу" или по крайней мѣрѣ подразумѣваетъ это „могу", такъ какъ безъ него и „я долженъ" обращается въ звукъ пустой или кипѣніе пустого самовара.

„...Вмѣсто того, чтобы сказать „*я долженъ*, слѣдовательно *я могу*", правильнѣе было бы сказать „я могу, слѣдовательно *я долженъ*". Отсюда вытекаетъ существованіе нѣкотораго безличнаго долга, созданнаго самой способностью къ дѣйствію, самой способностью нашей смотрѣть въ будущее, видѣть въ немъ то, что насъ привлекаетъ, стремиться къ первому, отвращаться отъ второго".

Можно сдѣлать еще шагъ впередъ и указать, къ какому кругу явленій все больше примѣшивается чувство долга, — это кругъ явленій общественности, „соціальности.

„Все возрастающее сліяніе сферъ чувствительности и все болѣе общежительный характеръ возвышенныхъ удовольствій создаютъ нѣкоторый долгъ или высшую необходимость, которая естественно и раціонально влечетъ насъ къ ближнимъ. Въ силу эволюціи наши удо-

Digitized by Google

вольствія расширяются и становятся все болѣе и болѣе безразличными; мы не можемъ наслаждаться, замыкаясь въ рамки своего „я“; наша среда, къ которой мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приспособляемся, есть человѣческое общество, и мы не можемъ болѣе быть счастливы внѣ этой среды, какъ не можемъ дышать внѣ воздуха. Чисто эгоистическое счастье нѣкоторыхъ эпикурейцевъ есть химера, абстракція, невозможность, всѣ истинныя удовольствія людей болѣе или менѣе соціальны. Чистый эгоизмъ, какъ мы уже сказали, есть не утвержденіе нашего „я“, а искаженіе его.

„Такимъ образомъ, и наша активность, и нашъ умъ, и наша чувствительность испытываютъ нѣкоторое давленіе въ сторону альтруизма; имъ свойственна расширительная сила, столь же могучая, какъ и сила, дѣйствующая между небесными свѣтилами: и эта расширительная сила, сознавъ свою мощь, даетъ себѣ имя долга.

„Жизнь — вотъ та сокровищница естественной самопроизвольности, которая создаетъ въ то же время нравственное богатство. Но мы видѣли, что размышленіе можетъ оказаться въ антитезѣ съ естественной самопроизвольностью, что оно можетъ стремиться ограничить долгъ общежительности въ томъ случаѣ, когда расширительная сила, влекущая насъ къ ближнимъ, противостоитъ силѣ, съ которой индивидъ тяготѣетъ къ самому себѣ. Какъ бы ни уменьшилась вслѣдствіе прогрессивной эволюціи борьба за жизнь, она снова будетъ появляться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя и теперь еще нерѣдко встрѣчаются. Какимъ путемъ можно будетъ, не опираясь на императивный законъ, склонить человѣка къ полному безкорыстію, а иногда и къ жертвѣ собой?

Digitized by Google

„Сверхъ побудительныхъ причинъ, раньше разсмотрѣнныхъ и постоянно дѣйствующихъ при нормальныхъ условіяхъ, мы нашли еще и другія движущія начала, которыя мы назвали любовью къ физическому риску и любовью къ нравственному риску. Человѣкъ склоненъ къ умозрѣнію не только въ теоріи, но и на практикѣ. Ни мысль его, ни дѣйствіе не прекращаются тамъ, гдѣ прекращается область достовѣрности. На мѣсто категорическаго закона можетъ стать чистая умозрительная гипотеза, на мѣсто догматической вѣры становится чистая гипотеза, на мѣсто утвержденія — дѣйствіе. Умозрительная гипотеза — это рискъ мысли; дѣйствіе, согласное съ мыслью, — рискъ мысли; высшее существо — то, которое наиболѣе предпринимаетъ и рискуетъ въ своей мысли или въ своихъ дѣйствіяхъ. Превосходство это обусловливается тѣмъ, что существо имѣетъ болѣе богатый источникъ внутренней силы, что оно имѣетъ больше мощи; потому именно оно имѣетъ и высшій долгъ.

„*Даже жертва жизни* можетъ еще въ извѣстныхъ случаяхъ быть расширеніемъ жизни, которая стала столь интенсивной, что предпочитаетъ мгновенный порывъ возвышенной экзальтаціи долгимъ годамъ безцвѣтнаго существованія. Бываютъ, мы знаемъ, такіе часы въ жизни, когда можно сказать сразу: „я живу, я жилъ“. Есть агоніи физическія и нравственныя, которыя длятся годы; иногда существо умираетъ, такъ сказать, въ продолженіе всего своего существованія; но и обратное справедливо, — можно сконцентрировать жизнь въ одномъ мгновеніи любви и жертвы.

„Наконецъ, подобно тому, какъ жизнь изъ своей способности къ дѣйствію создаетъ долгъ дѣйствія, точно такъ же она свою санкцію создаетъ изъ самого

Digitized by Google

дѣйствія, ибо, проявляя себя, она наслаждается; если она проявляетъ себя меньше, она наслаждается меньше, если она проявляетъ себя больше, она наслаждается больше. Даже отдавая себя, жизнь снова себя обрѣтаетъ, даже умирая, она сознаетъ свою полноту, готовую, никогда не разрушаясь, снова явить себя подъ другими формами, такъ какъ въ мірѣ ничто не теряется.

„Нужно сказать себѣ, что человѣчество находится въ движеніи, и нужно самому также двигаться. Трудъ, говорятъ, стоитъ молитвы; онъ стоитъ лучшаго, чѣмъ молитва, или, скорѣе, онъ и есть истинная молитва, истинное провидѣніе человѣческое: будемъ же дѣйствовать...

„Будемъ надѣяться только на самихъ себя и на другихъ людей, будемъ разсчитывать на себя. Надежда, какъ и провидѣніе, видитъ иногда передъ собой. Разница между сверхъестественнымъ провидѣніемъ и естественной надеждой та, что первое имѣетъ притязаніе измѣнить непосредственно природу средствами столь же сверхъестественными, какъ и оно само, а вторая измѣняетъ сначала насъ самихъ; это — сила, не возвышающаяся надъ нами, а оттого она, заложенная въ глубинѣ нашего существа, и влечетъ насъ впередъ. Вопросъ въ томъ, идемъ ли мы одни, слѣдуетъ ли за нами міръ, увлечетъ ли когда-нибудь мысль за собой природу, — но все-таки будемъ идти впередъ. Мы будто на Левіаѳанѣ, у котораго волною сорвало руль и порывомъ вѣтра разбита мачта. Онъ затерялся въ океанѣ, подобно тому, какъ наша земля блуждаетъ въ пространствѣ. Такъ онъ шелъ по волѣ случая, гонимый бурей, какъ оторванный челнокъ, уносящій людей; и все же онъ прибылъ. Быть можетъ, земля наша, быть

Digitized by Google

можетъ, человѣчество тоже придутъ къ невѣдомой цѣли, которую они создадутъ сами себѣ. Никакая рука не ведетъ насъ; никакой глазъ не бодрствуетъ за насъ; руль уже сломанъ давно или, вѣрнѣе, его никогда и не было, его нужно сдѣлать: это — великая задача, и это — *наша* задача...“

— Но не моя, — могъ бы смѣло сказать Ѳома Гордѣевъ, несмотря на блестящія и полныя мысли фразы Гюйо. Конечно, кое-что въ нихъ бы ему понравилось,— ему, который, несмотря на всю свою внутреннюю дряблость, съ какой-то чисто босяцкой дерзостью схватился за глубочайшіе „корневые“ вопросы жизни. Но не все, потому что эти блестящія, полныя мысли и гуманнаго настроенія, фразы Гюйо оставили бы его главные вопросы безъ отвѣта или онъ увидѣлъ бы въ нихъ тотъ же отвѣтъ, который онъ самъ даетъ въ безобразно ругательской, скверной формѣ и который измучилъ его, какъ только появился въ душѣ. Отвѣтъ этотъ: „не знаю“ и „быть можетъ“.

Гюйо *), какъ человѣкъ точной науки, весь проникнутъ той отвѣтственностью, которую онъ принимаетъ на себя за свои выводы. Эта отвѣтственность настолько велика, что формулировка выводовъ слишкомъ даже осторожна—до такой степени, что внушаетъ очень простую мысль: „нужна ли она вообще?“.

На самомъ дѣлѣ Гюйо и не думаетъ выдавать то, что онъ называетъ долгомъ, за долгъ, какъ понимаетъ его большинство людей. Онъ превосходно видитъ, что

---

*) Конечно, я не критику ученія Гюйо пишу, а только привожу возраженія, которыя могли бы придти въ голову Ѳомѣ, утвердившемуся на свой „абсолютной“ и мистической позиціи.

Digitized by Google

это, въ сущности говоря, — суррогатъ, который, какъ всякій суррогатъ, хорошъ лишь за неимѣніемъ лучшаго, но самъ по себѣ не есть лучшее. По обычному представленію — долгъ есть идея, которая заставляетъ людей дѣйствовать. Эта идея внѣ человѣка, и въ этомъ ея сила. По Гюйо не долгъ заставляетъ людей дѣйствовать, а запасъ силы, находящейся въ нихъ самихъ и стремящейся растратить себя, „какъ паръ, находящійся въ цилиндрѣ машины. Если этотъ паръ не работаетъ, онъ давитъ на стѣнки сосуда, и если этого пара слишкомъ много, онъ разрываетъ эти стѣнки въ дребезги". Слѣдовательно, самъ человѣкъ создаетъ себѣ *долгъ* и *его идею*, а разъ онъ самъ создаетъ ихъ—каково же его высшее оправданіе?

О „высшемъ оправданіи" у Гюйо—ни слова, и взволнованную этимъ умолчаніемъ мысль онъ успокаиваетъ лишь своимъ „не знаю" и „быть можетъ". Да, онъ прямо употребляетъ эти слова, когда разсуждаетъ на тему о томъ, что если усилія человѣчества увѣнчаются въ концѣ концовъ успѣхомъ, т. е. господствомъ „интенсивной и экстенсивной" жизни здѣсь на землѣ, то этотъ успѣхъ и будетъ служить „высшимъ оправданіемъ".

Какой на самомъ дѣлѣ могутъ имѣть эти вотъ его слова:

„...Вопросъ въ томъ *(лучше перевести: это еще большой вопросъ. C'est encore à questionner— по франц.)*, идемъ ли мы одни, слѣдуемъ ли мы одни, слѣдуетъ ли за нами міръ, увлечетъ ли когда-нибудь мысль за собою природу, или не увлечетъ..."

Это, дѣйствительно, большой вопросъ. И можно спросить себя: „а если мы, дѣйствительно, одни, если міръ (космосъ) за нами не слѣдуетъ, если мысль ни-

Digitized by Google

когда не увлечетъ за собой природу? Что тогда?..“ — Тогда, очевидно, никакого высшаго оправданія дѣятельность людей не имѣетъ и, по мнѣнію самого Гюйо, имѣть не можетъ.

Еще яснѣе такія строки: *Быть можетъ*, земля наша, *быть можетъ*, человѣчество тоже придутъ къ невѣдомой цѣли, которую они создаютъ сами себѣ...“ Быть можетъ! Конечно. Но вѣдь можетъ и не быть?.. И опять остается ренановская формула: ainsi les peuples s‘extennent pour un rien et se dêvorent au profit du feu, т. е. такая въ которой нѣтъ ровно ничего ни утѣшительнаго, ни умилительнаго. Можно лишь скорбѣть о бѣдномъ человѣчествѣ, изнашивающемъ себя во имя „ничего“, и о несчастныхъ народахъ, истребляющихъ другъ друга на пищу міровому пожару.

Странно звучитъ ссылка на Левіафана *) который безъ руля и безъ вѣтрилъ пришелъ, куда надо.

Левіафанъ могъ не придти.

Мнѣ кажется, что даже упрощенная мораль Гюйо не подходитъ къ Ѳомѣ. Если я все же противопоставилъ пониманіе Гюйо и героя Горькаго, то лишь потому, что все же пониманіе французскаго философа, его morale sans sanction et sans obligation ближе всего къ вольническому духу Ѳомы. Все исходитъ отъ человѣка и только отъ него самого, все сходится въ человѣкѣ и только въ немъ самомъ.

---

*) „Мы будто на Левіафанѣ, у котораго волною сорвало руль и порывомъ вѣтра разбита мачта. Онъ затерялся въ океанѣ подобно тому, какъ наша земля блуждаетъ въ пространствѣ. Такъ шелъ онъ, по волѣ случая, гонимый бурей, какъ оторванный челнокъ, уносящій людей, и все же онъ прибылъ“.

Digitized by Google

Но для морали Гюйо нуженъ запасъ внутренней силы, нужна мощь. Этотъ запасъ внутренней силы ищетъ борьбы, работы, траты самого себя во имя имъ же созданной цѣли. Разъ этого запаса, рвущагося наружу, нѣтъ,—нѣтъ и идеи долга, нѣтъ и нравственности вообще.

Ѳома говоритъ: „дайте мнѣ идею долга, дайте мнѣ цѣль моей работы, и у меня появятся силы, потому что: *я долженъ, слѣдовательно я могу*". Гюйо говоритъ: „разъ у человѣка есть силы, — у него непремѣнно будутъ и идея долга и цѣль работы, потому что: *я могу, слѣдовательно я долженъ*".

Очевидно, они не могутъ столковаться, какъ не могутъ столковаться культура, доходящая до страшно дерзкаго, но удивительно прекраснаго представленія о томъ, что въ концѣ концовъ ея мысль, вооруженная знаніемъ и опытомъ тысячелѣтій, увлечетъ за собой природу, заставитъ ее послушно слѣдовать своимъ велѣніямъ, станетъ заправлять хороводомъ свѣтилъ и силой тяготѣнія съ такою же легкостью, съ какой заправляетъ она теперь силой пара, — и дикость, самая примитивная дикость, рвущаяся лишь на свободу, въ лѣсъ, отъ душной обстановки сословной, мѣщанской нравственности.

Когда передъ человѣкомъ не на словахъ только, а въ страстныхъ мечтахъ и грезахъ, внушенныхъ вѣрою въ науку, въ мощь человѣческаго разума, и европейской—для насъ, русскихъ людей, непостижимой гордостью своимъ значеніемъ, своимъ историческимъ прошлымъ—стоитъ такая задача, какъ заставить всю природу слѣдовать за собою и своею мыслью и освободиться отъ оковъ земли, гдѣ ему тѣсно и скучно, онъ правъ, говоря: „все-таки будемъ идти впередъ... все

Digitized by Google

же Левіафанъ прибылъ... быть можетъ, и человѣчество придетъ къ невѣдомой цѣли, которое оно создаетъ себѣ... Когда же передъ человѣкомъ, который и самоувѣренъ-то лишь потому, что онъ ничего не знаетъ, ничего знать не хочетъ и убѣжденъ, что знать ровно ничего нельзя"—ровно никакой задачи не стоитъ, ровно ничего ему не грезится, и только безпокойная мистическая мысль безсильно ворочается подъ грузомъ придавившей его земли и *земного*—онъ одинаково правъ, говоря: „наплевать мнѣ на все, и ну васъ къ..."

Но, повторяю, любопытно отмѣтить, что человѣкъ высшей культуры и приволжскій дикарь оба одинаково страстно заинтересованы исходнымъ своимъ вопросомъ: „зачѣмъ и къ чему все это?" и оба сходятся въ конечной своей точкѣ: „не знаю"... Но первымъ двигаетъ инстинктъ вѣковой разумной работы, и онъ говоритъ: „будемъ трудиться", вторымъ ничего не двигаетъ, и онъ сквернословитъ.

Ѳома (чтобы покончить съ Ѳомой)—продуктъ вырожденія. Нечего удивляться, что вырожденіе началось такъ рано: всего-на-всего во второмъ поколѣніи. Въ мѣщанствѣ это не рѣдкость, и отецъ Ѳомы, конечно, протранжирилъ силы своего потомства. Но общественное (т. е. единственно интересное для насъ) значеніе его болѣзни заключается въ томъ, что она осложнена его единочествомъ и ужасомъ передъ жизнью. Это одиночество—страшное, и этотъ ужасъ—замораживающій кровь. Это одиночество ведетъ къ полному безсилію, къ унизительному сознанію своего ничтожества; этотъ ужасъ не даетъ ни минуты покоя. Одинъ, вѣчно одинъ, съ-глазу-на-глазъ съ загадкой жизни, съ безцѣльной

Digitized by Google

ложью людей, ихъ жестокостью и подлостью; одинъ со своими вопросами, жаждой любви и дружбы; одинъ со своею бранью и проклятіями; одинъ, придавленный къ землѣ какой-то тяжелой, властной рукой, лишь изрѣдка приподнимающійся, чтобы увидѣть надъ собой все тѣ же неясные, но грозные призраки, которые какъ будто требуютъ отвѣта за зло и неправду жизни и поднимаютъ въ душѣ дикую жажду разрушенія—разрушенія для него самого, безъ мысли, безъ цѣли, со звѣринымъ гнѣвомъ въ налитыхъ кровью глазахъ... Обида на сердцѣ, обида глубокая—вотъ единственное, что ясно понимаетъ Ѳома. Но кто же обидѣлъ? Кто внушилъ это позорное чувство безсилія? Кто отнялъ отъ человѣка по всѣмъ правамъ принадлежащую ему долю радостей?.. Сама жизнь, потому что ни Маякинъ, ни маякинское сословіе тутъ не при. чемъ, потому что та обида, которую могли нанести они,—лишь крошечная, незамѣтная царапинка передъ этой глубокой гноящейся раной. И тутъ пьяный Ѳома по своей обстановкѣ, по самой сущности своей болѣзни опять вырастаетъ до героя современности, потому что никакого злого умысла въ его несчастіяхъ и страданіяхъ и указать нельзя. Онъ—жертва чего-то внѣчеловѣческаго, стихійнаго... Стихійнаго—и въ этомъ все, весь приговоръ, но приговоръ къ смертной казни.

Все дѣлаетъ Ѳому одинокимъ—и его тяжкодуміе („тяжелый человѣкъ!"—говоритъ про него Тарасъ), и его отказъ отъ сословнаго духа, вмѣстѣ съ полной и даже зловѣщей невозможностью пристать къ другому берегу, т. е. къ тѣмъ людямъ, которые горбомъ выворачиваютъ грошъ изъ земли, и самая мистичность его вырождающейся натуры, вызывающая этотъ неопредѣленный ужасъ передъ жизнью. „И обуреваемые стра-

Digitized by Google

хомъ люди,—мужчины и женщины,—бѣжали въ скиты". Но даже и въ скиты безсильный Ѳома бѣжать не можетъ,—его только посылаютъ туда.

На низшей ступени книжной образованности, человѣкъ каменнаго вѣка—Ѳома—задавленъ тѣми вопросами, которые подъ знаменемъ „не знаю" и „быть можетъ" безпокоятъ и лучшихъ представителей современной отвлеченной науки. И въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго, потому что вопросъ о сущности вещей всегда одинаково свѣжъ и новъ въ любой стадіи человѣческаго развитія. Онъ не рѣшится никогда, но его можно устранить, и люди, лучшіе люди, устраняютъ его. Но тутъ до конца правъ Гюйо, когда говоритъ, что для этого нуженъ запасъ внутренней силы, нужно, чтобъ эта внутренняя сила мощно звала человѣка къ широкой, полной и щедрой жизни, вызывала въ немъ жажду творчества такую необоримую, чтобы онъ былъ готовъ, ради осуществленія задуманнаго, предпочесть единый моментъ вдохновенной экзальтаціи долгимъ годамъ безцвѣтнаго существованія. А когда нѣтъ силъ для героизма—выходъ или въ мѣщанское самодовольство, или въ босячество. У Ѳомы силъ не было.

Подвожу итоги.

Примыкая къ отрицательному движенію противъ культуры, Горькій, однако, не повторяетъ Толстого или толстовцевъ, а сохраняетъ свою точку зрѣнія. Нисколько не думая даже объединять его духовный міръ съ духовнымъ міромъ босяковъ, я скажу, однако, что нѣкоторыя ихъ воззрѣнія по части прелестей нашего культурнаго существованія раздѣляются имъ. Прежде всего надо отмѣтить, какъ презрительно относится онъ къ

Digitized by Google

интеллигенціи. Въ этомъ презрѣніи есть даже и частичка ненависти. Оставлю пока магистранта изъ „Вареньки Олесовой“, Тараса изъ „Ѳомы Гордѣева“, интеллигентнаго босяка-проходимца изъ разсказа того же имени и остановлюсь на одной страничкѣ его произведеній, гдѣ интеллигентная душа выворачивается, такъ сказать, наизнанку. Въ очеркѣ „Еще о чортѣ“ мы знакомимся съ нѣкіимъ Иваномъ Ивановичемъ, человѣкомъ интеллигентнымъ, чьей профессіей было стремленіе къ достиженію духовнаго совершенства, которое онъ и внѣдрялъ въ себя ежесуточно путемъ продолжительныхъ бесѣдъ со знакомыми и чтенія душеполезныхъ книгъ.

„Сегодня Ивану Ивановичу тяжело. Что-то его безпокоитъ, что-то тревожитъ. Онъ недавно еще „унизилъ женщину“, и какъ ни пріятно было это обстоятельство, „все-таки она жена другого... Чужая жена... Какъ это низко съ моей стороны!“

„... Хотя,—продолжалъ раздумывать Иванъ Ивановичъ,—впрочемъ, она не совсѣмъ чужая мнѣ... она жена Егора, а Егоръ—мой старый товарищъ, мой задушевный другъ... да-а!.. Быть можетъ, это обстоятельство нѣсколько... сглаживаетъ мою вину, но все-таки, все-таки!.. Хорошо еще, что я всегда сознаю свои пороки: это поднимаетъ меня въ своихъ глазахъ... это очень утѣшительно... Но-о, чортъ! если бъ я могъ вырвать страсти изъ своего сердца!“

Чортъ немедленно предлагаетъ ему услуги по этой части и выдергиваетъ изъ сердца Ивана Ивановича сначало честолюбіе, потомъ злобу, трусость, гнѣвъ и нервозность...

При видѣ всей этой студенообразной мѣшанины даже чортъ пришелъ въ смущеніе.

Digitized by Google

„Н...ну, Иванъ Ивановичъ, — смущенно говорилъ онъ, не глядя на своего паціента,—извлекъ я изъ васъ что-то... но что? Н...не знаю... Эдакія сокровища скопили вы въ сердцѣ своемъ за тридцать-то лѣтъ жизни! Тутъ, я думаю, ни одинъ химикъ ничего не разберетъ... Но, полагаю, что теперь, освободившись отъ всей этой штуки, вы будете чисты, какъ ангелъ... Экій я ловкій ассенизаторъ, а? И не подозрѣвалъ въ себѣ такого искусства... Ну, что же теперь? Поздравляю васъ, Иванъ Ивановичъ, съ очищеніемъ души... съ достиженіемъ совершенства или—какъ тамъ? Надѣюсь,—теперь вы уже совершенно совершенны?“

Но, увы, Иванъ Ивановичъ не могъ уже отвѣчать ни на одинъ вопросъ. Какъ только у него извлекли изъ сердца всякую мерзость, въ его распоряженіи остались одни междометія: „а!.. о!.. у!.. и!..“ и уже ничего человѣкообразнаго. Чортъ въ концѣ концовъ сушитъ душу „совершеннаго“ интеллигента и, набивши ее горохомъ, дѣлаетъ изъ нея погремушку для развлеченія сатаны.

Всякій согласится со мною, что сказано все это, хотя и нѣсколько вычурно, но все же такъ опредѣленно, что никакихъ сомнѣній насчетъ содержанія интеллигентнаго духа не остается: одна студенообразная мѣшанина изъ злобы, трусости, гнѣва, честолюбія, нервозности—и только. И даже эти-то чувства не имѣютъ въ себѣ никакой силы; она настолько ничтожна, что чортъ имѣлъ полное основаніе отказаться отъ души Ивана Ивановича, говоря, что „куда ее мнѣ“, и утверждая, что черти дѣйствительно такъ поступали, но было это въ тѣ времена, „когда существовали здоровыя, крупныя души“.

Мнѣ кажется, что тутъ все дѣло не столько въ ин-

Digitized by Google

теллигентности Ивана Ивановича и не въ томъ, что онъ разговариваетъ со знакомыми и читаетъ душеспасительныя книги, а въ обстоятельствѣ, въ большей или меньшей степени, и разговорамъ, и чтенію постороннемъ, а въ томъ, что этотъ свой „процессъ самосовершенствованія“ Иванъ Ивановичъ производитъ въ комфортабельнѣйшей обстановкѣ своего кабинета и въ сущности только чешетъ у себя пятки. Послѣ всѣхъ этихъ подведеній итоговъ, разсчетовъ съ совѣстью за пріятное униженіе женщины отъ него,—этого вѣчно самолюбующагося Ивана Ивановича можно ожидать того же, что и отъ родного его отца или дяди Чичикова, который послѣ удачной покупки „сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ: подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ,—наконецъ, слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: „ахъ, ты, мордашка этакій...“ И вы ясно видите, что всѣ свои „процессы самоусовершенствованія“ Иванъ Ивановичъ готовъ закончить „этакимъ мордашкой“ и прихлопнуть себя ногой по ляшкѣ, какъ тотъ же незабвеннѣйшій Павелъ Ивановичъ. Совѣсть Павла Ивановича—такъ себѣ, особаго рода флейта, на которой онъ, человѣкъ эстетически развитой, разыгрываетъ разные мотивы, то бодрые и ликующіе, то меланхолическіе. Сидитъ себѣ человѣкъ въ туфляхъ и халатѣ и посвистываетъ: человѣкъ, очевидно, дрянь нестоющая.

То же надо сказать о стоеросовомъ магистрантѣ изъ „Вареньки Олесовой“, о хищномъ Тарасѣ Маякинѣ. Оба они заплыли самодовольствомъ. А тамъ, гдѣ начинается самодовольство и самоудовлетворенность, кончается интеллигентность въ истинномъ значеніи этого слова, потому что интеллигентность есть критика и еще разъ критика, прежде всего.

Digitized by Google

Я сдѣлалъ это замѣчаніе вотъ почему,—потому, что мы люди чувствительные, съ одной стороны, люди, слишкомъ прислушивающіеся къ словамъ,—съ другой. Какъ люди чувствительные, мы дрожимъ за интеллигенцію и интеллигентность, не любимъ, чтобы ихъ обижали, и, конечно, въ этомъ мы сто разъ правы. О чемъ же и вспомнить русскому человѣку, на чьемъ же образѣ и отдохнуть ему душой, какъ не на образѣ русской интеллигенціи? Однако,—ахъ, какъ это стыдно!—наша интеллигенція не только не безукоризненна, но, если вѣрить всей нашей литературѣ и всей нашей жизни, нуждается въ значительныхъ поправкахъ. Особенно за послѣднее время, когда она подпала вліянію всемогущаго мѣщанскаго духа въ смыслѣ карьеризма, самодовольства и самоудовлетворенности,—цѣна ей въ 99 случаяхъ изъ ста—грошъ ломаный. Это обидно и страшно. Обидно потому, что интеллигентность въ лучшемъ случаѣ ограничивается студенческой скамьей, послѣ чего она считается не только не обязательной и не нужной, но прямо обременительной; страшно потому, что, дискредитируя себя въ глазахъ общества, становясь съ быстротой прямо поразительной безукоризненными чиновниками и кругленькими буржуями,—интеллигенція тѣмъ самымъ дискредитируетъ науку, знаніе,—словомъ, такія вещи, дискредитировать которыя никогда и ни съ какой точки зрѣнія не слѣдуетъ.

Конечно, Горькій по адресу интеллигенціи наговорилъ много „непріятностей“ и дерзостей, но, повторяю, это дерзости превосходнѣйшія и большое за нихъ спасибо молодому писателю, потому что на самомъ дѣлѣ мы обмѣщаниваемся, и странно, что люди науки, спеціально себя ей посвятившіе, одни изъ первыхъ подпадаютъ вліянію этого всемогущаго духа времени и

Digitized by Google

становятся опять-таки въ лучшемъ случаѣ благовоспитанными гурманами. Да, это странно, потому что наука насквозь пропитана духомъ неудовлетворенности и постиженія, т. е. духомъ интеллигентности, что, казалось бы, въ самомъ корнѣ должна была уничтожать всѣ ростки самодовольства въ ея жрецахъ и служителяхъ.

Я спрашиваю себя: фактъ ли это и огромной ли это важности фактъ, что является писатель, одаренный большой чуткостью по части всѣхъ современныхъ вѣяній и обладающій въ то же время первоклассным художественнымъ дарованіемъ, и смѣло возстаетъ противъ мѣщанской проказы, мѣщанской приниженности духа, мѣщанскаго самодовольства и говоритъ: не въ томъ счастье. Отвѣчаю: „да, этотъ фактъ заслуживаетъ всесторонняго и любовнаго разсмотрѣнія“, потому что сущность лирическихъ поэмъ и изліяній Горькаго въ томъ, по моему убѣжденію, и заключается, что въ нихъ гордый и мятежный духъ человѣка не хочетъ примириться съ потерей своего достоинства ради чечевичной похлебки и всѣхъ соблазновъ мѣщанской культуры и, какъ проклятый (le damné) Бодлэра, говоритъ свое „je ne veux pas“ передъ дверьми мѣщанскаго рая, куда (о иронія!) его всяческими способами стараются водворить, какъ въ какую-нибудь черту осѣдлости. Напрасно говорятъ ему: „тамъ тебѣ будетъ тепло, хорошо и уютно, тамъ найдешь ты покой и довольство, сытный столъ, пожалуй, даже вегетаріанскій, если у тебя разстроена печень или не совсѣмъ спокойна совѣсть, физическую работу за верстакомъ или сапожной табуреткой, чтобы укрѣпить твои дряблые мускулы и приблизить къ первоисточнику жизни, т.-е. труду народа, массъ; тамъ найдешь ты любящую супругу, всегда ласковую, всегда

Digitized by Google

беременную и ухаживающую за тобой и дѣтьми, какъ преданная нянька, моющую тебя, одѣвающую и причесывающую,—такую, что если ты сядешь за столъ съ цѣлью изложить свои глубокіе взгляды на коловращеніе судебъ человѣческихъ, выбранить 5.000 лѣтъ исторіи, подивиться глупости людей и собственной разумности, доказать ничтожество науки или величіе процесса самоусовершенствованія,—тамъ найдешь ты почетъ и уваженіе ближнихъ", — проклятый отвѣчаетъ своимъ „не хочу".

Это „не хочу" у Горькаго воплотилось въ конкретномъ, яркомъ, полномъ трепета крови и мощи образѣ босяка. И я думаю, что этотъ босякъ — греза, мечта, образъ чисто лирическій, созданный тоской и обидой, накапливающимися въ душѣ подъ вліяніемъ современности, созданный злобой на ложь, пошлость и лицемѣріемъ, сѣрымъ, промозглымъ туманомъ окутывающимъ наши думы и все наше бытіе. Въ полную, этнографическую реальность этого босяка я не вѣрю, какъ не вѣрю въ реальность романтическихъ типовъ вообще и „человѣка, который смѣется", и „Жана Вольфгана", и Квазимодо. Но дѣло тутъ не въ реализмѣ, а въ богатомъ идейномъ содержаніи образа, его манометрическомъ указаніи той огромной силы давленія, которая выноситъ духъ современнаго человѣка отъ тяжести мѣщанской культуры. И это давленіе дѣлаетъ духъ человѣка приниженнымъ, трусливымъ и, просто говоря, гаденькимъ или узколобымъ, прямолинейнымъ хищникомъ.

Босякъ—не выходъ, не идеалъ и, въ сущности говоря, ровно ничего привлекательнаго въ немъ нѣтъ. И если Горькій такъ приподнимаетъ его, то лишь потому, что видитъ въ немъ мятежный и непримиримый духъ

Digitized by Google

человѣка. Его-то онъ въ сущности описываетъ, его любитъ, имъ восторгается. И на это, конечно, онъ имѣетъ полное право, потому что реальный босякъ, строго говоря, пропойца, а мятежный духъ, сидящій хотя бы и въ пропойцѣ, не то, совсѣмъ не то...

И здѣсь, въ этомъ „не то“, въ наше мѣщанское или „обмѣщанивающееся“ время все безуміе и все очарованіе романтизма вступаетъ въ свои права. Смотря на этихъ людей, отрѣшившихся отъ страха жизни, развязавшихся съ самымъ неотвязнымъ,—съ привычкой,—вы забываете объ ихъ жестокости, себялюбіи, этой жаждѣ жизни, не останавливающейся передъ страданіями другого, объ этомъ полномъ отсутствіи общественности...—вы просто довольны тѣмъ, что на васъ пахнула струя свѣжаго воздуха и вы увидѣли призракъ свободнаго собрата... Это ничего, что передъ вами всюду ободранные и въ лохмотьяхъ, это ничего, что у нихъ ни кола, ни двора, что они знать не хотятъ ничего прошлаго въ жизни, не оберегаютъ его, считаютъ его даже какой-то помѣхой для себя. Они привлекательны прежде всего своей жизненной неустрашимостью и это въ наши дни, когда на лбу у всѣхъ написано: „если хочешь жизнью жуировать—смотри въ оба“, когда страхъ, мучительный и пригнетающій, страхъ потери всего, рано или поздно неизбѣжной, преслѣдуетъ каждаго изъ насъ отъ колыбели до могилы. У этихъ отверженныхъ нѣтъ мѣста для страха іудейска въ душѣ, нѣтъ унижающей заботы о будущемъ; они постигли великое искусство брать у настоящей минуты все хорошее, въ что ней есть, не отравляя ее страхомъ пресыщенія или потери.

И потомъ — эта властность ихъ натуры, этотъ ихъ аристократизмъ, это высокомѣрное презрѣніе къ благамъ міра. Вѣдь, какъ хотите, а въ разсказахъ Горь-

Digitized by Google

каго по крайней мѣрѣ они вырисовываются на какой-то горной, холодной, почти недосягаемой высотѣ. Они непобѣдимы: никакой жизненный соблазнъ не подкупитъ ихъ, никакая сила не склонитъ ихъ передъ собою, не вырветъ у нихъ слова лжи, неправды и лицемѣрія; ничто ихъ не пугаетъ. Имъ нечего терять: у нихъ все въ себѣ, въ этомъ цѣльномъ духѣ, постигшемъ все ничтожество жизни, все ничтожество и мучительность человѣческихъ привязанностей. Они видятъ вокругъ себя то трусливую, то ожесточенную борьбу за радости бытія, видятъ торопливо бѣгущихъ и суетящихся людей съ лицами, искаженными жадностью, злобой, завистью, и горделиво стоятъ въ сторонѣ, полные высокомѣрнаго презрѣнія.

И они живы, между прочимъ, и этимъ своимъ превосходствомъ надъ трусами и лицемѣрами. О чемъ они мечтаютъ? Многіе ни о чемъ, а просто ѣдятъ, когда хочется ѣсть и когда находится что подъ рукой, спятъ, когда спится, говорятъ съ людьми, когда хочется говорить, и молчать, когда говорить не о чемъ. У другихъ внутренній міръ дѣятельнѣе. Коновалову хотѣлось бы забраться не необитаемый островъ и жить Робинзономъ Крузоэ; Мальвѣ—улечься на дно лодки и плыть, плыть неизвѣстно куда и зачѣмъ, по волѣ вѣтра и волнъ; мрачное воображеніе Григорія Орлова рисуетъ ему картины общей свалки и суматохи, среди которыхъ онъ чувствовалъ бы себя такъ привольно, какъ нигдѣ. И, конечно, много бы босяковъ—этихъ злыхъ, самолюбивыхъ и мстительныхъ людей, во всякомъ случаѣ отмѣченныхъ печатью если не дарованія, то все же нѣкоторой исключительности натуры—пошли бы за нимъ. Но большинство, повторяю, ни о чемъ не мечтаетъ, потому что рядомъ съ порывистымъ и мятежнымъ ду-

Digitized by Google

хомъ у героевъ Горькаго слишкомъ смутная, неокрыленная и лѣнивая мысль. То усталые, то добрые, то сытые или голодные, бредутъ они по дорогѣ жизни, стараясь не заглядывать въ будущее дальше ближайшаго ночлега, не видя даже никакой надобности заглядывать въ него. Все дѣло, совершенное ими, — въ прошломъ: въ минутѣ отказа отъ упроченнаго существованія. Быть можетъ, вся эта минута вылилась въ одномъ мгновенномъ порывѣ, въ нежеланіи оттолкнуть отъ себя водку; но все равно: босякомъ можетъ быть только тотъ, кто этотъ отказъ принялъ для самого себя на всю жизнь и сжегъ всѣ свои корабли, не чувствуя къ нимъ даже сожалѣнія.

Ну, какой же это босякъ, вѣчно жаждущій „опохмѣлиться"?.. Вѣдь по крайней мѣрѣ съ внѣшней своей стороны—это настоящій потомственный сверхчеловѣкъ, съ котораго надо снять много и много изъ этихъ горделивыхъ украшеній, чтобы вышла наружу основная „реальность" босяцкой натуры—ея страданіе отъ жизненныхъ обидъ и жизненныхъ утѣсненій. Всякими способами стараются они прикрыть это свое страданіе, эту свою обиженность и неудовлетворенность и задрапироваться въ лохмотья княжескаго изгоя... Но всегда ли это удается имъ? И не слышите ли вы слезъ и рыданій за горделивыми словами?

Тѣмъ, конечно, цѣннѣе они, тѣмъ болѣе жаль ихъ, какъ погибшихъ и погибающихъ, свирѣпо хотящихъ жить и не находящихъ жизни нигдѣ и ни въ чемъ. Не могутъ они быть ни довольны, ни счастливы однимъ горделивымъ сознаніемъ своей свободы и отсутствіемъ какихъ бы то ни было обязательствъ и не даромъ такъ крѣпко уцѣпились они за водку. Послушайте, какъ они поютъ! Горькій любитъ и мастерски описываетъ

Digitized by Google

ихъ пѣніе. Но это не пѣніе собственно,—это стонъ духа, который не можетъ жить одними мятежными порывами и нѣтъ-нѣтъ затоскуетъ и заплачетъ по ласкѣ и любви, закручинится о своей тяжелой долѣ и въ такія-то минуты входитъ въ обычную категорію талантливыхъ натуръ, не нашедшихъ пристанища, натуръ, которымъ негдѣ преклонить голову... О! мы знаемъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ эти натуры. Тоскующія тѣни ихъ не сходятъ со страницъ нашей литературы чуть ли не съ первыхъ же дней ея зарожденія. Онѣ тревожатъ насъ, онѣ упрекаютъ насъ за наше самодовольство, за то, что такъ трусливо и ребячески прилѣпились мы къ благамъ и утѣхамъ міра и слишкомъ легко забыли, что какъ ни дорого стоила исторія человѣку, право на самодовольство еще далеко не куплено имъ, даже неизвѣстно, будетъ ли оно куплено когда.

Это босячество—все равно, съ чертами ли потомственнаго сверхчеловѣка, или безъ нихъ—это вѣковѣчная драма нашей литературы, драма, которая, повидимому, разыгрывается въ душѣ большинства даровитыхъ литературныхъ героевъ, драма—первое наиболѣе полное и безхитростное изображеніе которой мы находимъ еще въ знаменитой повѣсти XIII-го вѣка „Горе злосчастіе“. Эта драма заставляетъ талантливыя натуры страдать „обычнымъ“ для русскихъ талантливыхъ натуръ недугомъ; она же, по свидѣтельству всѣхъ нелицепріятныхъ очевидцевъ, наполняетъ наши тюрьмы и каторгу мятежными и тоскующими душами, которымъ не по себѣ въ обычной и упроченной обстройкѣ. Она—эта драма—бросаетъ какой-то глубокій и пугающій просвѣтъ въ тайнахъ нашей исторіи, она же, изображенная въ настоящую минуту Горькимъ, заставляетъ иностранцевъ изумляться всей огромности его дарованія

Digitized by Google

и говорить въ то же время: „Мы ничего не понимаемъ и прежде всего не понимаемъ этой страстной жажды самосознанія, владѣющей человѣкомъ, этого его мятежнаго стремленія къ чему-то... большему и высшему, чѣмъ можетъ вообще жизнь дать человѣку... этого полнаго отсутствія задерживающихъ центровъ“.

И обращая вниманіе на это, т. е. на страданіе и обиду, которыя каждый босякъ носитъ въ себѣ, вы увидите, какъ въ концѣ концовъ реаленъ Горькій въ самомъ романтизмѣ своемъ, ибо тутъ онъ дошелъ до глубины.

Онъ вообще шире и глубже, чѣмъ думаютъ его панегиристы, и онъ совсѣмъ не такая уже цѣльная натура, какъ догадался нѣкто изъ нихъ. Онъ тоже сынъ нашихъ дней и не меньше всякаго другого знаетъ онъ сомнѣнія и колебанія „переходной эпохи“, жажду вѣры и муки безвѣрія. Лирическій его порывъ къ свободѣ, къ противо-мѣщанству, вылившійся въ художественномъ и облетѣвшемъ всю Россію образѣ босяка, совсѣмъ не такой уже гордый и самонадѣянный, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и совсѣмъ не такой прямолинейный. За смѣлыми картинами, за широкимъ размахомъ вдохновенія тоже слышится стонъ, и за всѣми вызывающими проклятіями жизни, за всѣмъ страстнымъ желаніемъ стряхнуть съ себя ея путы—какой-то тайный страхъ передъ ея могуществомъ и ея... жестокостью... Взлетѣлъ соколъ въ поднебесье, посмотрѣлъ, что тамъ наверху, и расшибся... А помните вы небольшой разсказъ о чижѣ, кажется, даже выброшенный самимъ авторомъ изъ новаго собранія его сочиненій? Напомню поэтому его въ немногихъ словахъ.

Въ эпоху полнѣйшей духовной прострацiи птица въ лѣсу вдругъ услышала странную пѣсню:

Digitized by Google

„Я слышу карканье воронъ,
Смущенныхъ холодомъ и тьмою...
Я вижу мракъ, но что мнѣ онъ,
Коль добръ и ясенъ разумъ мой?
За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой—въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ...
Друзья! Пусть падшіе молчатъ,
Имъ очи съѣлъ сомнѣній дымъ;
Въ сердцахъ ихъ честь и гордость спятъ...
Друзья! давайте крикнемъ имъ:
Прочь! Вашихъ мудрствованій чадъ
Темнѣе сдѣлалъ эту ночь,
И отравляетъ онъ, какъ ядъ,
Умы и души юныхъ... Прочь!
Прочь! Здѣсь объявлена богамъ
За право первенства война!“

Этотъ смѣлый пѣвецъ, объявляющій „войну богамъ“, оказывается никѣмъ инымъ, какъ босякомъ-чижикомъ. Онъ зоветъ птицъ, зоветъ птицъ, зоветъ птицъ за собою, прочь изъ тьмы лѣса, изъ сырости болотъ, изъ трясины трусости и сомнѣній. Когда же основательный профессоръ новѣйшей исторіи—дятелъ—говоритъ, что летѣть некуда, „такъ какъ за опушкой сейчасъ же начинается поле, лѣтомъ голое и сожженное, зимой же покрытое холоднымъ снѣгомъ, а на краю его стоитъ деревня, и въ ней живетъ Гришка, человѣкъ, занимающійся птицеловствомъ“,—бѣдный чижикъ не знаетъ, что отвѣтить. Онъ можетъ только сказать въ свое оправданіе: „Я солгалъ, да, я солгалъ потому, что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо! Онъ, дятелъ, можетъ быть и правъ, но на что нужна его правда, когда она комкомъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко-высоко взлетѣть на небеса...“

Digitized by Google

Какъ хотите, а тутъ есть полное пониманіе дѣйствительности въ ея существенныхъ проявленіяхъ въ видѣ Гришки, человѣка, занимающагося птицеловствомъ, которому, конечно, какъ нельзя болѣе на руку эти легкомысленные идеалистическіе порывы... И порывъ долженъ сложить крылья передъ пошлыми словами пошлаго дятла...

Возьмите, дальше, взгляды Горькаго на литературу или его прямо удивительный по силѣ разсказъ „Скуки ради“, особенно послѣдній. Измѣрьте всю эту, пожалуй, многоверстную глубину мѣщанской пошлости, которая незамѣтно для самой себя, съ усмѣшками и „улыбательно“, съ цитатами изъ модныхъ поэтовъ и философовъ, съ разнузданной жаждой какого бы то ни было развлеченія, переходитъ въ страшную жестокость и губитъ человѣка, такъ себѣ, зря губитъ его, просто потому, что онъ попался подъ веселую минуту и людямъ захотѣлось сыто и добродушно посмѣяться. Ну, и проѣхали смѣющіеся люди съ цитатами изъ модныхъ поэтовъ и философовъ по живому человѣческому тѣлу и не замѣтили они за звонкимъ смѣхомъ своимъ того, какъ трещатъ человѣческія кости.

Возьмите, наконецъ, всѣ разсказы Горькаго и всѣ его произведенія вообще, и вы увидите очень интересную вещь. Надо подойти къ этимъ разсказамъ и произведеніямъ съ однимъ изъ основныхъ вопросовъ русской литературы, съ вопросомъ, „кто виноватъ“? чтобы понять точку зрѣнія автора. Самое тяжелое и самое правильное, конечно, это то, что виновныхъ нѣтъ, что никто не виноватъ и некого проклинать, и некому мстить. Все устроилось само собой въ чисто стихійномъ процессѣ сложенія и разложенія общественныхъ силъ, и люди, цѣлая группа людей оказалась выброшенною

Digitized by Google

за бортъ, не имѣя ни малѣйшаго разумнаго основанія жаловаться на кого бы то ни было. Ни Коноваловъ, ни Орловъ, ни Серега, ни Мальва, ни Ѳома Гордѣевъ не могутъ назвать своихъ враговъ по имени. Да и нѣтъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Напротивъ, даже и странно въ то же время, что близкіе, окружающіе люди относились къ этимъ несчастнымъ скорѣе хорошо, чѣмъ дурно, пѣстовали ихъ, любили ихъ и, во всякомъ случаѣ, никакого ножа за пазухой противъ нихъ не имѣли. „Руку помощи“ протягивали, въ концѣ концовъ, и неоднократно. Однако, бѣдняги погибли или погибнутъ всѣ до единаго, потому что жизнь задавила ихъ, а совсѣмъ не опредѣленные, данные люди. Тутъ вступаютъ стихійные процессы жизни, тѣ самые, про которые совершенно правильно замѣчено, что они совершаются за спиной у человѣка. Вѣдь это странное и таинственное положеніе дѣла до того доходитъ, что даже герои-палачи изъ „Скуки ради“ ровно ни въ чемъ не виноваты. Они только пошутить и посмѣяться хотѣли, и развѣ ихъ вина, что они, съ одной стороны, натолкнулись на слишкомъ чувствительное сердце, съ другой,— что пошлость ихъ во-истину неизвѣданной глубины.

И я говорю, что лирическій образъ босяка, первая и главная черта котораго—отказъ отъ жизни, могъ возникнуть лишь на признаніи огромности и сложности, пошлости и жестокости мѣщанскаго существованія, на его стихійности... Съ этимъ какъ нельзя въ большей гармоніи находится и пессимистическая нотка, безъ устали звучащая въ произведеніяхъ Горькаго, и его робкіе призывы къ человѣческому сердцу.

И своимъ босякомъ, не какъ этнографическимъ типомъ, а какъ романтическимъ образомъ, прежде всего

Digitized by Google

молодой писатель вошелъ въ самый круговоротъ современной мысли, потому что этотъ *босякъ есть воплощенный матеріальный и духовный голодъ нашихъ дней,* воспринявшихъ мѣщанскую культуру и ею не удовлетворившихся.

Я далъ посильную характеристику героевъ Горькаго и его самого. Но эта послѣдняя конечно не полна. Горькій слишкомъ молодой и слишкомъ ищущій человѣкъ, чтобы подводить ему итоги, и кто знаетъ, куда пойдетъ онъ. Но мнѣ думается, что мы услышимъ еще отъ него смѣлое, искреннее и доброе слово, которое такъ нужно намъ. Впрочемъ и того, что онъ далъ, уже достаточно: въ его разсказахъ вы видите передъ собой человѣка, ищущаго свободы, страстно любящаго эту свободу хотя бы въ ея романтической формѣ,—человѣка, для котораго весь блескъ и лоскъ культуры не закрываетъ ея ложнаго основанія, ея предательской идеи, не позволяющей жить, дышать милліонамъ людей. И очень важно, что такой писатель появился въ наши дни, когда раскрыты мучительныя противорѣчія и ложь обнажена. Въ наши дни промышленнаго разврата, быстро и рѣшительно поглощающаго культуру, надо было ожидать смѣлаго и даже дерзкаго слова по ея адресу какъ не исполнившей своихъ обѣщаній, какъ расхитившей паву отъ старой лжи, чтобы дать мѣсто новой, еще горшей...

Горе промышленнаго общества заключается въ томъ, что оно, какъ волшебникъ, не можетъ справиться съ имъ же самимъ вызванными на сцену подземными силами или какъ Мидасъ умираетъ съ голоду отъ своей золотой пищи. Происходитъ это потому, что промышленное общество существуетъ исключительно для производства продуктовъ. Въ сущности—это одна огромная

Digitized by Google

машина, въ которой человѣкъ нуженъ лишь для того, чтобы пускать ее въ ходъ и слѣдить за правильностью ея отправленій. Но и на этотъ конецъ надобность въ немъ ощущается все меньше и въ идеалѣ можетъ дойти чуть ли не до безконечно малой величины. Очевидно въ такомъ случаѣ, что человѣкъ никакимъ образомъ не является цѣлью, „а только средствомъ". Это и есть „нравственный" переводъ политико-экономической формулы. При господствѣ въ жизни человѣка-цѣли даже немыслимо, чтобы производители, которые очевидно и потребители въ то же время, были лишены возможности потреблять только потому, что нѣтъ какихъ-то другихъ, стороннихъ потребителей.

„Человѣкъ есть средство"—эти слова являются, какъ всякій самъ видитъ, перевернутой вверхъ ногами формулой нравственной философіи Канта, которая цѣликомъ построена на признаніи, что „разумная природа человѣка есть цѣль сама въ себѣ" и что всѣ заботы должны быть устремлены на удовлетвореніе ея потребностей и ея усовершенствованіе. При господствѣ въ жизни „человѣка-средства во что на самомъ дѣлѣ обращается идеалъ общества? Въ производство возможно большаго числа продуктовъ. При господствѣ же въ жизни человѣка-цѣли этимъ идеаломъ очевидно будетъ счастье и удовлетворенность всѣхъ людей. Мечтать о какомъ-нибудь счастьѣ—развѣ счастьѣ полнаго приспособленія къ машинѣ—человѣкъ-средство не только съ точки зрѣнія кантовской морали, но и морали вообще, разумѣется, не можетъ. Кантъ думалъ, что „счастье есть такое состояніе разумнаго существа, при которомъ въ теченіе всей его жизни все идетъ сообразно его желаніямъ и волѣ", и всѣ, кто до сихъ поръ писалъ и говорилъ о счастьѣ, въ большей или меньшей степени

Digitized by Google

признавали справедливость такой постановки вопроса. Выходитъ, слѣдовательно, что для полноты счастья нужно не только то, чтобы человѣкъ былъ цѣлью въ себѣ, но и былъ *„творцомъ жизни“*. Въ этомъ-то, быть можетъ, и заключается вся суть людскихъ вожделѣній, ключъ къ пониманію ихъ радостей и страданій, ихъ тоски и надеждъ, ибо на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего несчастнѣе положенія связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка, съ которымъ жизнь распоряжается точно съ тюкомъ какимъ или пересылая его по назначенію, или просто оставляя въ какомъ-нибудь подвалѣ до востребованія. Но политика промышленнаго общества, по крайней мѣрѣ въ отношеніи огромнаго большинства людей, именно такова, и съ точки зрѣнія идеала возможно большаго производства и не можетъ даже быть другой.

Всякое неразрѣшенное противорѣчіе общественной жизни есть источникъ непроходимаго количества лжи для человѣка, лжи, разумѣется, не въ смыслѣ сознательнаго обмана, а обмана стихійнаго и невольнаго, въ которомъ каждый изъ насъ долженъ пребывать отъ колыбели до могилы. Возьмите, напр., противорѣчіе экономически полноправной, но юридически ограниченной женщины въ отношеніи къ экономически и юридически полноправному мущинѣ и посмотрите, какую массу лжи въ общественной и семейной жизни вызываетъ оно. Возьмите еще болѣе рѣзкое противорѣчіе между бариномъ и мужикомъ, составлявшее сущность феодальнаго строя, и вспомните, въ какую массу условностей пришлось заключиться этому строю, чтобы поддерживать себя. Все, начиная съ самого Господа Бога, было призвано, чтобы оправдать законность и необходимость такого страннаго порядка вещей, а для

Digitized by Google

приданія ему полной логической и иной неопровержимости государство должно было тратить огромную долю своихъ средствъ и прибѣгать къ завѣдомой лжи, хотя бы, напр., въ системѣ своего школьнаго образованія.

Я не имѣю возможности подробно иллюстрировать свою мысль. По своей элементарности она, впрочемъ, ни въ какой дальнѣйшей иллюстраціи и не нуждается. Поэтому перехожу прямо къ дѣлу.

Однимъ изъ несомнѣнныхъ и главнѣйшихъ достоинствъ промышленнаго строя является то, что ни при какой другой организаціи производства не выступаютъ такъ рѣзко противорѣчія общественной жизни. „Въ холодной водѣ эгоистическаго разсчета промышленники потопляли порывы набожной мечтательности“, рыцарскаго воодушевленія, мѣщанской сантиментальности—словомъ всего того, что красило жизнь средневѣкового человѣка, скрывало отъ него рѣзкія противорѣчія его общественнаго положенія и, хотя не дѣлало мякину хлѣбомъ, а воду виномъ, но позволяло удовольствоваться водой и мякиной. „Власть надъ трудомъ, прикрытую религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ этикетомъ, промышленники замѣнили властью прямой, открытой и въ то же время величественной въ своемъ безстыдствѣ“. „Промышленники разрушили всѣ старыя патріархальныя отношенія“,—отношенія близости между людьми, личныхъ симпатій, личной зависимости и поставили человѣка лицомъ къ лицу съ голой, ничѣмъ не скрытой правдой суровой дѣйствительности. Они освободили его отъ мечтательныхъ призраковъ, заставлявшихъ его раньше склоняться передъ собой, и обнажили передъ нимъ источники его радости и страданія. Они выдвинули на первый планъ мучительное противорѣчіе, лишающее производителя

Digitized by Google

возможности потреблять именно потому, „что на продукты нѣтъ потребителей“. А это противорѣчіе—самое главное, потому что въ немъ-то въ концѣ концовъ надо искать источниковъ той массы лжи и условностей, которыми опутала себя современная жизнь для поддержанія своего внутренняго порядка и какого-то внѣшняго благообразія.

Конечно, это не прямая заслуга промышленниковъ,—это заслуга промышленнаго строя. Но вѣдь въ сущности безразлично *).

Я хочу только подчеркнуть то обстоятельство, что промышленный строй—самый откровенный и наглый, величественно наглый и торжествующе откровенный. Если онъ иногда и прибѣгаетъ къ высокимъ словамъ, то дѣлаетъ это, очевидно, для собственнаго своего развлеченія и самъ первый готовъ цинично опровергнуть ихъ. Для него совершенно очевидно то лишь, что всякій контрактъ долженъ быть подписанъ, а всякій подписанный контрактъ долженъ быть выполненъ. Но санкція такого контракта не религіозная, а чисто полицейская, и никакой контрактъ не начинается словами „Во имя Отца и Сына“, какъ это было въ доброе, старое время господства патріархальныхъ отношеній.

„Величественная наглость“ и „торжествующая откровенность“—вещи сами по себѣ въ высокой степени возмутительныя, но въ то же время и, право, превосходныя, ибо нѣтъ ничего хуже, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ эти „conventionellen Lügen der Kulturmenschheit“—условности и ложь культурной жизни человѣчества.

*) Очевидно, что промышленное общество стремится сохранить внѣшнее благообразіе, опутавъ себя сѣтью обычаевъ и приличій. Но, чуждаясь въ какой бы то ни было санкціи, оно сшиваетъ свой нарядъ приличія бѣлыми нитками.

Digitized by Google

Пусть даже будутъ условности и пусть будетъ ложь, разъ то и другое необходимо и неизбѣжно, но пусть, по крайней мѣрѣ, будетъ ясенъ и источникъ этихъ условностей и лжи. Прежде этотъ источникъ терялся во мракѣ историческихъ традицій или относился куда-то въ туманную даль, теперь онъ на виду у всѣхъ и скрывается въ „мучительномъ противорѣчіи“, откуда и идутъ, какъ изъ ящика Пандоры, если не всѣ, то большинство нашихъ бѣдствій...

Источникъ лжи ясенъ и самая ложь оголена. Это видятъ и понимаютъ всѣ мыслящіе умы человѣчества; ложь слишкомъ оголена и приводитъ въ содроганіе своимъ наглымъ и вызывающимъ видомъ. Сто ризокъ снято съ нея, и въ ужасѣ останавливаемся мы передъ ея кажущимся безсиліемъ, передъ ея дѣйствительнымъ могуществомъ.

Но рядомъ съ этой ложью, грязной и отвратительной, есть другая — то ложь возвышающаго обмана. Слишкомъ порою она красива, слишкомъ много скрывается въ ней вдохновляющаго „начала“, чтобы можно было грубо и враждебно отнестись къ ней. Эта ложь несетъ намъ утѣшеніе, ею питаются наши надежды, часто замѣняетъ она всякую другую пищу для нашего духа. Однако... не лучше ли обойтись и безъ нея и постараться найти въ себѣ мужество взглянуть правдѣ прямо въ глаза, какой бы не только суровой, но и жестокой она ни была. Конечно, въ такомъ случаѣ придется отказаться отъ многихъ надеждъ и несбыточныхъ упованій, отъ многихъ смѣлыхъ и горделивыхъ мечтаній,—но что же дѣлать? И такъ ли на самомъ дѣлѣ страшна суровая правда дѣйствительности, что она можетъ изсушить творчество и заставить человѣка совсѣмъ и совсѣмъ опустить свои руки? Въ этомъ ста-

Digitized by Google

раются насъ увѣрить многіе, но кто же заставляетъ вѣрить имъ на слово? Пусть докажутъ они, что служеніе возвышающему обману приводило когда-нибудь къ чему другому, кромѣ тоски и разочарованія, и что истинное назначеніе человѣка здѣсь, на землѣ, заключается въ томъ, чтобы сначала пылать, а потомъ чадить?..

Мнѣ кажется, что всякій, кто внимательно слѣдитъ за текущей литературой, долженъ признать, что жгучая жажда правды, какой бы она ни была, является самымъ красивымъ и здоровымъ ея нервомъ. Снимаются сто ризокъ со всякаго рода санкцій, съ величія всероссійской интеллигенціи и—что важнѣе всего—со всякаго догматизма. Если дѣло не обходится порою безъ односторонности, безъ торопливости и увлеченій, то вѣдь надо же согласиться наконецъ, какъ трудно найти что бы то ни было съ хладнокровіемъ и спокойствіемъ замороженнаго судака.

Эту жгучую жажду правды, эту смѣлость критической работы я считаю самымъ превосходнымъ и здоровымъ элементомъ текущей литературы. Въ большомъ и маломъ проявляются онѣ. Тамъ робко, тамъ дерзко, тамъ самоувѣренно раздаются голоса ищущихъ, оттого-то, если внимательно прислушиваться къ нимъ, даже не подумаютъ, какъ не подумалъ и я, заводить рѣчь объ упадкѣ литературы.

Толстой, Чеховъ, Горькій у насъ есть, и ихъ исканія правды ни изъ нашей, ни изъ міровой литературы не выкинешь....

Digitized by Google

А. П. Чеховъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

I.

На равнодушіе къ себѣ критики А. П. Чеховъ пожаловаться не можетъ. Именемъ его положительно пестрятъ страницы журналовъ и газетъ. Даже тайные совѣтники русской книжности и письменности вышли изъ своихъ кабинетовъ, гдѣ они глубокомысленно обсуждали вопросъ объ упадкѣ русской литературы, и съ большей или меньшей дозой ворчливости высказались о немъ. Вещь эта совершенно естественная. Во-первыхъ, надо же о чемъ-нибудь говорить, а во-вторыхъ, Чеховъ и его произведенія—тема очень удобная для разговоровъ, способная расшевелить и мертвое перо. Даже за небольшими „эскизными“ его очерками чувствуется что-то важное и серьезное. Кромѣ того, несомнѣнно особое и даже исключительное вниманіе публики къ Чехову заставляетъ и критику быть постоянно на-сторожѣ. Изъ современныхъ русскихъ писателей онъ послѣ Толстого занимаетъ первое мѣсто. И выдается онъ не столько даже своимъ художественнымъ дарованіемъ, сколько полной оригинальностью и отчетливостью своей литературной физіономіи. Онъ можетъ писать подъ какимъ угодно псевдонимомъ, со-

Digitized by Google

чинять, что ему заблагоразсудится,—драмы, водевили, романы, разсказы—безразлично: вы сейчасъ же узнаете его по особенностямъ стиля, а главное, по настроенію и тону, всегда удивительно выдержанному. Собственно такъ оно должно бы быть у каждаго, но, подите, нѣтъ этого, и съ такимъ грустнымъ недостаткомъ индивидуальности приходится мириться. А между тѣмъ сфера художественнаго творчества и есть такая, гдѣ человѣкъ долженъ говорить прежде всего отъ самого себя. Будь талантъ даже небольшимъ, но если у человѣка вдобавокъ къ этому таланту есть характеръ, есть отчетливый взглядъ на жизнь и опредѣленное настроеніе, онъ непремѣнно оставитъ послѣ себя нѣчто, хотя и не огромное, но непремѣнно цѣнное. Mon verre est petit, mais je bois de mon verre,—говорилъ про себя А. Мюссе; въ существованіи этого маленькаго verr'a и скрывалась тайна его успѣха и вліянія. А что такое поэзія скромнаго Надсона? Стонъ умирающаго, безсильнаго человѣка, сознающаго свое безсиліе и близость смерти, способнаго лишь на мгновенные, тотчасъ же тухнущіе порывы, подавленнаго и тоской, и нравственными обязательствами, тяжелымъ камнемъ лежащими на его совѣсти,– и только. Но стонъ выраженъ такъ ясно и опредѣленно, съ такой искренностью и задушевностью, что Надсону надолго еще обезпечено мѣсто въ литературѣ и успѣхъ. У Чехова есть личность и настроеніе,—что же удивительнаго, если имъ такъ интересуются, а особенно въ виду того, что у многихъ прочихъ вмѣсто физіономіи сѣрыя пятна, а вмѣсто оригинальности—билетъ на званіе члена союза писателей. Вообще, каждый, кто имѣетъ сказать нѣчто изъ глубины своего духа, долженъ быть выслушанъ.

Самое замѣчательное, конечно, то, что долгое время

Digitized by Google

наша критика именно и не хотѣла замѣчать въ произведеніяхъ г-на Чехова этой яркой и опредѣленной физіономіи. Особенно сердились на молодого писателя маститые и уважаемые старцы, у которыхъ, разумѣется, свои собственные археологическіе кумиры и которымъ каждое новое сильное дарованіе по непреложному „закону природы“ наступаетъ пребольно на ногу. Они упрекали г. Чехова въ отсутствіи „направленія“, въ случайномъ выборѣ „темъ“, недостаточной „ясности“; чувствуя передъ собой нѣчто большое и важное, они все же уснащали свою критику фразами: „коль скоро ты пришелъ, толь скоро и уйдешь“... Старая исторія борьбы стараго и новаго поколѣній, старыя пѣсни курульныхъ старцевъ! Одно время было просто въ модѣ отрицать у молодежи всякіе признаки дарованія. Мода, кажется, прошла: г-ну Горькому, напримѣръ, несомнѣнно сдѣлали гораздо болѣе любезный пріемъ, чѣмъ г-ну Чехову.

Этому послѣднему, съ одной стороны, не дали высказаться и поторопились со своимъ приговоромъ, забывъ, что его дарованіе такого сорта, которое не можетъ высказаться сразу и сразу появиться во всемъ своемъ великолѣпіи и полнотѣ, и что онъ очень вдумчиво относится къ жизни, постоянно расширяя свои наблюденія, осмысливая всякую мелочь; съ другой,— что онъ очень яркій продуктъ своего времени и своей эпохи, для выраженія которой онъ нашелъ свое сильное слово. Это, какъ будто, ставили ему даже въ упрекъ. Очень остроумно—не правда ли? Но конкуррировать съ этимъ остроуміемъ я не стану. Полагаю, что „историчность“ произведеній г-на Чехова, его поразительная близость къ думамъ и исканіямъ своего времени—одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сторонъ его дарованія и

Digitized by Google

одна изъ самыхъ большихъ его заслугъ передъ русской литературой. Тогда, когда выросталъ и развивался талантъ г. Чехова, происходилъ переломъ мысли, разлука со старымъ міросозерцаніемъ и, прежде всего, съ его народнической окраской, его преклоненіемъ передъ мужикомъ,его вѣрой, что мужикъ придетъ и все устроитъ: взроетъ на ровномъ мѣстѣ горы, а горы превратитъ въ цвѣтущія долины и т. д.,— было смутно въ жизни; что-то неясное и грозное, какъ все неясное, чудилось впереди; исканіе новыхъ началъ было мучительно и страстно безъ особенной вѣры въ „плодъ своихъ стремленій“; раздавались грустныя пѣсни Надсона, и даже смѣхъ Щедрина какъ будто утерялъ свою бодрость и все болѣе и болѣе становился озлобленнымъ. Что было дѣлать молодому дарованію, совсѣмъ не желавшему повторять избитыя мысли и красоваться на деревянныхъ скакунахъ стараго времени, размахивая картоннымъ мечомъ народничества? Г. Чеховъ удивительно честно отнесся къ задачѣ, къ которой обязывалъ его талантъ: онъ изучалъ, думалъ, искалъ, онъ старался понять мелочи жизни и всю ея странную и грустную фантасмагорію, не гоняясь за опредѣленностью и „направленіемъ“, которыя можно получить изъ послѣдней книги журнала и взять напрокатъ у любого учителя жизни. Вотъ упрекъ, который былъ сдѣланъ ему однимъ изъ критиковъ по поводу разсказа „Степь“. Съ моей точки зрѣнія этотъ упрекъ надо понимать какъ разъ наоборотъ. Судите сами:

„Въ этомъ разсказѣ мы находимъ поразительное сочетаніе полной безсодержательности сюжета съ необыкновенно тонкой отдѣлкой мелкихъ, какъ бы налету схваченыхъ описаній природы. Вся фабула сводится къ тому, что священикъ съ мальчикомъ цѣлый день ѣдутъ

Digitized by Google

по степи изъ губернскаго города, и передъ ними мелькаютъ одно за другимъ встрѣчныя впечатлѣнія. Всѣ эти впечатлѣнія, порознь взятыя, переданы мастерски, но бѣда именно въ томъ, что они совершенно случайны, что любое изъ нихъ можно было бы замѣнить какимъ-либо инымъ эпизодомъ, ничѣмъ не нарушая хода разсказа. Это, пожалуй, реально, но художественной правды въ этомъ нѣтъ, не чувствуется переработки дѣйствительности въ фантазіи автора. И единственная нить, связывающая эти разрозненныя встрѣчи на пути, придающая имъ цѣльность,—это степь, безконечная, разнообразная и пустынная. Быть можетъ, въ этомъ скрывается философская мысль —представленіе о самой жизни какъ о чемъ-то безсознательномъ, какъ о безцѣльномъ рядѣ случайныхъ встрѣчъ и мелкихъ событій, нанизывающихся одно на другое безъ внутренней связи. Но если такая мысль и была у автора, она высказана недостаточно ясно. А парадоксы какъ разъ требуютъ большой опредѣленности и рѣшительности. Выраженные подъ сурдину, они впечатлѣнія не производятъ".

Но именно въ передачѣ неопредѣленнаго и колеблющагося настроенія своей эпохи, ея тоски исканія, ея отвращенія къ готовымъ фразамъ и формуламъ и заключается заслуга г. Чехова. Это-то и дѣлаетъ его художникомъ-историкомъ, это-то и заставляетъ ставить его выше, напр., г. Короленко, литературное дарованіе котораго такая же несомнѣнная величина, какъ и шаблонность его міросозерцанія.

Было дѣйствительно такое тоскливое, мучительное время, когда, казалось, самая жизнь остановилась и, усталая, надорванная, не знала, куда и зачѣмъ ей больше идти, и люди бродили, какъ отравленныя мухи, недоумѣвали, къ чему бы имъ пристроить себя? Вся

Digitized by Google

атмосфера была пропитана полнымъ сознаніемъ своего интеллигентнаго безсилія, своей ненужности, повторяю, какой-то страшной угрозы со стороны неизвѣстнаго будущаго.

Въ настоящее время чѣмъ-то прямо совершенно невѣроятнымъ представляется увлеченіе проповѣдью Льва Толстого, его идеаломъ опрощенія, безбрачія и духовнаго скопчества или покаяннымъ мистицизмомъ Достоевскаго, или наивной схоластикой Влад. Серг. Соловьева, или бормотаніемъ Фрея, или символистами и декадентами. Но вѣдь все это было, было какое-то запущенное, нераспаханное и незасѣянное поле, на которомъ всякое сѣмя давало какіе-то ростки.

Поколѣнію 80-хъ годовъ была завѣщана мечтательная, но великолѣпная идея „облагодѣтельствовать народъ" и устроить общее благополучіе. Такая задача была неизмѣримо трудной; пришлось отказаться отъ нея или, по крайней мѣрѣ, сузить и ограничить ее до неузнаваемости, свести къ работамъ самосовершенствованія и удаленія отъ соблазновъ жизни или къ собиранію окурковъ въ пользу страждущихъ и угнетенныхъ. Не всѣ примирились съ такимъ исходомъ, а у тѣхъ, чьи замыслы были шире, чьи чувства восторженнѣе, чья впечатлительность больше,—разочарованіе навсегда осталось въ душѣ. Эта, вынужденная обстоятельствами, измѣна грезамъ юности и послужила исходнымъ пунктомъ все разроставшагося мрачнаго и неудовлетвореннаго настроенія. Если,—разсуждали,—я ничего не могу сдѣлать для народа, кромѣ какъ дать ему свою ненужную жалость, то что могу я сдѣлать вообще? Что я могу знать? Что я могу любить, во что я могу вѣрить? Основные вопросы бытія выступали на сцену, но разумъ отвѣчалъ на нихъ полнымъ молчаніемъ. Онъ не

Digitized by Google

сказалъ, да и не могъ сказать ни слова о загадкѣ жизни и смерти, о таинственномъ прошломъ и таинственномъ будущемъ нашего сознанія. Чувство безсилія отъ постоянной встрѣчи все съ новыми неразрѣшимыми метафизическими и нравственными задачами увеличивалось и удесятерялось. Было ясно одно, что старыя народническія формулы обветшали и больше не годились, что дававшее имъ плоть, кровь и силу настроеніе исчезло, что вѣры въ мужика нѣтъ... Куда же было приткнуться? Какъ бы нарочно на эту тему г. Минскій написалъ недурное стихотвореніе, довольно ярко передающее настроеніе растерянности:

„... Впереди
Съ тайной надписью камень стоялъ одинокій.
И пречелъ я на немъ приговоръ свой жестокій.
Я прочелъ: „Здѣсь лежатъ предъ тобой три пути,
Здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери,
Выбирай, что твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ:
Пойдешь вправо—жди совѣсти тяжкой потери,
Пойдешь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри,
А налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ“...
— И заснуть, о друзья, предпочелъ я въ преддверьи...“

Г. Минскій человѣкъ умный и талантливый и прекрасно понимаетъ, что такое съ нимъ случилось и какая струна оборвалась въ его поэтической „лирѣ“. Прежде муза звала его „туда, на тѣсный путь лишеній и борьбы, гдѣ счастье—рѣдкій гость, гдѣ горе—гость привычный“ и внушала ему такія прекрасныя филантропическія мысли, какъ: „ступай передъ толпой со словомъ окрыленнымъ; съ ней вмѣстѣ и живи, и вмѣстѣ умирай“,—теперь, подчиняясь общему духовному маразму, общей растерянности, онъ понялъ, что все это не для него,—для него что-нибудь другое....

Digitized by Google

„Сказалъ „прости“ онъ людямъ безсердечнымъ
И въ глушь пустынь бѣжалъ отъ нихъ какъ звѣрь“...

и сталъ писать невозможные стихи вродѣ гимна волнѣ, невозможные литературные фельетоны и радостно ухватился за новую струю, все же бившую энергичнѣе другихъ въ это сумбурное время. Это струя отчасти философскаго недомыслія, отчасти философскаго анархизма. Свергнуть съ себя всякую нравственную историческую отвѣтственность, отрѣшиться отъ всякихъ обязательствъ передъ народомъ и начать болтать въ воздухѣ руками—не въ этомъ ли идеалъ? Повидимому, да. Во всякомъ случаѣ, прежде всего надо раздѣлаться со всѣмъ старымъ; г. Минскій устраиваетъ поэтому карамболяжъ со своими прежними произведеніями, выбрасываетъ изъ нихъ все, внушенное когда-то жалостью къ „презрѣнному народу“, мыслью о вѣковѣчномъ долгѣ передъ нимъ со стороны интеллигенціи, и рѣшительно говоритъ:

„Я цѣпи старыя свергаю,
Молитвы новыя пою...“

Правда, вмѣсто молитвъ, мы увидѣли рядъ тусклыхъ и сѣренькихъ фельетонцевъ,—гора родила мышь „видомъ малую и не безсмертную“, но рядомъ съ этимъ какія характерныя потуги сказать свое новое слово, какія удивительныя формулы вродѣ „сущность существующаго есть несуществующее“ и желаніе освободиться отъ земного тяготѣнія!

Кого не смущало тогда это новое слово? Кто не тщился сказать его уже просто потому, что большой спросъ не можетъ не вызвать въ концѣ концовъ и большого предложенія? Ницше, символисты, декаденты, маги, инкогеренты, импрессіонисты, буддисты, изидисты, дья-

Digitized by Google

болисты, прерафаэлисты, назаритяне, Бодлэръ, Меттерлинкъ, Боттичелли, эфебы, эстеты, Оскаръ Уайльдъ, люди ереси вавилонской, гностики, іезды, Гегель, Фихте, Шеллингъ, Шопенгауеръ, Юркевичъ—и ужъ я не знаю, кто былъ призванъ на память пошатнувшейся русской мысли и, чортъ знаетъ, что за сутолока была на сценѣ,—точно въ третьемъ отдѣленіи психіатрической лѣчебницы!.. Теперь, повторяю, когда кризисъ миновалъ и мы опять выбрались на дорогу съ помощью одного изъ величайшихъ умовъ XIX-го вѣка и можемъ идти по ней безъ всякихъ колебаній; когда намъ предстоитъ такая работа, какъ пересмотръ всѣхъ прежнихъ вѣрованій и увлеченій, взглядовъ на задачи жизни и дѣятельности, на роль искусства и науки съ новой точки зрѣнія; когда все яснѣе вырисовывается мысль, что до сихъ поръ мы въ умственномъ и нравственномъ отношеніи все еще жили традиціями крѣпостной культуры съ примѣсью благороднѣйшихъ бредней; когда мы дѣйствительно нашли орудія, при помощи которыхъ можемъ исполнить, наконецъ, завѣты хорошихъ людей вродѣ Добролюбова, Щедрина и т. д. и искоренить въ себѣ и кругомъ всѣ слѣды крѣпостничества; когда, наконецъ, въ роли жизненнаго руководителя является не просто прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ и гуманнѣйшая идея, а идея, продиктованная исторіей,—не понятно, какъ могли мы считать чѣмъ-то серьезнымъ, напр., толстовщину, представляющую изъ себя отъ начала до конца сплошное недоразумѣніе съ философской точки зрѣнія и рѣшительно ни для кого не обязательное лирическое изліяніе старо-барскаго духа со всякой другой? Прежняя утопическая закваска была еще слишкомъ сильна; только поэтому толстовщина и имѣла нѣкоторый успѣхъ: конечно, что можетъ быть

Digitized by Google

пріятнѣе, какъ одной вѣрой заставлять ходить горы, одной любовью кормить голодныхъ мужиковъ и получать въ Ясной Полянѣ отпущеніе грѣховъ, отвѣты на на всѣ вопросы и сомнѣнія взволнованной совѣсти?

Но Л. Н. Толстой страшно крупный человѣкъ, поэтому и его ошибка была крупныхъ размѣровъ и въ концѣ концовъ ничего, кромѣ пользы, не принесла. Толстой въ сущности сдѣлалъ очень простую вещь: онъ взялъ всѣ посылки народничества, настоящаго, коренного, и сдѣлалъ изъ нихъ крайніе выводы. Вѣчное запгрываніе съ мужикомъ было ему противно, платоническіе восторги передъ мужицкой добродѣтелью также. Съ геніальной прямолинейностью онъ сказалъ людямъ: „вы утверждаете, что крестьянская жизнь выше, разумнѣе вашей; въ такомъ случаѣ живите какъ крестьяне и въ основу всего положите самоличное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей“. Онъ сказалъ дальше: „вы сами видите, что культура не удовлетворяетъ васъ, строй же мужицкаго бытія она несомнѣнно рушитъ: въ такомъ случаѣ откажитесь отъ культуры“. Больше Толстой ничего не говорилъ, но его слово было прямо и твердо, не допускало никакихъ компромиссовъ, и народничество, не вынося такого испытанія водой, мечомъ и огнемъ, не могло не рухнуть.

Толстой могъ дѣйствовать обаяніемъ своего имени, своимъ огромнымъ художественнымъ талантомъ, тѣмъ, наконецъ, что онъ ни на шагъ не уклонялся отъ главнаго теченія русской интеллигентной мысли XIX-го вѣка, руководился въ пустынѣ сомнѣнія прежнимъ огненнымъ столпомъ и предоставлялъ полную возможность „расплаты“ и притомъ расплаты суровой „за роскошныя забавы предковъ“, „ихъ легкомысленный ребяческій развратъ“ — и это понятно. Меланхоличе-

Digitized by Google

ская славянская натура, только что начинающая вывариваться въ котлѣ цивилизаціи, въ концѣ концовъ вялая и не энергичная, любящая грезы, нравственную схоластику и бродяжество по мати-пустынѣ, чуть-чуть хватившая науки, но далеко еще не увѣровавшая въ нее, какъ въ непреложное условіе земного человѣческаго бытія, или же готовая ежеминутно обратиться къ ней съ наивной дѣтской просьбой: „мама, достань мнѣ луну съ неба и объясни мнѣ тайну жизни и смерти“ — не могла не откликнуться на призывъ къ мужицкой нирванѣ, и былъ сдѣланъ десятокъ, другой попытокъ въ этомъ направленіи, кончившихся или неудачей, или какой-нибудь пошлостью, вродѣ самолюбивой ссоры между участниками. Но толстовщина — это частица 80-хъ годовъ, въ которыхъ, какъ я выше замѣтилъ, дюжина дюжинъ и еще другихъ настроеній, теперь уже окончательно похороненныхъ и мало даже понятныхъ. Возьмите хотя бы г. Волынскаго или нашихъ новаторовъ символизма, декаданса, эстетики. Г-нъ Волынскій тоже вѣдь шумѣлъ, какъ пустая побрякушка, наполненная горохомъ, и изображаетъ изъ себя фигуру? Потому, во-первыхъ, что онъ не понялъ Бѣлинскаго, потому, во-вторыхъ, что онъ не понялъ шестидесятыхъ годовъ, и потому, въ-третьихъ, что все время онъ писалъ о Бѣлинскомъ и шестидесятыхъ годахъ, доказывая, какъ Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Добролюбовъ и др. были мало образованы и мало начитаны по части нѣмецкой идеалистической философіи! Смотрѣть такъ на дѣло — значитъ заниматься китайской живописью и не признавать никакихъ условій исторической перспективы. Допустимъ даже, что Бѣлинскій не понималъ Гегеля, — это въ сущности несправедливо: можно ли на основаніи такихъ сообра-

Digitized by Google

женій ставить ему обвинительный приговоръ? Конечно, нѣтъ. Задача Бѣлинскаго сводилась совсѣмъ не къ тому, чтобы растолковать русской публикѣ діалектическій методъ, а къ чему-то совершенно другому — къ тому, чтобы поднять въ обывателѣ уваженіе къ себѣ и къ личности человѣческой вообще, чтобы выяснить ему общественную роль и значеніе литературы въ жизни, чтобы внушить пониманіе дѣйствительно прекраснаго и цѣннаго и отучить отъ восторговъ передъ громомъ и трескомъ классической музы. Если бы даже онъ никогда не слыхалъ имени Гегеля и ни словомъ не обмолвился объ „единой, вѣчно развивающейся идеѣ", дѣло обстояло бы такъ же, какъ оно обстоитъ и въ настоящую минуту, потому что Бѣлинскій во всемъ, что не относилось прямо къ вопросу о красотѣ, былъ истымъ моралистомъ и, какъ человѣкъ не просто честный, а благородный въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова, — имѣлъ право имъ быть. Чтобы понять его, надо перенестись въ ту обстановку, когда сцена была переполнена еще троглодитами классической эстетики, мастодонтами піитики и предателями, предателями, предателями,—а сопоставлять такую-то страницу Бѣлинскаго съ такой-то страницей Гегеля — занятіе столь же плодотворное, какъ съ Гротомъ въ рукахъ выискивать орѳографическія ошибки въ рукописяхъ Гоголя. Историкъ литературы, занимающійся подобными дѣлами, по всей истинѣ и справедливости заслуживаетъ названіе пачкуна. Это значитъ, что онъ или педантъ, или пришлый человѣкъ, кичащійся своею начитанностью, въ которой, взятой самой по себѣ, ровно столько же проку, сколько въ картонныхъ орденахъ. Достигаетъ идеала непониманія и чисто куриной слѣпоты г. Волынскій въ разборѣ знаменитаго спора между

Digitized by Google

Юркевичемъ и Чернышевскимъ. Наивный онъ человѣкъ! Онъ серьезно думаетъ, что Чернышевскаго Богъ вѣсть какъ интересовалъ вопросъ о философскихъ преимуществахъ матеріализма надъ идеализмомъ, и приходитъ въ ужасъ отъ пріемовъ его, но все-таки и не хочетъ, не можетъ понять того простого обстоятельства, что Чернышевскаго интересовала не философская, а чисто публицистическая сторона дѣла, что въ матеріализмѣ онъ видѣлъ прежде всего могущественное орудіе для борьбы съ пережитками старины, что онъ хлопоталъ о выводахъ, результатахъ, а не о стройной аргументаціи. Онъ видѣлъ себя въ центрѣ общества, очень взволнованнаго готовившимися и совершенными реформами, кипѣвшаго надеждами, часто несбыточными, но несомнѣнно гуманнѣйшими, почуявшаго въ себѣ гражданскій духъ въ размѣрахъ, доселѣ неслыханныхъ, видѣлъ ежеминутное возрожденіе все новыхъ вопросовъ, настойчиво требовавшихъ разрѣшенія; онъ искалъ формулъ точныхъ, самоочевидныхъ, способныхъ къ немедленному осуществленію, и когда такіе люди, какъ Юркевичъ, старались затянуть его въ безконечный споръ на тему „такъ какъ человѣкъ съ одной стороны духъ, съ другой стороны матерія, то почему сіе важно въ пятыхъ“, — онъ не могъ отвѣчать иначе, какъ нанося презрительные полемическіе удары и произнося слова такимъ тономъ, чтобы люди ясно увидѣли, какъ Юркевичъ и К° не вѣдаютъ, что говорятъ... Вѣдь *тогда* не было науки, не было философіи, художественной литературы, — все было окрашено публицистикой и проповѣдью, проповѣдью и публицистикой, и, повторяю, невѣроятно просто, какъ господинъ, обладая такой квалифицированной куриной слѣпотой и поставившій принципомъ своей работы извѣстное „ote toi de ta place,

Digitized by Google

pour que je m'ymette" — могъ находить слушателей... Конечно, г. Волынскаго очень наказали, но уже послѣ того, какъ онъ сталъ декретировать символизмъ и декадентство и кому же? — намъ, еще не жившимъ совсѣмъ сознательной гражданской жизнью и ни на іоту не обезпеченнымъ отъ всевозможныхъ внезапныхъ пощечинъ! Что за невѣроятная пошлость.

Есть, вообще говоря, во всемъ этомъ что-то трагикомическое. Не смѣхотворна ли на самомъ дѣлѣ фигура г. Минскаго, составившаго себѣ извѣстность перепѣвами Некрасова и вдругъ до такой степени просіявшаго, что народъ оказался „лютой ехидной", а самъ поэтъ, какъ звѣрь, бѣжитъ въ пустыню, чтобы провозгласить съ гордостью провинціальнаго актера на вторыя роли:

„Но *вы* не судьи мнѣ, какъ и моей печали,
Затѣмъ, что *нѣтъ у васъ въ душѣ ея огня,*
А вашихъ ветхихъ словъ прочелъ я *всѣ* скрижали
И знаю: *вы должны преслѣдовать меня...*
Мое безумье въ томъ, что Богъ, меня создавши,
Настроилъ мысль мою на необычный ладъ..."

„Excusez du peu" или по-русски: „экъ его разбираетъ!" Смѣхотворенъ и г. Льдовъ, заявившій въ предисловіи къ своимъ стишкамъ, что „его никто не пойметъ и понять не въ состояніи", потому, должно быть, что всѣ дураки. Смѣхотворны и г. Мережковскій со своимъ эстетическимъ нигилизмомъ и раздутыми страданіями „непонятаго духа", и г-жа Гиппіусъ (все же самая талантливая изъ нашихъ „модниковъ и модницъ" символизма) со своимъ „хочу, чего нѣтъ на свѣтѣ", съ „новой красотой, проистекающей отъ злого духа", со столѣтними старухами, бесѣдующими съ мертвецами, и прочими принадлежностями спиритизма, медіумизма, шаманизма и декадентской пиротехники; еще смѣхотворнѣе доморощенные инкогоренты съ идіотскими вы-

Digitized by Google

крикиваніями „о, мои блѣдныя нози...“ Не смѣхотворенъ ли и Влад. Серг. Соловьевъ, оправдывающій войну и видящій въ Византіи идеалъ государственнаго устройства и отрицающій закономѣрность экономической эволюціи на томъ основаніи, что „стоитъ домовладѣльцамъ захотѣть и сбавить квартирную плату—и нѣтъ квартирнаго вопроса; стоитъ предпринимателямъ захотѣть и подѣлиться барышами — и нѣтъ рабочаго вопроса!..“ Смѣхотворно вообще это раздуваніе своей собственной личности до презрѣнія къ народу и всему человѣчеству, наукѣ и культурѣ, всему, чѣмъ люди жили, живутъ и будутъ жить... И сколько тутъ дѣтскаго нетерпѣнія сказать свое новое слово, сколько тщеславнаго желанія сказать что-нибудь „эдакое“, сколько гордости по поводу открытія „несуществующей сущности существующаго“. Щедринскій педагогъ, отыскавшій у лягушки душу видомъ малую и не безсмертную, мнилъ о себѣ не болѣе. И откуда это презрѣніе къ людямъ, читателямъ, публикѣ всѣхъ временъ прошлыхъ и всѣхъ временъ грядущихъ, откуда это видъ побѣдителя Редеди, взрывшаго гору на ровномъ мѣстѣ, или, по крайней, мѣрѣ, изобрѣтателя порошка, послѣ котораго „нѣтъ болѣе таракановъ“!..

But Brutus is a honourable man! (Но Брутъ былъ благородный человѣкъ).

Я знаю, что нѣтъ ничего легче, какъ вышутить восьмидесятые годы съ ихъ китайскимъ оркестромъ, ихъ разнузданнымъ самомнѣніемъ, самодовольными физіями новаторовъ, дамами-меценатками, патріотическими балалаечниками, зудомъ тщеславія, философскимъ кувырканьемъ, символическимъ чириканьемъ и декадентскими многоточіями, но, повторяю... Brutus is a honourable man... Не всѣ кувыркались, многіе искали, мучительно переходя отъ одного сомнѣнія къ другому, отъ

Digitized by Google

одной наглухо запертой двери къ другой, и тяжело было это исканіе. Съ истинной жаждой обновленія шли въ пустыню питаться акридами и дикимъ медомъ, подвижнически отрѣшались отъ соблазновъ жизни, истязали тѣло свое непосильнымъ трудомъ, нарочно вязали духъ свой, чтобы онъ въ рабствѣ, тоскѣ, уныніи, отсутствіи жизненныхъ впечатлѣній воспринялъ крещеніе огненное, отказался отъ гордыни и достигъ блаженства равновѣсія. Не все дѣланное въ этомъ нытьѣ, страхѣ передъ смертью, меланхолическомъ сознаніи своего безсилія, своей безцѣльности и ненужности. За крикливыми фразами слышался стонъ духа, затерявшагося въ поискахъ безусловной правды. И опять—не всѣ страдали маніей преслѣдованія, какъ г.г. Минскій и Гиппіусъ, твердо увѣренные, что ихъ никто не понимаетъ и понять не можетъ, а у грѣшнаго человѣчества только и заботы, что преслѣдовать ихъ за исканіе новой красоты и ея законовъ. Пусть себѣ ищутъ!.. Развѣ мало мы видѣли молодыхъ, здоровыхъ и образованныхъ людей, но недостаточно бодрыхъ и культурно дисциплинированныхъ, которые основывали колоніи, чтобы стать ближе къ правдѣ,—по коренному русскому предразсудку, скрытой въ землѣ. Развѣ мало и другихъ, затерявшихся въ пустыняхъ сѣвера. Повторяю: Brutus is a honourable man!

Тяжелы муки родовъ. Когда какое-нибудь міросозерцаніе, долго и властно господствующее надъ землей, настроеніе, захватывавшее сердце, цѣль, казавшаяся такой самоочевидной и высокой, изнашиваются—наступаетъ мучительный кризисъ. Никогда не твердое и даже сбивчивое въ своихъ теоретическихъ посылкахъ народничество держалось лишь мистической вѣрой въ мужика, той невольной близостью народа и интеллигенціи, которая обусловливалась сущностью крѣпостного строя.

Digitized by Google

„Порвалась цѣпь великая“ и разъединила оба элемента. Не стало дѣтскихъ воспоминаній, всегда могущественныхъ—особенно же для художественныхъ натуръ; не стало грезъ юности, поневолѣ сосредоточившихся возлѣ освобожденія закабаленной массы, остались слова—это жалкое рубище мысли и чувства, слова красивыя, но—„слова, слова, слова“... Пришлось убѣдиться въ одной непріятной вещи, что силы и значеніе интеллигенціи разсматривались до сихъ поръ въ увеличительное стекло и въ такое же увеличительное стекло разсматривались и тѣ устои крестьянской жизни, которые, казалось, должны были сдѣлать наилегчайшимъ переходъ къ новымъ общественно-экономическимъ отношеніямъ, полнѣе другихъ воплощающимъ христіанскій идеалъ общаго мира и братства. Но крестьянскій міръ не есть миръ среди людей, крестьянская община такъ же далека отъ братолюбія, какъ любая акціонерная компанія, а артели, по злому выраженію одного изъ героевъ Гл. Ив. Успенскаго, созданы не знаніемъ, не чувствомъ, а... „ну хоть вотъ этимъ самымъ слогомъ, котораго артель ловитъ“. Что казалось бы проще и удобопонятнѣе мысли, что изъ „ничего не выйдетъ ничего“ (nothing is nothing—no more), но воспринять и осмыслить ее дѣло совсѣмъ не легкое. „Des illusions et des légendes l'homme est entouré“. Эти illusions и légendes—главныя цѣпи человѣческой мысли, еще и въ XIX-омъ вѣкѣ носящей на себѣ очевидные слѣды ледниковаго періода. Изъ ничего не выйдетъ ничего. Нельзя предполагать появленія чего-нибудь прекраснаго и разумнаго тамъ, гдѣ полновластно царятъ нищета и невѣжество, гдѣ чтеніе по складамъ является рѣдкостью, гдѣ человѣкъ имѣетъ такое же смутное понятіе о собственномъ достоинствѣ и удобствахъ жизни, какъ рабочая лошадь, гдѣ по-

Digitized by Google

требности сведены къ тому minimum'у, когда люди не могутъ не обратиться въ звѣрей. Жаль, страшно жаль этихъ несчастныхъ, но, увы, жалость, только жалость,— чувство совершенно безполезное.

Когда исчезла вѣра въ народъ и сознаніе неприкрашенной правды жизни, правды очень жестокой и рѣзкой почти достигло степени очевидности,—вмѣсто прежняго все же до извѣстной степени стройнаго и опредѣленнаго міросозерцанія оказалось пустое мѣсто. Крикливыя идейки, наскоро выхваченныя изъ западной литературы,—идейки по грошу за фунтъ, зародившіяся въ парижскихъ кабакахъ подъ разухабистые звуки канкана,— идейки не пресытившейся цивилизаціи, а ея пресытившихся уродцевъ—разумѣется, не могли заполнить пустоты. Съ своей славянской меланхоліей и не совсѣмъ еще исчезнувшей скромностью, мало видѣвшіе и мало пережившіе, очень мало сдѣлавшіе для науки и общества, мы чуть ли не возмнили себя экзотиками и, съ комической серьезностью образованныхъ чимпанзе, стали выискивать зеленые оттѣнки луннаго свѣта и коричневые оттѣнки тумана при закатѣ солнца. Оскары Уайльды—да и только! Вы скажете, быть можетъ, что все это такъ себѣ, пустяки. Но позвольте вамъ напомнить одинъ любопытный фактъ. Когда въ 1896 г. молодежь задумала свой студенческій сборникъ, она поручила главную его редакцію экзотическому караибу изъ „Новаго Времени“ г. Сигмѣ и наполнила его такими пикантными „возвышенно-порнографическими“ произведеніями, что совѣстно было читать. А теперь для новаго сборника намѣчены уже редакторами—Михайловскій, Короленко, Струве, Туганъ-Барановскій. Вотъ и говорите послѣ этого, что все это было пустяки...

Нѣтъ, растерянность была полная, и кто пережилъ

Digitized by Google

то время—тотъ согласится со мной. Я ничего не преувеличиваю, никого не обвиняю и никого не оправдываю. Я просто констатирую фактъ и—чтобы перейти послѣ этого затянувшагося предисловія къ своей темѣ—ставлю вопросъ: какъ должно было чувствовать себя среди общаго сумбура мысли и настроеній молодое, еще не окрѣпшее дарованіе? По-моему, въ достаточной степени скверно. Не къ чему было приткнуться, не съ чего было начать. Если дарованіе было слабо и мало энергично, оно поневолѣ увлекалось первымъ, на-лету подхваченнымъ, новымъ словомъ, казавшимся наиболѣе соблазнительнымъ, и тѣмъ сразу же губило себя, потому что сразу же пріучалось къ неискренности, лжи, самовзвинчиванію. Вѣдь приходилось именно выдумывать такія глупости, какія раньше не грезились даже никому, вродѣ гимна блѣднымъ ночамъ или романа восьмидесятилѣтней дѣвственности или чего-нибудь такого дикаго, чтобы у читателя глаза выскочили изъ орбитъ. Фраза являлась въ концѣ концовъ самодовлѣющей и господствующей, и тѣмъ бо̀льшая слава устоявшимъ противъ ея соблазна, какъ противъ соблазна всѣхъ новыхъ словъ изъ душной и развратной атмосферы парижскихъ cabaret.

Г. Чеховъ устоялъ и слишкомъ за десять лѣтъ постоянной и упорной литературной работы ни разу не сошелъ съ своего прямого и широкаго пути, хотя онъ несомнѣнно пережилъ весь сумбуръ опредѣлившей его эпохи и, кажется, навсегда усвоилъ себѣ ея господствующій тонъ—тонъ скептицизма и недовѣрія, порожденныхъ сознаніемъ огромности жизни и ея недочетовъ и слабости человѣка передъ ними.

Онъ устоялъ, повторяю, несмотря на силу соблазна.

Одинъ изъ героевъ его „Чайки“, нервно самолюби-

Digitized by Google

вый и талантливый, Треплевъ, ищетъ новыхъ путей въ искусствѣ: ничто старое не удовлетворяетъ его. Онъ не признаетъ, напр., современнаго театра съ его стремленіемъ изображать жизнь, какъ она есть. Онъ говоритъ про свою мать: „она любитъ театръ, ей кажется, что она служитъ человѣчеству, святому искусству, а, по-моему, это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, эти великіе жрецы искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки, когда изъ пошлыхъ фразъ и картинъ стараются выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ,—то я бѣгу и бѣгу, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила его мозгъ своею пошлостью“... Онъ думаетъ, что „надо изображать жизнь не такою, какъ она есть, и не такою, какъ должна быть, а такою, какъ она представляется *въ мечтахъ*“... Во всякомъ случаѣ нужно что-нибудь новое... треплевское.

Онъ самъ написалъ маленькую пьесу. Странная символическая пьеса, безъ начала и конца, вся представляющая изъ себя сплошной стонъ. Онъ вложилъ въ нее всю свою душу, всю тоску своего одиночества, все свое непризнанное самолюбіе. Здѣсь онъ уже не Треплевъ, „три года носящій все тотъ же сюртукъ“,—нѣтъ: его душа — это „міровая душа“, пережившая вѣка и миріады вѣковъ, чтобы остаться одной среди холода все охватившей смерти, среди потухшихъ звѣздъ и оледенѣлыхъ планетъ. Эту свою душу онъ изображаетъ въ видѣ молодой дѣвушки въ бѣлоснѣжной одеждѣ, и, право, трогательныя жалобы заставляетъ онъ высказывать ее.

„Я одинока,—говоритъ она.—Разъ въ сто лѣтъ я от-

Digitized by Google

крываю уста, чтобы говорить, и мой голосъ звучитъ въ этой пустотѣ уныло, и никто не слышитъ... И вы, блѣдные огни, не слышите меня... Подъ утро васъ рождаетъ гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но безъ мысли, безъ воли, безъ трепетанія жизни. Боясь, чтобы въ васъ не возникла жизнь, отецъ вѣчной матери, дьяволъ, каждое мгновеніе въ васъ, какъ въ камняхъ и въ водѣ, производитъ обмѣнъ атомовъ, и вы мѣняетесь непрерывно. Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ. Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой, глубокій колодезь, я не знаю, гдѣ я и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый Сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... Вотъ приближается мой могучій противникъ, дьяволъ. Я вижу его страшные, багровые глаза...“

Все это удивительно характерно для своего времени- -и утомленіе старымъ, и огромность самолюбія, и нетерпѣливое желаніе сказать свое новое слово, и общая пессимистическая окраска маленькой пьески съ картиной общаго разрушенія и смерти въ центрѣ своемъ: одинокому интеллигенту, видящему вокругъ себя сумбуръ и сумбуръ на самомъ дѣлѣ, могло показаться, что „все рушится“, а по свойственному русскому человѣку легкомыслію онъ естественно могъ забыть о тѣхъ милліонахъ трудящагося люда, которые, на Западѣ по крайней мѣрѣ, поняли, что они люди, и отъ такого пониманія отказаться не согласны.

Digitized by Google

Но истинный талантъ побѣждаетъ всякіе соблазны. Въ вопросѣ объ искусствѣ тотъ же Треплевъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной работы приходитъ къ тому, что никакихъ новыхъ формъ не надо, что нужны только дарованіе, искренность, знаніе жизни и уваженіе къ правдѣ.

Совсѣмъ не маленькое дѣло было держаться этой простой и самоочевидной мысли въ дни крушенія всякихъ истинъ, и то, что г. Чеховъ всегда держался ее, служитъ лучшимъ доказательствомъ силы его дарованія и самостоятельности его таланта. Публика нисколько не ошиблась, въ изобиліи надѣливши его своими симпатіями, а до ошибокъ критики—какое намъ собственно дѣло.

II.

Какъ нельзя болѣе въ духѣ времени общая окраска произведеній Чехова—довольно мрачная. Будущее не рисуетъ ему чего-нибудь такого блестящаго и свѣтлаго, что во имя его наступленія и торжества можно было бы съ болѣе или менѣе легкимъ сердцемъ смотрѣть на настоящее зло. Кто въ сущности знаетъ, что таится въ этомъ будущемъ и какія неожиданности готовитъ оно людямъ? А настоящее до очевидности скверно и сводится къ нищетѣ, невѣжеству и господству всевозможныхъ случайностей.

Стихійные элементы жизни—ея главные элементы. „Животный организмъ обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человѣкъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку имѣетъ часто его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности въ та-

Digitized by Google

кихъ отвѣтственныхъ, страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая, литературная“. Что же сказать о другихъ?

Возьмите нашу провинцію, къ жизни которой Чеховъ присматривается особенно пристально. Что за безобразная куча невѣжества, нищеты, мракобѣсія и пошлости, что за всеобщее разореніе! Земскій докторъ Астровъ говоритъ вотъ что:

„Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Темная и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ на зелени положена красная клѣтка, тамъ водились лоси и козы. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки, ц, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кромѣ селъ и деревень, видите, тамъ и сямъ разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы... Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Напримѣръ, въ этой волости голубая краска легла густо: тутъ были цѣлые табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади. Теперь посмотримъ ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части: картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами: исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ,—картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь есте-

Digitized by Google

ственно должна была уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, то-же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы съ природой, непосильной борьбы за существованіе, это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего„.

Провинціальная экономика очевидно ниже всякой критики. Все было, а теперь ничего нѣтъ; все водилось, а теперь все растащено и расхищено. Цѣлые уѣзды точно повторяютъ собою картины прошлаго послѣ нашествія татаръ. Возможна, конечно, борьба, но какая тяжелая, упорная борьба! Сколько силъ уже надорвано ею, сколько надорвется еще.

Надорванныхъ людей—такихъ, которые въ дни юности своей жили утопіями, готовы были съ полной вѣрой, бодростью взяться за любое, труднѣйшее дѣло и вдругъ почувствовали полную душевную пустоту послѣ жестокихъ уроковъ дѣйствительности — Чеховъ очень любитъ. Въ его пьесѣ „Ивановъ“ выведенъ такой герой-нейрастеникъ—жалкій, оброшенный, склонный къ нытью и лишь нѣсколько выростающій въ глазахъ читателя послѣ самоубійства. Ивановъ—благороднѣйшій провинціальный дѣятель. Онъ говоритъ о себѣ:

Digitized by Google

„Видишь ли, что я хотѣлъ сказать. У меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотьбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой: взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула. Въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, а къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость?“

Чѣмъ дѣйствительно объяснить ее? А между прочимъ и тѣмъ, что наша жизнь особенно богата всевозможными неожиданностями, которыя въ концѣ концовъ утомятъ и надломятъ всякаго не-героя и почти непремѣнно человѣка впечатлительнаго и даровитаго. Просто задавила работа, которой конца-края не видать, и еще и проще „среда заѣла“... Сознаюсь, что это понятіе старое, заѣзженное, сто разъ высмѣянное кабинетными полководцами и журнальными Редедями, такъ что совѣстно даже и повторять его, но развѣ самое явленіе исчезло изъ жизни? Если вы полагаете, что—да, то не угодно ли вамъ годикъ-другой пожить въ Пинегѣ или Мезени или какихъ-нибудь Боровичахъ? Впрочемъ, въ мѣстахъ и ближе къ центрамъ и самыхъ центрахъ дышится совсѣмъ не легко и не свободно. А бываютъ эпохи, полосы, когда въ воздухѣ чувствуется такой гнетъ, такая тоска и безпомощность и въ то же время что-то настолько грозное и жестокое, что Ивановыхъ должно

Digitized by Google

быть очень много. Что-то жалкое, безконечно грустное лежитъ на душѣ, что-то клещами сдавило твою мысль, и за струю свѣжаго, бодрящаго воздуха готовъ отдать все.

Ивановъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, Астровъ пьетъ горькую, дядя Ваня, навѣрное, сопьется. Вотъ она—она роковая судьба лучшихъ людей, культуртрегеровъ провинціи. Помилуйте, эта провинція нищая не въ экономическомъ только отношеніи и у нея есть неодолимое орудіе для побѣды надъ всякимъ утопизмомъ, идеализмомъ и благородствомъ чувствъ. Это орудіе—мелочи. Огромное и совершенно справедливо оцѣненное значеніе придаетъ имъ Чеховъ, и сколько этихъ мелочей, этихъ смертоносныхъ бактерій поотмѣчено имъ и закрѣплено въ крошечныхъ разсказахъ. Чтобы не быть многословнымъ, остановлюсь на лучшемъ, недавно появившемся въ печати,—миніатюрѣ: „Человѣкъ въ футлярѣ", гдѣ молодой беллетристъ высказался особенно полно и характерно.

Представьте себѣ, напр., такую фигуру провинціальнаго преподавателя Бѣликова: „Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда вынималъ онъ перочинный ножъ, чтобы оточить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой; когда садился на извозчика, то приказывалъ подымать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя обо-

Digitized by Google

лочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ, и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни".

Кажется, дѣло ясное: передъ вами дрянь и ничтожество, такъ, мразь какая-то, которую и задавить не стоитъ.

Теперь посмотрите, какіе онъ выкидываетъ фокусы: „Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно,—очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло,—и что если бъ изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было бы хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька, онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключали и Петрова, и Егорова".

Конечно, одинъ Бѣликовъ значитъ очень мало, но вообразите себѣ милліонъ такихъ Бѣликовыхъ, при-

Digitized by Google

таившихся по разнымъ угламъ и норамъ, и вы увидите передъ собою силу болѣе грозную, чѣмъ Александръ Македонскій и воинство его.

Правда, эти совы жизни Персіи не завоюютъ, но что онѣ поѣдятъ самое жизнь или обратятъ ее въ стоячее болото, это несомнѣнно. Сила Бѣликовыхъ, конечно, не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что окружающая публика слишкомъ уже ихъ боится, слишкомъ балуетъ ихъ своимъ послушаніемъ, а потомъ, по русскому обычаю, только разводитъ руками, съ недоумѣніемъ вопрошая себя: „да какъ же мы могли слушаться какого-нибудь Бѣликова и исключать изъ-за его нытья несчастныхъ и Петрова, и Егорова?“.

„Мы, учителя,—продолжалъ Буркинъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, -боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же,—наши учителя народъ все мыслящій, глубоко-порядочный, однако же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію—весь городъ! Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, у насъ стали бояться всего,—бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, помогать бѣднымъ...“

Прежде всего важенъ самый фактъ, что трусъ Бѣликовъ, боящійся всего — простуды, промелькнувшей за окномъ тѣни, гимназическихъ проказъ, заставляетъ трепетать передъ собою цѣлый городъ и даже людей умныхъ и глубоко-порядочныхъ. И особенно страшно то, что Бѣликовъ не негодяй, не прохвостъ: онъ дѣйствуетъ не изъ корысти, не изъ-за карьеры; самъ онъ даже не ищетъ для себя никакой выгоды: онъ дѣйствительно боится офицера, гуляющаго съ классной дамой, и женщины, катающейся на велосипедѣ. Совсѣмъ без-

Digitized by Google

сознательно онъ дѣйствуетъ, какъ опытный гипнотизеръ, вліяя на окружающихъ легкими пассами страха насчетъ того, что какъ бы чего не вышло изъ этого. И окружающіе вѣрятъ ему, какъ загипнотизированный вѣритъ, что ѣстъ ананасъ, съ аппетитомъ жуя картофельную шелуху.

Хороша его фигура, съ поразительной отчетливостью обрисованная въ коротенькомъ разсказѣ, хороша фигура и разсказчика Буркина, недоумѣвающаго, какъ это онъ цѣлыхъ 15 лѣтъ слушался Бѣликова, не смѣя даже завести себѣ велосипеда. Если это не сатира, то нѣчто очень близкое къ ней,—во всякомъ случаѣ, превосходное и художественное произведеніе. Никто, даже храбрый (особенно по части перепечатокъ, выдаваемыхъ за критическіе фельетоны) г. Скабичевскій не скажетъ про „Человѣка въ футлярѣ", что, „быть можетъ, въ этомъ произведеніи и была философическая мысль... Но если такая мысль и была у автора, то выражена она недостаточно ясно и опредѣленно". Здѣсь вы видите цѣльное міросозерцаніе и вполнѣ отчетливое отношеніе къ жизни.

Повторяю, оно очень и очень мало радостное. Мы видимъ передъ собой вереницу людей, загубленныхъ средой, неудачами любви, „уѣздомъ", наконецъ, мы слышимъ очень суровый приговоръ, что изъ ничего не выйдетъ ничего. И когда вы берете не одинъ какой-нибудь разсказъ Чехова, а цѣлый рядъ этихъ разсказовъ, выясняется та идея автора, которая рѣшительно не даетъ ему покоя. Всѣ его неудачники—добрые, честные и умные, даже талантливые люди. Ихъ губитъ жизнь, какъ представителей обреченнаго поколѣнія. Кто спивается, кто застрѣливается, кто окончательно махнулъ на себя рукой, но, во всякомъ случаѣ, они

Digitized by Google

тѣмъ или другимъ способомъ сходятъ со сцены. Вокругъ нихъ, этихъ прекрасныхъ, носящихъ въ себѣ задатки новой, лучшей жизни, людей толпятся бездушные, безсердечные эгоисты. Эти добиваются счастья, тѣхъ же постигаетъ неудача. И посмотрите, чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ въ представленіи Чехова хуже живется ему. Его герои страдаютъ и за благо, которое они хотятъ принести людямъ, и за самоотверженную нѣжность, и ихъ участь по-истинѣ плачевна.

По поводу „Чайки“ я писалъ какъ-то: „въ пьесѣ гибнетъ Треплевъ, гибнетъ чайка-Нина, напрасно тратитъ свое глубокое чувство добродушная Маша. Зато торжествуютъ придирчивое, мелкое тщеславіе и холодный эгоизмъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Что-то роковое слышится въ этой грозной морали, которую Чеховъ неумолимо выводитъ изъ всѣхъ буднихъ житейскихъ столкновеній, изъ всѣхъ этихъ alte Geschichte, надоѣдливыхъ и назойливыхъ, какъ осеннія мухи, и безчисленныхъ, какъ онѣ. Отрѣшитесь на минуту отъ обыденнаго въ пьесѣ, и что же вы увидите передъ собой? Вы увидите лишь новую иллюстрацію къ вѣчной жестокой борьбѣ между высокими натурами, какъ Нина и Треплевъ, и какою-то грозною, стихійною силою людского равнодушія и людской пошлости. Въ этой борьбѣ, заранѣе можно сказать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, на чьей — пораженіе и слезы. Неизмѣрима сила пошлости и безсердечія, и гдѣ же бороться съ ними тѣмъ, кто такъ довѣрчивъ, кто ищетъ только ласки и участія, кто готовъ за простое человѣческое отношеніе къ себѣ пожертвовать самою жизнью. Все равно, какъ Нина не перестанетъ любить до конца обманувшаго ее Тригорина, такъ и послѣдняя мысль Треплева принадлежитъ равнодушной и презирающей его „мамѣ“, любви

Digitized by Google

которой онъ такъ и не могъ добиться. Повторяю, это—грозная мораль, мораль обыденныхъ житейскихъ отношеній, и въ глубокую грусть, грусть, слышную въ каждомъ словѣ, вводитъ она нашего художника...“

III.

Счастье г. Чехова настолько поразительно, что по поводу первыхъ же его произведеній поднялся довольно интересный литературный разговоръ объ отцахъ и дѣтяхъ, ихъ распряхъ и раздорахъ, взаимномъ непониманіи и недовѣріи. Дѣти будто бы отказались отъ всѣхъ завѣтовъ отцовъ, отцы же продолжали стоять на стражѣ этихъ завѣтовъ, продолжали писать и говорить,—много писать и говорить, но—увы!—гласъ ихъ былъ уже гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и передъ ними,—какъ о томъ не разъ заявлялъ г. Михайловскій,—лишь поле, усѣянное мертвыми костями...

„О поле, поле! Кто жъ тебя усѣялъ мертвыми костями?“

Но вмѣсто того, чтобы задать себѣ этотъ законнѣйшій, а пожалуй и интересный вопросъ, отцы-сенаторы ворчали и даже очень ворчали, хотя, разумѣется, не всѣ. Шелгуновъ, напр., съ присущей ему мягкостью и даже нѣжностью старался обратить нераскаянныхъ грѣшниковъ на путь истины, жалѣлъ ихъ, заводилъ съ ними постоянно серьезные и чуткіе разговоры и, какъ говорятъ, послѣдніе годы своей жизни пользовался дѣйствительно серьезнымъ вліяніемъ, хотя, какъ кажется, изъ этого вліянія не вышло ровно ничего. Г. Скабичевскій—тотъ поступалъ еще проще, еще добродушнѣе и все присматривался—долго, очень долго, какъ Чичи-

Digitized by Google

ковъ къ Плюшкину, но и до сей поры, если не ошибаюсь, такъ и не могъ рѣшить, кто же собственно передъ нимъ — мужикъ или баба. Прочтетъ книгу журнала, посмотритъ, что тамъ пишутъ, и сейчасъ къ письменному столу: „а ну-ка, разскажемъ содержаньице“. И онъ все разсказывалъ и разсказывалъ: и про морского змія, и про Илью Богатыря.

Больше всѣхъ выражалъ свое неудовольствіе г. Михайловскій. Его „Изъ дневника читателя“, особенно же „Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ“ почти сплошь—одно неудовольствіе. И такіе-то они и сякіе—это обычная тема замѣтокъ и писемъ.

Я самъ думаю, что такихъ и сякихъ было очень много. Но, во-первыхъ, когда же было ихъ очень мало, а во-вторыхъ, едва ли это удобно поражать всѣхъ безъ разбора въ чаяніи, что ужъ тамъ высшія силы разберутъ, кто праведникъ, кто грѣшникъ, и каждому воздадутъ должное.

А что г. Михайловскій недостаточно разбиралъ, слишкомъ настроилъ себя на извѣстный ладъ и, такъ сказать, увлекся правилами суздальской критики—безусловно приверженной къ одному тону и одной краскѣ—это очень недурно доказывается его отношеніемъ къ Чехову, которому онъ какъ будто постоянно говоритъ: „насъ, братъ, не проведешь... знаемъ мы васъ, представителей новой мозговой линіи и новаго угла души“. И вообще, „что хорошаго можетъ придти изъ Назарета?“

По поводу сборника „Хмурые люди“ г. Михайловскій писалъ между прочимъ: „Признаться сказать, я началъ читать книжку съ конца, заинтересовавшись оригинальнымъ заглавіемъ послѣдняго разсказа „Шампанское“, потомъ прочиталъ въ безпорядкѣ все остальное“... „Въ разсказѣ „Шампанское“ я остановился на слѣдующихъ

Digitized by Google

хорошенькихъ строчкахъ: „Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда“. Въ разсказѣ „Почта“ опять хорошенькія строки въ томъ же вкусѣ: „Колокольчикъ что-то прозвякалъ бубенчикамъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Тарантасъ взвизгнулъ, тронулся, колокольчикъ заплакалъ, бубенчики засмѣялись“. Или вотъ еще въ разсказѣ „Холодная кровь“: „Старикъ встаетъ и вмѣстѣ со своей длинной тѣнью осторожно спускается изъ вагона въ потемки“. Какъ это въ самомъ дѣлѣ мило, и такихъ милыхъ штришковъ много разбросано въ книжкѣ, какъ, впрочемъ, и всегда въ разсказахъ г. Чехова. Все у него живетъ: облака тайкомъ отъ луны шепчутся, колокольчики плачутъ, бубенчики смѣются, тѣнь вмѣстѣ съ человѣкомъ изъ вагона выходитъ. Эта своего рода, пожалуй, пантеистическая черта очень способствуетъ красотѣ разсказа и свидѣтельствуетъ о поэтическомъ настроеніи автора. Но,—странное дѣло,—несмотря на готовность автора оживить всю природу, все неживое и одухотворить все неодушевленное, отъ его книжки жизнью все-таки не вѣетъ...“

Все это, быть можетъ, очень хорошо и даже отличается огромной критической проницательностью, но, мнѣ кажется, на основаніи доказательствъ, приведенныхъ въ этой тирадѣ, и трехъ случайныхъ фразъ, вырванныхъ изъ разныхъ разсказовъ, я имѣю полное право сдѣлать лишь тотъ выводъ, что, во-первыхъ, г. Михайловскій началъ читать „Хмурыхъ людей“ не съ начала, а съ конца, а во-вторыхъ, что у г. Чехова попадаются хорошенькія строки. И ничего больше.

Заключеніе этой тирады уже совершенно неожи-

Digitized by Google

данно: „...отъ книжки г. Чехова все-таки жизнью не вѣетъ. И это отнюдь не потому, что онъ взялся изобразить хмурыхъ людей... *Нѣтъ, не въ хмурыхъ людяхъ тутъ дѣло, а, можетъ быть, именно въ томъ, что г. Чехову все едино—что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца*“.

Это уже серьезно и какъ мнѣ это напоминаетъ превосходное опредѣленіе косвенныхъ уликъ, сдѣланное Щедринымъ. „Что такое косвенная улика“?—спрашиваетъ прокурора Миша Нагорновъ.—„Это такой признакъ преступленія, который хотя самъ по себѣ не имѣетъ *никакого* значенія, но будучи сопоставленъ съ другими, тоже не имѣющими *собственнаго* значенія признаками, будучи разсматриваемъ, такъ сказать, въ связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода не имѣющихъ никакого значенія признаковъ, составляетъ *совершеннѣйшее* доказательство“.

Я говорю, впрочемъ, не о справедливости или несправедливости приговора г. Михайловскаго, а лишь о „странности“ и „случайности“ его аргументаціи, о поражающей произвольности выбраннаго имъ критическаго пріема. Точно такимъ же пріемомъ можно свести на нѣтъ не только Чехова, но и Пушкина, и Тургенева, и, horribile dictu, самого Щедрина, что, впрочемъ, и было сдѣлано Писаревымъ. Какая на самомъ дѣлѣ масса „милыхъ штришковъ“ и у Пушкина, и Тургенева, какая масса „остротъ для остротъ“ у Салтыкова, а у Пушкина, напр., гг. гастрономы нашли даже цѣлыя меню обѣдовъ. Но заключать на основаніи этого, что великій поэтъ былъ, по преимуществу, гастрономическимъ писателемъ—право, неосторожно.

Однако, очевидно, что не „облачко“ и „колокольчики“ такъ уже больно поразили г. Михайловскаго,

Digitized by Google

а что-то другое, но что именно, онъ такъ и не высказалъ. Онъ просто-на-просто произноситъ свой приговоръ на основаніи косвенныхъ уликъ, такъ какъ приступилъ къ чтенію Чехова съ полнымъ недовѣріемъ и заранѣе опредѣлившейся точкой зрѣнія. Немудреная и слишкомъ уже прямолинейная эта точка зрѣнія.

„Г. Чеховъ пока единственный дѣйствительно талантливый беллетристъ изъ того литературнаго поколѣнія, которое можетъ сказать о себѣ, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить, и что „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нимъ безсильны". И я не знаю *зрѣлища болѣе печальнаго, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ*". „Г. Чеховъ и самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое..." Въ концѣ концовъ Чеховъ превращается въ какой-то почти „механическій аппаратъ" и это послѣ „Степи", „Иванова" и „Скучной исторіи", такъ понравившейся самому г. Михайловскому, о чемъ онъ сообщаетъ все въ той же статьѣ...

Вообще это какая-то запутанная статья. Съ одной стороны,—„дѣйствительно талантливый беллетристъ" и самая пріятная ошибка по поводу „Скучной исторіи", съ другой—„Холодная кровь" Чехова, его „пописываніе", вызывающее почитываніе, и даромъ пропадающій талантъ, и „механическій аппаратъ" и разныя другія жалкія слова... Разберемся однако въ центральномъ пунктѣ статьи г. Михайловскаго.

Очевидно, что тутъ дѣло не столько въ Чеховѣ, сколько въ поколѣніи, къ которому онъ принадлежитъ. „Это поколѣніе можетъ сказать про себя, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить"... И развѣ ничего больше? О! Я мало,

Digitized by Google

очень мало могу сказать въ защиту литературнаго поколѣнія 80-хъ годовъ. Я самъ принадлежу къ нему и до точности знаю, чѣмъ оно было. Я отъ души радъ, что оно прошло, похоронено, забыто. У меня звучатъ еще въ ушахъ его дикіе возгласы, его требованія бить лежачаго до смерти, его хвастовство безпринципностью и даже безнравственностью. Съ какой-то удивительной наглостью люди объявили вовсеуслышаніе, что имъ надо только жрать и жрать, что они просто-на-просто негодяи, но даровитые и талантливые негодяи. Я помню и г. Волынскаго, и г. Дѣдлова, и молодцовъ „Новаго Времени", радостно выплясывавшихъ какой-то дикій танецъ на развалинахъ литературной этики и приличія, помню и предложеніе, сдѣланное г. Дѣдловымъ молодежи: „дать съ юныхъ же лѣтъ клятву, что мы будемъ исполнительными чиновниками и только".—Но развѣ это все?

Самъ г. Михайловскій знаетъ, что не все, и говоритъ объ этомъ... въ той же статьѣ и основываясь на произведеніи... „почти механическаго аппарата" Чехова. Читайте сами, если забыли:

„Талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость „дѣйствительности", долженъ ущемляться тоской по тому, „что называется общей идеей или богомъ живого человѣка". Порожденіе такой тоски и есть „Скучная исторія". Оттого такъ хорошъ и жизненъ этотъ разсказъ, что въ него вложена авторская боль. Я не знаю, конечно, надолго ли посѣтило это настроеніе г. Чехова и не вернется ли онъ въ непродолжительномъ времени опять къ „Холодной крови" и распущенности картинъ, въ „которыхъ даже самый искусный аналитикъ не найдетъ общей идеи". Теперь онъ, во всякомъ случаѣ, сознаетъ и чувствуетъ, что „коли нѣтъ этого, то, значитъ. нѣтъ и

Digitized by Google

ничего". И пусть бы подольше жило въ немъ это сознаніе, не уступая наплыву мутныхъ волнъ дѣйствительности. Если онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ,—о чемъ, однако, слѣдовало бы подумать,—и также не можетъ выработать свою собственную общую идею,—надъ чѣмъ поработать все-таки стоитъ, — то пусть онъ будетъ хоть поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости".

По свому темпераменту эти строки превосходны, но нѣсколько комично, что онѣ вызваны произведеніемъ „Холодной крови" г-на Чехова, а увѣщанія и пожеланія обращены все къ тому же „пописывающему" и „почти механическому аппарату"—г-ну Чехову! Ну что на самомъ дѣлѣ можетъ почувствовать механическій аппаратъ, какія увѣщанія и пожеланія разогрѣютъ холодную кровь и откуда эта *тоска по общей идеѣ* (идеалѣ, вѣрнѣе) у человѣка, который вмѣстѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ можетъ сказать про себя, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить, и ничего больше?

Тоска по общей идеѣ—это очень большія слова. Это значитъ—тоска по идеалу, тоска по цѣльности міросозерцанія, по цѣльности *натуры*, въ которой умъ не вступалъ бы въ постоянную борьбу съ чувствомъ и, наоборотъ, въ которой различныя настроенія не играли бы между собой въ чехарду, по такой жизни, наконецъ, когда человѣкъ не видитъ ежеминутно оскорбленнымъ свое сердце и свое пониманіе. И чтобы восчувствовать такую тоску, мало быть хотя бы и дѣйствительно талантливымъ беллетристомъ... И развѣ мы не знаемъ многихъ дѣйствительно талантливыхъ беллетристовъ и поэтовъ, никогда никакой тоски не ощущавшихъ и

Digitized by Google

радостно припадавшихъ къ „подножію ногъ“ всякаго сильнаго мерзавца?

Страшно много упустилъ г. Михайловскій въ своей оцѣнкѣ Чехова и, прежде всего, конечно, не потому, чтобы у него недоставало критической проницательности, а благодаря своему предвзятому взгляду на литературную эпоху 80-хъ годовъ, которую онъ взялъ да и похерилъ всю сразу, и какому-то своему упорному недовѣрію ко всякимъ новымъ силамъ, не получившимъ его благословенія. Но нехорошо, въ концѣ концовъ, быть человѣкомъ, полагающимъ, что онъ всю истину носитъ у себя въ жилетномъ карманѣ—всю и всякую истину — и философскую, и соціологическую, и эстетическую, и политическую, и экономическую, и что „все это у него написано“.

Литературная эпоха 80-хъ годовъ была во многихъ отношеніяхъ пренаипаскуднѣйшая,—я объ этомъ уже говорилъ и повторять того же самаго не буду. Было въ избыткѣ и наглости, и самодовольства, но смѣшно и странно не видѣть, что это была въ то же время и *критическая* эпоха очень немалаго значенія. Пусть критика происходила въ темнотѣ и сумбурѣ, но все же происходила критика. Многое старое, прежнее достигло своей полноты и художественной законченности, какъ, напр... Къ народническимъ идеализмомъ и народнической романтикой случилось то же самое: ея столпы пошатнулись, ослабѣли, и горькое чувство какой-то своей ненужности, какой-то ошибки своей прежней вѣры въ преувеличенномъ даже видѣ овладѣло ими. Настало время азартнаго исканія новаго слова, но не все азартнаго и самонадѣяннаго, а часто тоскливаго.

Но „слово“, повторяю, искалось въ „темнотѣ и сумбурѣ“, и тоскливое его исканіе постоянно заглушалось

Digitized by Google

торжествующими возгласами патріотическихъ канниба ловъ. Къ тому же часто оно было робко и неумѣло и само какъ-то не вѣрило въ себя и осуществленіе своихъ затаенныхъ думъ. Но отрицать его—значитъ то же самое,что отрицать такіе очевидные факты какъ толстовское движеніе, какъ тоску по общей идеѣ Чехова и многое имъ подобное.

Я скажу, что критика той эпохи была уже слишкомъ односторонне-критической, т. е. источникомъ ея была не сознанная или просто-на-просто признанная правда истины, а духовная неудовлетворенность завѣтами отцовъ и дѣдовъ, часто прямо смутное, но все же настойчивое недовольство ими и тѣмъ, что еще наканунѣ они, эти завѣты, высказывались такъ властно и повелительно.

Эта критика стремилась прежде всего установить полную духовную независимость и свободу человѣка, и такое стремленіе не разъ и не два принимало уродливую форму. Для одного „полная духовная свобода и независимость“ означала: „наплевать мнѣ на все“; для другого—„хочу быть прохвостомъ и мерзавцемъ и буду имъ въ веселіи духа своемъ“; для третьяго поставить себѣ такой вопросъ значило поставить на карту все свое земное благополучіе.

Оттого-то ярко выступаютъ на сцену преобладающія двѣ черты эпохи—ея разнузданность и тоскливость.

Но, очевидно, что эта тоскливость ничего не имѣла, да и не могла имѣть общаго ни съ удовлетворенностью дѣйствительностью, ни тѣмъ менѣе съ преклоненіемъ передъ ней. Эта удовлетворенность и это преклоненіе—совсѣмъ изъ другой оперы, оперы ликовавшихъ и праздноболтавшихъ.

Однако и на „дѣйствительность“ постепенно вырабатывалась особенная точка зрѣнія. Дѣло въ томъ, что

Digitized by Google

въ завѣтахъ отцовъ и дѣдовъ ей отводилось совсѣмъ, совсѣмъ скромное мѣсто; ее третировали очень и очень презрительно, смотрѣли на нее свысока, водили въ затрапезномъ платьѣ и увѣряли, что отдѣлаться отъ нея такъ же легко, какъ сбросить сапогъ съ ноги. Стоитъ лишь искренне хотѣть, глубоко и самоотверженно вѣрить,—все же остальное приложится само собой. Дѣйствительность—это мерзость запустѣнія, и все, даже на водѣ вилами писанное, лучше ея.

Чтобы, такъ сказать, уязвить дѣйствительность, въ пику ей зачастую приводилось извѣстное двустишіе Пушкина:

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ...“

Г. Михайловскій очень, повидимому, любитъ эти стихи и даже теперь нѣтъ-нѣтъ да и припоминаетъ ихъ, кому въ похвалу, кому въ посрамленіе. И не спорю—стихи хорошіе, такъ какъ всегда и во всемъ хорошо то, что возвышаетъ человѣка, и скверно все, что принижаетъ или унижаетъ его. Но, въ зависимости отъ точки зрѣнія, это въ то же время и опасные стихи, такъ какъ, понимая ихъ буквально, мы немедленно наталкиваемся на вопросъ: въ какой именно дозѣ допустимъ возвышающій обманъ и сколько обмановъ можетъ имѣть человѣкъ въ своемъ обиходѣ? Одинъ, сто, тьму? Слѣдуетъ другой вопросъ: въ какой мѣрѣ пользоваться этимъ обманомъ и гдѣ доподлинная граница его примѣненія? Если, напр., позволительно думать, что всѣ люди любятъ меня и желаютъ мнѣ счастья, то позволительно ли держаться той же точки зрѣнія, когда равнодушно проходятъ мимо твоихъ умирающихъ дѣтей, когда насилуютъ твою жену или при чемъ-нибудь

Digitized by Google

подобномъ? Еще вопросъ: не дѣйствительно ли страшная трагедія, когда человѣкъ, жившій возвышающимъ обманомъ, какимъ-нибудь образомъ вдругъ да пойметъ, что это онъ точно жилъ обманомъ, въ которомъ столько же истины, сколько воды въ камнѣ?..

Нѣтъ, это опасные стихи, и, главное, Пушкинъ хотѣлъ сказать ими совершенно другое, чѣмъ то, что говорятъ наши славные и неславные вродѣ г-на Михайловскаго публицисты. Онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду дѣйствительность вообще, а лишь дѣйствительность свѣтскихъ отношеній, не истину вообще, а лишь истину свѣтской общепринятой морали и приличій. И ничего больше.

Передъ поколѣніемъ 80-хъ годовъ дѣйствительность, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, предстала во всей своей огромности и могуществѣ идея. Собственно говоря, она и всегда „предстояла“, но сила вѣры людей въ самихъ себя и помощь изъ другого, высшаго, чѣмъ они, источника закрывала это величіе дѣйствительности. Теперь же оказалось, что вѣры въ самихъ себя нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, она въ угнетеніи, вѣра же въ помощь изъ другого источника одинаково поколеблена. Отсюда растерянность мысли, непрочность настроенія, импрессіонизмъ въ искусствѣ, мелочность научныхъ изслѣдованій и пр., и пр.

Открывалось нѣсколько исходовъ. Надо было или прилѣпиться къ дѣйствительности со всѣмъ безобразіемъ, которое она въ себѣ заключала, приспособить свой желудокъ къ той пищѣ, которую она давала, не мечтать нисколько объ острой приправкѣ идеаловъ и въ заключеніе ликовать, или уйти въ самого себя, или же тоскливо всматриваться въ тусклую и сѣрую жизнь, тоскливо слѣдить за прихотливой и капризной игрой

Digitized by Google

свѣта и тѣней въ окружающей обстановкѣ, страннымъ, безсмысленнымъ даже распредѣленіемъ счастья и несчастья, удачъ и неудачъ среди людей, случайными драмами, случайными комедіями, случайнымъ смѣхомъ и одинаково случайными слезами. Настали во-истину сумерки просвѣщенія, и въ нихъ-то, мнѣ кажется, надо искать объясненія особаго колорита первыхъ произведеній Чехова, а никакъ не въ его „холодной крови“ или „механизмѣ“ его творчества. Какъ нельзя болѣе естественна и нѣкоторая его растерянность и случайность избираемыхъ темъ. Но была тоска, было исканіе, и это, даже по православному эстетическому кодексу г-на Михайловскаго, очень и очень много значитъ.

Эту тоску и исканіе г. Михайловскій увидѣлъ только въ „Скучной исторіи“, какъ же не увидѣлъ онъ ее въ въ драмѣ „Ивановъ“ или въ излюбленномъ художественномъ пріемѣ г. Чехова изображать стеченіе мельчайшихъ жизненныхъ обстоятельствъ, откуда происходятъ, однако, ужасающія драмы, — этого я, откровенно говоря, не понимаю. Вѣдь въ тѣхъ же „Хмурыхъ людяхъ“ есть разсказъ („Спать хочется“) о томъ, какъ тринадцатилѣтняя дѣвчонка Варька, состоящая въ нянькахъ у сапожника и не имѣющая минуты покоя, убиваетъ порученнаго ей грудного ребенка потому, что именно онъ мѣшаетъ ей спать... Откуда, наконецъ, это почти постоянное глубоко-грустное впечатлѣніе почти всѣхъ разсказовъ — даже юмористическихъ — г-на Чехова?..

Отчего же, — спрашиваетъ г. Михайловскій, — вы, г. Чеховъ, постоянно разсказывая намъ о такихъ ужасахъ, не плачете, какъ плакалъ, напр., Гаршинъ?

Оттого, вѣроятно, что у г-на Чехова глаза не на слезливомъ мѣстѣ... Или, — говоря безъ шутокъ, — оттого, что

Digitized by Google

онъ художественная натура по преимуществу, т. е. такая, для которой жизнь природы и людей—столько же матеріалъ любви и ненависти, сколько и интереса. Плакалъ ли, напр., Пушкинъ, описывая драмы крѣпостного права и притомъ такими рѣзкими штрихами, какихъ не было ни до него, ни послѣ? Нѣтъ, не плакалъ. Плакалъ ли когда-нибудь Гете? Кажется, тоже нѣтъ, даже въ „Вертерѣ". Вообще сомнѣваюсь, чтобы дѣйствительно художественная натура всегда плакала въ минуты вдохновенія: тутъ интересъ страстный, захватывающій интересъ творчества поглощаетъ всѣ остальные.

Все-таки, полагаю, важны не слезы, а серьезное отношеніе къ жизни, ея пониманіе.

IV.

По поводу драмы „Ивановъ" г. Михайловскій говоритъ между прочимъ: „Въ „Ивановѣ", комедіи, не имѣвшей, *къ счастью*, успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ вышеприведенныхъ „дѣтскихъ" тезисовъ: „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны"; „для насъ существуетъ только дѣйствительность, въ которой намъ суждено жить и которую мы потому и признали! Эта проповѣдь была уже даже и не талантлива, да и какъ можетъ быть талантлива идеализація отсутствія идеаловъ. Не везетъ г. Чехову на большія вещи"... Что за дерзость!.. Это послѣ „дяди Вани"!.. „Ивановъ"—опять пропаганда тусклаго, сѣраго, умѣреннаго и аккуратнаго житія" и т. д.

Привожу этотъ отзывъ главаря одной — по старой памяти—еще очень и очень вліятельной части нашей литературы, просто въ видѣ иллюстраціи того непониманія, которое встрѣчали и все еще продолжаютъ встрѣ-

Digitized by Google

чать драматическія произведенія Чехова въ нашей литературѣ.

Другой критикъ, уже гораздо позже, пишетъ:

„По общему приговору театральныхъ рецензентовъ, въ Чеховѣ мало драматическаго таланта. Его пьесы мѣстами растянуты, мѣстами въ нихъ ведутся совершенно ненужные разговоры (напримѣръ, въ „Дядѣ Ванѣ“ передъ рѣшительнымъ моментомъ пьесы есть какая-то газетная передовица насчетъ обезлѣсенія и несомнѣнной пользы раціональнаго лѣсного хозяйства!); вообще же, въ нихъ слишкомъ мало дѣйствія, а то дѣйствіе, которое есть, происходитъ гдѣ-то за кулисами (напримѣръ, въ „Чайкѣ“). Спорить съ гг. театральными рецензентами у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты; замѣчу отъ себя, и то въ самой общей формѣ, что пьесы Чехова отличаются не столько трагическимъ, сколько ноющимъ характеромъ: подчасъ чувствуешь, точно несчастный въ любви комаръ жужжитъ у тебя надъ ухомъ на протяженіи двухъ-трехъ актовъ. Ей-ей скучновато. Но это — ничего; все же у Чехова есть идея, есть настроеніе“.

Вообще можно сказать, что репутація Чехова-драматурга гораздо ниже его репутаціи какъ беллетриста. Въ то время, какъ его разсказы и повѣсти выдерживаютъ одно изданіе за другимъ, пьесы за два года не могутъ дождаться и второго. Съ образцовой сцены онѣ снимаются очень скоро („Ивановъ“); случился и прямой провалъ („Чайки“). Говоря о нихъ, критика впадаетъ въ скучный, нравоучительный тонъ, увѣряетъ, что Чеховъ берется не за свое дѣло, что его назначеніе писать и писать повѣсти и разсказы, а пьесы писать не слѣдъ, что беллетристъ вообще не можетъ быть хорошимъ драматургомъ, что и Золя терпитъ постоян-

Digitized by Google

ныя неудачи на сценѣ, что и самъ Тургеневъ, на-ряду съ геніальными „Отцами и дѣтьми“, создалъ блѣдный „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, что „Плоды просвѣщенія“ и „Власть тьмы“ ниже всего написаннаго Толстымъ и пр., и пр. Отъ „Чайки“ критика пришла даже въ прямое негодованіе и, забывши дѣйствительное свое назначеніе, ограничилась какими-то нечленораздѣльными звуками вродѣ: „бредъ... галлюцинація... ничего не понимаю“... и бѣдная „Чайка“, какъ я выше замѣтилъ, провалилась (1896 г.). Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю, что и тогда мнѣ было жаль двукратной гибели бѣдной птицы, безжалостно загубленной въ пьесѣ литераторомъ Тригоринымъ, а на сценѣ — актерами образцовой труппы. Провалъ казался окончательнымъ, почему удивило извѣстіе, что „Чайка“, возобновленная въ Москвѣ нынѣшней зимою, встрѣтила какъ разъ обратное отношеніе къ себѣ, вызвала къ себѣ вниманіе и даже восторги и стала, пожалуй, гвоздемъ сезона, хотя, разумѣется, и не въ такой степени, какъ „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ въ Петербургѣ. Но вѣдь въ пьесѣ Чехова очень немного мѣста для декоративныхъ эффектовъ, и требуетъ она очень и очень многаго какъ отъ исполнителей, такъ и отъ созерцающей публики. Въ столицѣ я, по крайней мѣрѣ, не знаю актера, который съ легкимъ сердцемъ и будучи въ твердомъ умѣ и здравой памяти могъ бы взяться за роль Треплева: до того она сложна и до того *интеллигентна*. Такъ же сложны и такъ же интеллигентны „Ивановъ“ и „Дядя Ваня“— причина, какъ видите, совершенно основательная, чтобы ставить ихъ какъ можно рѣже, а пожалуй, и совсѣмъ не ставить... По этой части все, вообще говоря, обстоитъ благополучно.

Прежде чѣмъ приступлю къ частному разбору пьесъ

Digitized by Google

Чехова, считаю нужнымъ замѣтить, что излюбленнымъ его типомъ, къ которому онъ относится съ большой и очевидной симпатіей, является типъ русскаго талантливаго неудачника. Варьируетъ онъ его съ большимъ мастерствомъ, ставя въ разныя положеиія — то общественнаго дѣятеля („Ивановъ"), то развивая драму на преимущественно („Чайка") или даже исключительно („Дядя Ваня") психологической почвѣ. Этотъ типъ — общее звено всѣхъ пьесъ, и, мнѣ кажется, что, удѣляя ему столько вниманія, Чеховъ поступаетъ совершенно справедливо. Не говоря уже о томъ, что, съ извѣстной точки зрѣнія, всѣ мы, русскіе люди, даже крупнѣйшіе изъ насъ—неудачники, но просто съ точки зрѣнія русской литературы типъ неудачника—очень и очень важный, который одно поколѣніе, какъ какое-нибудь проклятое наслѣдіе, передаетъ другому „для дополненія и исправленія". Но исправляется онъ плохо. Всѣ эти Онѣгины, Чацкіе, Печорины, Бельтовы, Рудины, Райскіе, Карамазовы (Дмитрій, Иванъ), Раскольниковы, Каренины (Анна) и пр. и пр., что иное, какъ не натуры высшей чувствительности и высшихъ требованій, для которыхъ не нашлось мѣста на жизненномъ пиру?.. Превосходную характеристику даютъ талантливымъ натурамъ Щедринъ и Добролюбовъ, которую и напомню:

„Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые переваривaютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ, во-первыхъ, „червякъ", во-вторыхъ, то, что „на жизненномъ пирѣ"

Digitized by Google

для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашность натуры. Но главное — червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ уголъ, не зная, куда преклонить голову; онъ познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ: онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея—какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ ни вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслію о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы... и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдотрагическомъ настроеніи“ (Щедринъ).

„Печоринскія замашки и претензіи на талантливость натуры являются всегда, какъ уже замѣтилъ Щедринъ, въ молодомъ поколѣніи, обладающемъ сравнительно большею свѣжестью силъ, болѣе живою воспріимчивостью чувствъ. Подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, молодые люди находятся въ необходимости сдѣлать, наконецъ, выборъ между ними. Начинается внутренняя работа, которая въ иныхъ исключительныхъ

Digitized by Google

личностяхъ продолжается безостановочно, идетъ живо и самостоятельно, съ строгимъ разграниченіемъ внутреннихъ органически-естественныхъ побужденій отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе насильственно. Но подобныя личности представляютъ исключеніе, тѣмъ болѣе рѣдкое, чѣмъ ниже стоитъ образованность всего общества. Самая же большая часть людей, начинающихъ работать мыслью въ обществѣ мало образованномъ, оказывается слабою и негодною, чтобы устоять противъ ожидающихъ ихъ препятствій. Съ самаго появленія своего на бѣлый свѣтъ, въ самые первые впечатлительные годы жизни — люди новаго поколѣнія окружены все-таки средою, которая не мыслитъ, не движется нравственно, о мысли всякаго рода думаетъ, какъ о дьявольскомъ навожденіи, и безсознательно-практически гнетъ и ломаетъ волю ребенка. Это второе обстоятельство — противодѣйствіе начальнаго воспитанія и всей окружающей среды идеямъ времени, которому уже принадлежитъ новое поколѣніе, и приводитъ къ паденію большую часть талантливыхъ натуръ. Возникли у нихъ кое-какія требованія, которымъ прежняя среда и прежняя жизнь не удовлетворяютъ: надобно искать удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ. Но для этого надо много продолжительныхъ усилій, надо долго плыть противъ теченія. Между тѣмъ корабль давно уже стоитъ на мели, и балластъ грузно лежитъ внизу. Талантливыя натуры, замѣтивъ, что все около нихъ движется, — и волны бѣгутъ, и суда плывутъ мимо,—рвутся и сами куда-нибудь, но снять корабль съ мели и повернуть по-своему они не въ силахъ, уплыть одни далеко отъ своихъ — боятся: море невѣдомое, а пловцы они плохіе. Напрасно кто-нибудь, болѣе ихъ искусный и неустрашимый, переплывшій на

Digitized by Google

противный берегъ, кричитъ имъ оттуда, указывая путь спасенія: плохіе пловцы боятся броситься въ волны и ограничиваются тѣмъ, что проклинаютъ свое малодушіе, свое положеніе, и иногда, заглядѣвшись на бѣгущую мимо струю или ободренные крикомъ, вылетѣвшимъ изъ капитанскаго рупора, вдругъ воображаютъ, что корабль ихъ бѣжитъ, и восторженно восклицаютъ: „пошелъ, пошелъ, двинулся!“ Но скоро они сами убѣждаются въ оптическомъ обманѣ и опять начинаютъ проклинать или погружаться въ апатичное бездѣйствіе, забывая простую истину, что имъ придется умереть на мели, если они сами не позаботятся снять съ нея корабль и, прежде всего, хоть помочь капитану и его матросамъ выбросить балластъ, мѣшающій кораблю подняться“ *).

Мимоходомъ замѣчу, характеристики Щедрина и Добролюбова относятся къ тому же времени, къ самому расцвѣту нашей жизни.

Добролюбовъ весь на сторонѣ талантливыхъ натуръ и въ гибели ихъ винитъ исключительно „среду“. „Намъ скажутъ, — продолжаетъ онъ,—отчего же эта среда не оказываетъ такого же вліянія на другихъ, отчего же именно на талантливыя натуры она дѣйствуетъ такъ гибельно? Отвѣтъ простъ: эти натуры, *по своей впечатлительности, забѣгаютъ дальше другихъ, часто захватываютъ больше, чѣмъ сколько могутъ вынести, и при этомъ чаще другихъ встрѣчаютъ противодѣйствіе*“. Талантливыя натуры Добролюбовъ противоставляетъ „дѣтямъ милымъ и благонравнымъ“, которыя наслаждаются спокойствіемъ блаженнаго невѣдѣнія. Это простые исполнители. „Въ ученьѣ, службѣ, въ жизни—они всегда исправны, что

*) Добролюбовъ. Соч., т. I.

Digitized by Google

имъ прикажутъ, то они сдѣлаютъ, что дадутъ выучить—выучатъ, до какихъ границъ позволятъ дойти, до тѣхъ дойдутъ!..“

„Таланливыя натуры—это какіе-то роковые, заранѣе обреченные на гибель неудачники. Ихъ губитъ все—ихъ собственная талантливость, не поддержанная волей и энергіей характера, ихъ слабодушіе, ихъ лѣнь и, наконецъ, водка... Первые успѣхи на жизненномъ поприщѣ внушаютъ имъ самонадѣянность, по своей впечатлительности они преувеличиваютъ эти первые свои успѣхи и думаютъ, что „всегда такъ будетъ“. Они совершенно забываютъ, что ихъ сторожатъ уже зависть и всевозможныя неожиданныя препятствія, которыя и пожрутъ всѣ ихъ начинанія. Для настойчивой, упорной борьбы у нихъ нѣтъ силъ, нѣтъ внутреннихъ средствъ и ихъ банкротство наступаетъ такъ же скоро, какъ и ихъ первыя удачи.

„Для талантливыхъ натуръ, вообще говоря, нѣтъ еще почвы въ молодомъ, только начинающемъ жить сознательною жизнью обществѣ, любящемъ спокойствіе и, по преданію, нетерпящемъ новшества“. Къ этому въ концѣ концовъ сводится взглядъ Добролюбова.

Я уже замѣтилъ выше, что свою характеристику, основанную на типахъ изъ „Губернскихъ очерковъ“ Щедрина, онъ писалъ 40 лѣтъ тому назадъ и, очевидно, лишь съ цѣлью опредѣлить, насколько „талантливыя натуры полезны или безполезны для молодого общества“? Психологіей ихъ онъ интересовался сравнительно мало, больше успѣшностью ихъ работы и, видя, что успѣховъ отъ „талантливыхъ натуръ“ ожидать такъ же трудно, какъ отъ коровы жеребенка, рѣшилъ, что изъ обоихъ намѣченныхъ имъ разрядовъ людей „оба хуже“. „Но все же талантливыя натуры

Digitized by Google

даютъ несравненно больше хорошихъ надеждъ,—заканчиваетъ онъ,—чѣмъ убитыя существа безъ всякихъ стремленій. Онѣ, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хотя смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ"... А пока же они должны вымирать...

40 лѣтъ—время не малое, но—странное дѣло!—если судить по пьесамъ Чехова, основныя черты талантливыхъ натуръ—остаются все тѣми же. Онѣ одинаково порывисты, страстно впечатлительны, захватываютъ дѣла больше, чѣмъ сколько могутъ выполнить, быстро утомляются, такъ какъ никакой твердости характера, никакой силы для борьбы съ препятствіями онѣ выработать не успѣли и по-прежнему убираютъ себя изъ жизни или самоубійствомъ, или водкой... Отъ ихъ работы остается ровно ничего: „пустыня мертвая и небеса надъ ней",—та же тусклая, сѣрая жизнь съ ея случайными и роковыми хитросплетеніями.

Конечно, талантливыя натуры Чехова не совсѣмъ то же самое, что у Щедрина, и характеристика Добролюбова ихъ не покроетъ. Онѣ во всякомъ случаѣ ближе къ талантливымъ человѣкамъ Тургенева—всѣмъ этимъ Рудинымъ, Гамлетамъ, Базаровымъ и Нежданoвымъ, чѣмъ къ кому-нибудь другому. Но и тутъ есть самостоятельныя и оригинальныя черты, отмѣтить которыя, какъ кажется, не лишнее.

Дѣло вотъ въ чемъ. Я искренно убѣжденъ, что вопросъ о роли талантливыхъ натуръ въ жизни, успѣшности и безуспѣшности ихъ работъ, ихъ судьбѣ вообще, вопросъ очень серьезный. Это не матеріалъ для состраданія или сожалѣнія, или вздоховъ—это въ скрытомъ

Digitized by Google

видѣ своемъ огромная проблема „свободы и необходимости“, которая всегда способна раздѣлить, да и не разъ дѣлила смежныя между собою поколѣнія. Кромѣ вопроса—что дѣлать, иные моменты съ особенной настойчивостью выдвигаютъ на сцену вопросъ—что я могу сдѣлать, долженъ ли я вообще дѣлать что-нибудь и не все ли равно—стану ли я огородъ городить, ходить въ департаментъ на службу, созерцать кончикъ собственнаго носа или производить цѣнности. Въ болѣе широкомъ своемъ видѣ это вопросъ о роли личности въ исторіи, вопросъ трудный и нерѣшенный даже профессоромъ Карѣевымъ, хотя тотъ и старался,—ахъ какъ старался рѣшить его! и что-то много и много писалъ объ этомъ.

Талантливая натура потому и называется талантливой натурой, что у ней больше силы, чѣмъ у натуры обыденной, лишенной иниціативы, идущей всегда по проторенной колеѣ и даже не подозрѣвающей, что̀ изъ нея можетъ выйти. Но если эта талантливая натура, несмотря на свою большую силу, ровно ничего не *можетъ* сдѣлать, если ея работа уподобляется вращенію бѣлки въ колесѣ, если въ концѣ концовъ безразлично, *жили* ли на данномъ меридіанѣ талантливыя натуры или просто были натыканы осиновые колы—то какая же моя роль, мое предназначеніе—роль и предназначеніе обыденнаго смертнаго?

Всякій, отрицающій какую бы то ни было „роль личности въ исторіи“,—прежде всего наталкивается на вопросъ о герояхъ и геніяхъ. Всякій, признающій эту роль, начинаетъ съ указанія на героевъ и геніевъ, т. е. тѣхъ же иниціаторовъ, тѣхъ же талантливыхъ натуръ, но съ бо̀льшими средствами, чѣмъ послѣднія.

Этого вопроса не минуешь, все равно о чемъ бы

Digitized by Google

вы ни заговорили—нравственности, экономикѣ, политикѣ.

Совсѣмъ оригинально и совсѣмъ въ духѣ опредѣлившаго его времени рѣшаетъ его Чеховъ.

V.

Я уже замѣтилъ, что талантливые неудачники Чехова особенно близки къ лишнимъ людямъ Тургенева и отличаются такой же мягкостью характера, такой же женственностью натуры, такой же готовностью къ безсмысленному — даже съ общественно-экономической точки зрѣнія—самопожертвованію, какъ и эти послѣдніе. Это прежде всего нѣжные люди, хрупкія организаціи, артистическія натуры, съ дѣтской потребностью ласки и утѣшенія, съ постоянной готовностью ныть, жаловаться на свою судьбу, но не на людей, — чему мѣшаетъ ихъ самолюбіе, — глубоко честные, но безъ всякой выдержки, хватающіеся за револьверъ или стаканъ водки, всякій разъ, какъ жизнь требуетъ отъ нихъ рѣшительнаго поступка. Это совсѣмъ не работники, это—люди мгновеннаго героизма съ ясно выраженными болѣзнями воли, растеряннымъ міросозерцаніемъ и какимъ-то органическимъ испугомъ передъ жизнью. Всякій коренной восьмидесятникъ узнаетъ въ нихъ самого себя, вслухъ, разумѣется, выругаетъ, въ душѣ пожалѣетъ, а отчасти пожалуй и одобритъ: въ нихъ есть несомнѣнно и душевная красота, и стремленіе къ духовной полнотѣ личности. Это доподлинные продукты общественной эволюціи въ тяжелую минуту растерянности и нарожденія новыхъ началъ, это люди тоскливаго исканія, прежде всего. Они такъ плотно приросли къ своей обстановкѣ, что по необходимости чувствуютъ себя чужеземными растеніями во всякой

Digitized by Google

другой. Плоть отъ плоти и кость отъ костей своего времени, они могутъ быть симпатичны и ярки лишь при особомъ освѣщеніи эпохи: только это освѣщеніе можетъ открыть всѣ ихъ достоинства, оправдать всѣ ихъ недостатки и соединить въ одно гармоническое цѣлое ихъ неясныя и кажущіяся угловатыми или безсмысленными черты. Чтобы сдѣлать ихъ понятными, отчасти даже привлекательными для другого времени, для другихъ людей, выросшихъ въ другихъ условіяхъ общественности и другихъ ея интересахъ, критика должна стать прежде всего исторической и критикъ — обратиться прежде всего въ историка. Точка зрѣнія Добролюбова вполнѣ приложима къ нимъ, какъ къ работникамъ, но не покрываетъ ихъ. Какъ работники, они рѣшительно никуда не годятся, и все хорошее, что можетъ быть сказано о нихъ, сводится къ тому, что „они по крайней мѣрѣ не будутъ имѣть такого парализирующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хоть смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ“ *). Конечно, никогда не будутъ они гонителями, никогда мракобѣсами, никогда идеалъ мертвой жизни не станетъ ихъ идеаломъ, никогда они не ударятъ лежачаго. Въ нихъ много того, что завѣщано намъ лучшими представителями романтизма, не выродившагося, но нарождавшагося,— много уваженія къ личности человѣка, несомнѣнно честное, любовное и братское отношеніе къ ней... Но въ то же время какъ просто и легко ихъ осмѣять, назвать, напримѣръ, гамлетизированными поросятами или какимъ-нибудь другимъ одинаково эффектнымъ терминомъ,

*) Добролюбовъ, т. I, стр. 423.

Digitized by Google

поставить надъ ними крестъ и счесть всѣ разсчеты поконченными. Думаю однако, что это неправильно, такъ какъ исторія не имѣетъ права съ пренебреженіемъ отбрасывать отъ себя подлинные свои документы; герои же пьесъ Чехова несомнѣнно подлинные документы, къ тому же это не окаменѣлости самодовольства и самоудовлетворенія,—это, повторяю, люди тоскливаго исканія.

Теперь почти не говорятъ о болѣзняхъ воли. Десять, пятнадцать лѣтъ только объ этомъ въ сущности и говорили. Всѣ вопросы вырожденія сводились преимущественно къ вопросу о вырожденіи воли. Жаловались на скуку, усталость, утомленіе, на отсутствіе желаній, на децентрализацію личности—растерянность ея мыслей, противорѣчивость ея настроеній и ихъ капризность. Это и у насъ, и на Западѣ. Искали жизненнаго элексира для излѣченія новой такой страшной болѣзни, и думали найти его въ полномъ индивидуализмѣ, который, освободивъ личность отъ всѣхъ общественныхъ и семейныхъ узъ и обязанностей, облегчитъ ея земную юдоль, сбросивъ съ ея усталыхъ плечъ такую во-истину тяжелую ношу. Этотъ индивидуализмъ въ крайнемъ своемъ выраженіи, напримѣръ, въ философіи Ницше, былъ въ сущности крикомъ отчаянія по тому всесильному и всемогущему человѣку, герою, Uebermench'у, который пришелъ бы и отнялъ твою волю, всю цѣликомъ, безъ остатка, и повелъ бы за собой, все равно куда, лишь бы повелъ и избавилъ отъ мукъ растерянности. Это былъ крикъ раба, свыкшагося и сжившагося съ своими цѣпями до такой степенн, что считалъ ихъ частью себя, которому какъ будто внезапно сняли цѣпи и пустили на волю, и, проклиная упавшія цѣпи

Digitized by Google

и бывшаго господина, рабъ умѣлъ просить... только новыхъ цѣпей и новаго господина...

Превосходно представлены въ пьесахъ Чехова на память людямъ болѣзни воли и крайняго индивидуализма въ пьесахъ Чехова.

VI.

По богатству и разнообразію содержанія, по глубинѣ затронутыхъ психологическихъ мотивовъ лучшей пьесой сборника я считаю „Дядю Ваню“. Дядя Ваня типичнѣйшій изъ героевъ Чехова. Онъ нейрастеникъ, онъ слабоволенъ, онъ талантливая натура, онъ неудачникъ, онъ, наконецъ, рабъ. *Кому*, зачѣмъ отдалъ онъ свои силы, свои способности, свой умъ, на кого истратилъ свой запасъ чувства и *зачѣмъ* онъ сдѣлалъ все это—вотъ вопросы драмы, скромно названной „сценами“.

Разсказать содержаніе сценъ очень трудно: въ нихъ переплетаются нѣсколько интригъ, изъ которыхъ каждая могла бы послужить матеріаломъ для отдѣльной драмы. Выдѣлю лишь то, что относится къ главному герою — дядѣ Ванѣ, да и то передамъ возможно коротко.

Дядя Ваня, вмѣстѣ со своей племянницей Соней, управляетъ собственнымъ имѣніемъ на началахъ полнаго самоотреченія; онъ отказываетъ себѣ рѣшительно во всемъ, даже самомъ необходимомъ, усчитываетъ каждую копейку, каждый пукъ соломы, каждую ложку коноплянаго масла, потому что деньги нужны мужу его умершей сестры (отцу Сони), великолѣпному профессору Серебрякову, человѣку большой начитанности, осиноваго ума, дубоватыхъ чувствъ, самодовольному

Digitized by Google

дятлу своей спеціальности, который въ данную минуту гоститъ въ имѣніи, страдаетъ подагрой и изводитъ всѣхъ своими жалобами и капризами—больше же всего свою вторую жену Елену Андреевну, молодую красавицу. Совсѣмъ безнадежно влюбленъ въ нее бѣдный неудачникъ дядя Ваня. Чудной въ художественномъ отношеніи сценой открывается второе дѣйствіе пьесы, и я съ удовольствіемъ привелъ бы его цѣликомъ, но, сберегая мѣсто, ограничусь лишь разговоромъ великолѣпнаго профессора со своей молодой женой:

Серебряковъ. Когда я постарѣлъ, я сталъ себѣ противенъ. Да и вамъ всѣмъ должно быть противно на меня смотрѣть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости такимъ тономъ, какъ будто всѣ мы виноваты, что ты старъ.

Серебряковъ. Тебѣ же первой я противенъ.

(Елена Андреевна отходитъ и садится поодаль).

Серебряковъ. Конечно, ты права. Я не глупъ и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старикъ, почти трупъ. Что жъ? Развѣ я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сихъ поръ живъ. Но погодите,—скоро я освобожу васъ всѣхъ. Недолго мнѣ еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряковъ. Выходитъ такъ, что, благодаря мнѣ, всѣ изнемогли, скучаютъ, губятъ свою молодость, одинъ только я наслаждаюсь жизнью и доволенъ. Ну, да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучилъ!

Серебряковъ. Я всѣхъ замучилъ. Конечно.

Елена Андреевна [сквозь слезы]. Невыносимо! Скажи, что ты хочешь отъ меня?

Digitized by Google

Серебряковъ. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, такъ замолчи. Я прошу.

Серебряковъ. Странное дѣло: заговоритъ Иванъ Петровичъ или эта старая идіотка, Марья Васильевна,— и ничего,—всѣ слушаютъ, но скажи я хоть одно слово, какъ всѣ начинаютъ чувствовать себя несчастными. Даже голосъ мой противенъ. Ну, допустимъ, я противенъ, я эгоистъ, я деспотъ, — но неужели я даже въ старости не имѣю нѣкотораго права на эгоизмъ? Неужели я не заслужилъ? Неужели же, я спрашиваю, я не имѣю права на покойную старость, на вниманіе къ себѣ людей?

Елена Андреевна. Никто не оспариваетъ у тебя твоихъ правъ [окно хлопаетъ отъ вѣтра]. Вѣтеръ поднимается, я закрою окно... Сейчасъ будетъ дождь. Никто у тебя твоихъ правъ не оспариваетъ.

Серебряковъ. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть къ своему кабинету, своей аудиторіи, къ почтеннымъ товарищамъ,— и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, очутиться въ этомъ склепѣ, каждый день видѣть тутъ глупыхъ людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, люблю успѣхъ; люблю извѣстность, шумъ, а тутъ—какъ въ ссылкѣ. Каждую минуту тосковать о прошломъ, слѣдить за успѣхами другихъ, бояться смерти... Не могу! Нѣтъ силъ. А тутъ еще не хотятъ простить мнѣ моей старости.

Елена Андреевна. Погоди. Имѣй терпѣніе: черезъ пять-шесть лѣтъ и я буду стара.

Не правда, ли превосходно выдержанная сцена, послѣ которой съ какимъ-то ужасомъ спрашиваешь себя: какъ, да неужели же такому истукану, такому бездушному истукану, который къ тому же глупъ и не отъ подагры даже, а просто волею Божіей глупъ,—отдаютъ свои силы,

Digitized by Google

свою жизнь и Елена Андреевна, и дядя Ваня, и Соня? Да что это за притча такая, что за навожденіе? Гипнозъ! Но изъ трехъ рабовъ только дядя Ваня, какъ рабъ по преимуществу, подверженъ ему; остальные отъ него въ большей или меньшей степени свободны. Тутъ большая психологическая загадка.

Наконецъ, великолѣпному профессору приходитъ въ голову мысль, что ему надо отправиться на новое лѣченіе, такъ какъ въ деревнѣ таланты его остаются втунѣ. Не колеблясь, онъ задумываетъ продать имѣніе и созываетъ для объясненія своей воли семейныхъ. Происходитъ центральная сцена всей пьесы, одна изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ современнаго драматическаго репертуара.

Войницкій (дядя Ваня). Постой. Мнѣ кажется, что мнѣ измѣняетъ мой слухъ. Повтори, что ты сказалъ.

Серебряковъ. Деньги обратить въ процентныя бумаги и на излишекъ, какой останется, купить дачу въ Финляндіи.

Войницкій. Не Финляндіи... Ты еще что-то другое сказалъ.

Серебряковъ. Я предлагаю продать имѣніе.

Войницкій. Вотъ это самое. Ты продаешь имѣніе,— превосходно, богатая идея. А куда же дѣваться мнѣ со старухой-матерью и вотъ съ Соней?

Серебряковъ. Все это своевременно обсудимъ. Не сразу же.

Войницкій. Постой. Очевидно, до сихъ поръ у меня не было ни капли здраваго смысла. До сихъ поръ я имѣлъ глупость думать, что это имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Мой покойный отецъ купилъ это имѣніе въ приданое для моей сестры. До сихъ поръ я

Digitized by Google

былъ наивенъ, понималъ законы не по-турецки и думалъ, что имѣніе отъ сестры перешло къ Сонѣ.

Серебряковъ. Да, имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Кто споритъ? Безъ согласія Сони я не рѣшусь продать его. Къ тому же я предполагаю сдѣлать это для блага Сони.

Войницкій. Это непостижимо, непостижимо! Или я съ ума сошелъ, или... или...

Марія Васильевна. Жанъ, не противорѣчь Александру. Вѣрь, онъ лучше насъ знаетъ, что хорошо и что дурно.

Войницкій. Нѣтъ, дайте мнѣ воды [пьетъ воду]. Говорите, что хотите, что хотите!

Серебряковъ. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проектъ идеаленъ. Если всѣ найдутъ его негоднымъ, то я не буду настаивать [пауза].

Войницкій. Имѣніе чисто отъ долговъ и не растрачено только благодаря моимъ личнымъ усиліямъ. И вотъ, когда я сталъ старъ, меня хотятъ выгнать отсюда въ шею!..

Серебряковъ. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкій. 25 лѣтъ я управлялъ этимъ имѣніемъ, работалъ, высылалъ тебѣ деньги, какъ самый добросовѣстный приказчикъ, и за все время ты ни разу не поблагодарилъ меня. Все время—и въ молодости, и теперь—я получалъ отъ тебя жалованья пятьсотъ рублей въ годъ—нищенскія деньги!—и ты ни разу не догадался прибавить мнѣ хоть одинъ рубль.

Серебряковъ. Иванъ Петровичъ, почемъ же я зналъ? Я человѣкъ не практическій и ничего не понимаю. Ты могъ бы самъ прибавить себѣ сколько угодно.

Войницкій. Зачѣмъ я не кралъ? Отчего вы всѣ

Digitized by Google

не презираете меня за то, что я не кралъ? Это было бы справедливо, и теперь я не былъ бы нищимъ!

Марія Васильевна [строго]. Жанъ!

Телѣгинъ [волнуясь]. Ваня, дружочекъ, не надо, не надо... я дрожу... Зачѣмъ портить хорошія отношенія? [цѣлуетъ его]. Не надо.

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я вотъ съ этою матерью, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ... Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которыя я теперь глубоко презираю!

Телѣгинъ. Не надо, Ваня, не надо... Не могу...

Серебряковъ [гнѣвно]. Не понимаю, что тебѣ нужно?

Войницкій. Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты объ искусствѣ, но ничего не понимаешь въ искусствѣ! Всѣ твои работы, которыя я любилъ, не стоятъ гроша мѣднаго! Ты морочилъ насъ!

Серебряковъ. Господа! Да уймите же его, наконецъ! Я уйду!

Елена Андреевна. Иванъ Петровичъ, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкій. Не замолчу! [загораживая Серебрякову дорогу]. Постой, я не кончилъ! Ты погубилъ мою жизнь! Я не жилъ, не жилъ! По твоей милости, я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни! Ты мой злѣйшій врагъ!

Телѣгинъ. Я не могу... не могу... Я уйду... [въ сильномъ волненіи уходитъ].

Серебряковъ. Что ты хочешь отъ меня? И какое

Digitized by Google

ты имѣешь право говорить со мною такимъ тономъ? Ничтожество! Если имѣніе твое, то бери его,—я не нуждаюсь въ немъ!

Елена Андреевна. Я сію же минуту уѣзжаю изъ этого ада! [кричитъ]. Я не могу дольше выносить!

Войницкій. Пропала жизнь! Я талантливъ, уменъ, смѣлъ... Если бы я жилъ нормально, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій... Я зарапортовался! Я съ ума схожу... Матушка, я въ отчаяніи! Матушка!

Марія Васильевна [строго]. Слушайся Александра!

Эта сцена легко можетъ показаться читателю странной. Дядя Ваня захлебывается, говоритъ глупости и ведетъ себя какъ сумасшедшій. Но при чтеніи пьесы никакого страннаго впечатлѣнія не получается. Дядя Ваня—возмутившійся рабъ, собака, до крови выпоротая и оскалившая зубы на своего хозяина. Вся сцена—истерическій припадокъ человѣка, вдругъ почувствовавшаго всю тяжесть цѣпей и язвы, оставленныя ими на его тѣлѣ. Это мгновенный порывъ послѣ того, какъ вопросъ: „да на кого же, да на что же истратилъ я свою жизнь?“ — вошелъ въ сознаніе человѣка. И этотъ вопросъ наполнилъ его ужасомъ и злобой.

Дядя Ваня говоритъ глупости и о сюртукахъ, и о конопляномъ маслѣ, и объ отказѣ отъ имѣнія, и о выплаченныхъ долгахъ... Совсѣмъ другое его интересуетъ, и не трудно видѣть, что моментомъ, опредѣлившимъ его самосознаніе, была его неудачная любовь къ женѣ великолѣпнаго профессора. Безъ этой любви онъ продолжалъ бы зубрить статьи объ искусствѣ и питаться кашей на конопляномъ маслѣ. Но будь онъ хладнокровнѣе, онъ просто спросилъ бы великолѣпнаго профессора: „кто ты такой, чтобы всѣми здѣсь распоря-

Digitized by Google

жаться; что есть въ тебѣ кромѣ осиноваго самодовольства, что подчинило насъ?..“

Дядя Ваня—идеалистъ, сколокъ стараго идеализма съ новыми болѣзненными наслоеніями. Онъ всегда страдалъ жаждой самопожертвованія, и ему казалось, что, отдавши свою жизнь успѣхамъ науки и ихъ живому воплощенію въ лицѣ идіота Серебрякова, онъ совершитъ нѣчто существенное. Онъ до того загипнотизировалъ себя этой идеей, что ничто до самаго рѣшительнаго момента не могло даже пробудить его къ дѣйствительности. „Не правда ли, превосходный ананасъ?“ — спрашиваетъ гипнотизеръ у паціента, давая ему жевать картофельную шелуху. „О, да—превосходнѣйшій, сочный, ароматный“,—отвѣчаетъ паціентъ, съ наслажденіемъ жуя всякую дрянь... „Не правда ли, васъ заинтересовала моя послѣдняя статья о пяткѣ Венеры Милосской?“—спрашиваетъ Серебряковъ у дяди Вани... „О, да!“—и несчастный человѣкъ идетъ въ свою комнату, чтобы вызубрить статью наизусть.

Но, конечно, чтобы такъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радостно подчиниться гипнозу,— надо быть рабомъ по своей натурѣ: надо страдать и полнымъ отсутствіемъ критики (черта чисто русская) и дефектомъ воли.

Какъ и слѣдовало ожидать, сумасбродство дяди Вани закончилось однимъ взрывомъ. Правда, потомъ онъ пытался и застрѣлиться, и отравиться, но окончилось дѣло тѣмъ, что бѣдный рабъ снова согнулъ свою спину надъ конторскими счетами, утерявшими уже въ глазахъ его всякій смыслъ. Да и вся жизнь утеряла всякій смыслъ, и напрасно старается возстановить его въ заключительной сценѣ Соня — тоже экзальтированно-самоотверженная натура.

Digitized by Google

Дядя Ваня [Сонѣ, проведя рукою по ея волосамъ]. Дитя мое, какъ мнѣ тяжело! О, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело!

Соня. Что же дѣлать? надо жить! [Пауза]. Мы, дядя Ваня, проживемъ длинный, длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... [становится передъ нимъ на колѣни и кладетъ голову на его руки; утомленнымъ голосомъ]. Мы отдохнемъ!

[Телѣгинъ тихо играетъ на гитарѣ].

Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую... [вытираетъ ему платкомъ слезы]. Бѣдный, бѣдный дядя Ваня, ты плачешь... [сквозь слезы]. Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... [обнимаетъ его]. Мы отдохнемъ!

[Стучитъ сторожъ].

(Телѣгинъ тихо наигрываетъ; Марія Васильевна пишетъ на поляхъ брошюры; Марина вяжетъ чулокъ).

Соня. Мы отдохнемъ!

Занавѣсъ медленно опускается.

Digitized by Google

Надъ чѣмъ? Надъ невыплаканными слезами, надъ загубленною жизнью...

Если бы не тонъ пьесы, тонъ, въ которомъ слышатся слезы и жалость,—можно было бы всю эту пьесу принять за сатиру на самопожертвованіе. Дядя Ваня, Соня, Елена Андреевна — какіе-то дикари, питающіе своей кровью деревяннаго истукана, истекающіе уже кровью и готовые въ какомъ-то экстазѣ наносить себѣ все новые и новые удары.

Но совсѣмъ не сатиру писалъ Чеховъ, а драму, въ которой лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой его пьесѣ, отразилась вся растерянность міросозерцанія породившей его эпохи, вся глубина ея тоскливаго пессимизма и невѣрія, вся испуганность передъ дѣйствительностью — этой паутиной изъ миріады случайностей и неразгаданныхъ тайнъ.

Человѣкъ не удовлетворенъ жизнью, но онъ склонился передъ ней, потому что всякая вѣра въ себя, въ свои силы, въ возможность сдѣлать что-нибудь исчезла въ душѣ его. И онъ чувствуетъ себя слабымъ и растеряннымъ и надѣваетъ первое попавшееся ярмо, чтобы не страдать ужаснѣйшимъ изъ стаданій—муками одиночества...

Не все ли равно, какое ярмо надѣть на себя? Развѣ между однимъ ярмомъ и другимъ есть какая-нибудь разница? И чѣмъ хуже или лучше Серебряковъ другихъ Серебряковыхъ, всякой серебряковщины вообще?

Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ разсказовъ, „Крыжовникѣ“, Чеховъ говоритъ то же самое, что и въ „Дядѣ Ванѣ“: смысла жизни нѣтъ, счастья нѣтъ и не должно быть, есть что-то роковое въ торжествѣ пошлости и тупого самодовольства... но, все же, нужно добро, нужно самопожертвованіе.

Digitized by Google

Содержаніе его очень просто. Крошечный канцелярскій служитель задумалъ во что бы то ни стало стать хотя бы подъ старость помѣщикомъ—и десятки лѣтъ откладываетъ копейку къ копейкѣ. Мечталъ онъ о разныхъ сельскихъ идилліяхъ, но во всѣ его разнообразныя мечты о грядущемъ благополучіи, какъ необходимый элементъ, входилъ кустъ крыжовника. „Онъ чертилъ планъ своего имѣнія, и всякій разъ у него на планѣ получалось одно и то же: a) барскій домъ, b) людская, c) огородъ, d) крыжовникъ“. Наконецъ, блаженныя мечты осуществились... „Перемѣна жизни къ лучшему, сытость, праздность развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самомнѣніе самое наглое. Николай Ивановичъ, который когда-то въ палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ однѣ только истины и такимъ тономъ, точно министръ: „образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно; тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и даже необходимы“. Онъ былъ совсѣмъ счастливъ. Вечеромъ, когда мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовнику. Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту смотрѣлъ на крыжовникъ полными слезъ глазами, положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка и сказалъ: „какъ вкусно!“ Было жестко и кисло.

„Особенно тяжело было ночью. Мнѣ постлали постель въ комнатѣ рядомъ съ спальней брата, и мнѣ было слышно, какъ онъ не спалъ и какъ вставалъ и подходилъ къ тарелкѣ съ крыжовникомъ и бралъ по ягодкѣ. Я соображалъ: какъ, въ сущности, много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила!“

И здѣсь, въ „Крыжовникѣ“, какъ и повсюду у Че-

Digitized by Google

хова, торжество пошлости и тупого самодовольства, и тутъ счастье, заключающееся въ кругозорѣ, ограниченномъ фразами о тѣлесномъ наказаніи и собственнымъ крыжовникомъ! А что же для тѣхъ, кто больше и выше? Тѣмъ Чеховъ не даетъ счастья и предоставляетъ однѣ неудачи. Прекрасно выразился одинъ изъ его героевъ.

„— Павелъ Константинычъ,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ.., Дѣлайте добро!“

Во-истину это какой-то героическій пессимизмъ, какъ у Ибсена, какъ и у Ницше—этихъ двухъ властителей душъ 80-хъ годовъ... Добро—для добра, жертва—для жертвы подъ санкціей условнаго „если жизнь имѣетъ смыслъ и цѣль“... а то и совсѣмъ „безъ ничего“...

Съ этой точки зрѣнія я, рискуя даже утомить читателя своими постоянными отступленіями; мнѣ хотѣлось бы остановиться нѣсколько на послѣднемъ его маленькомъ разсказѣ „Дама съ собачкой“. Если бы этотъ разсказъ былъ изложенъ въ разнообразныхъ терминахъ, наши протоколисты и регистраторы изъ гг. профессоровъ непремѣнно посвятили бы ему цѣлую главу въ 126-омъ томѣ своихъ почтенныхъ, но, увы, безполезныхъ трудовъ.

Довольно поношенный уже господинъ Гуровъ завязываетъ въ Ялтѣ случайное знакомство съ нѣкоей Анной Сергѣевной, молоденькой дамой, „несчастной въ

Digitized by Google

своей семейной жизни“, и, имѣя въ виду исключительно поразвлечься, близко сходится съ ней. Когда Аннѣ Сергѣевнѣ приходитъ время возвратиться домой, въ городъ С., Гуровъ даже радъ и говоритъ: слава Богу, все кончено. Однако обрадовался онъ преждевременно. Въ Москвѣ, въ кругу своей семьи и своихъ знакомыхъ, онъ чувствуетъ себя скверно и скучно. Его куда-то тянетъ, и въ концѣ концовъ онъ начинаетъ понимать, что тянетъ его къ Аннѣ Сергѣевнѣ, которую—что для него самого совершенно неожиданно—онъ любитъ. Убѣдившись въ этомъ онъ мчится въ городъ С., безумствуетъ тамъ, и дѣло, какъ будто, улаживается на томъ, что Анна Сергѣевна будетъ пріѣзжать къ нему въ Москву. Вотъ послѣдняя сцена, которой заканчивается разсказъ:

„Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за плечи, чтобы приласкать, пошутить, и въ это время увидѣлъ себя въ зеркалѣ. Голова его начинала сѣдѣть. И ему показалось страннымъ, что онъ такъ постарѣлъ за послѣдніе годы, такъ подурнѣлъ. Плечи, на которыхъ лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Онъ почувствовалъ состраданіе къ этой жизни, еще такой теплой и красивой, но, вѣроятно, уже близкой къ тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, какъ его жизнь. За что она его любитъ такъ? Онъ всегда казался женщинамъ не тѣмъ, кѣмъ былъ, и любили онѣ въ немъ не его самого, а человѣка, котораго создавало ихъ воображеніе и котораго онѣ въ своей жизни жадно искали, и потомъ, когда замѣчали свою ошибку, то все-таки любили. И ни одна изъ нихъ не была съ нимъ счастлива. Время шло, онъ знакомился, сходился, разставался, но ни разу не любилъ. Было все, что угодно, но только не любовь.

Digitized by Google

И только теперь, когда у него голова стала сѣдой, онъ полюбилъ, какъ слѣдуетъ, по-настоящему, первый разъ въ жизни.

Анна Сергѣевна и онъ любили другъ друга, какъ очень близкіе, родные люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ для друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ—это было чудовищно, и точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ клѣткахъ. Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоихъ...

Прежде, въ грустныя минуты, онъ успокаивалъ себя всякими разсужденіями, какія только приходили ему въ голову; теперь же ему было не до разсужденій: онъ чувствовалъ глубокое состраданіе, хотѣлось быть искреннимъ, нѣжнымъ...

— Перестань, моя хорошая,—говорилъ онъ.—Поплакала—и будетъ... Теперь давай поговоримъ, что-нибудь придумаемъ...

Потомъ они долго совѣтовались, говорили о томъ, какъ избавить себя отъ необходимости прятаться, обманывать, жить въ разныхъ городахъ, не видѣться подолгу. Какъ освободиться отъ этихъ невыносимыхъ путъ?

— Какъ? Какъ?—спрашивалъ онъ, хватая себя за голову.—Какъ?

И казалось, что еще немного—и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоимъ было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается...

Конечно, этотъ разсказъ—отрывокъ; онъ даже ни-

Digitized by Google

чѣмъ не заканчивается и его послѣднія строки только наводятъ на мысль о какой-то предстоящей жестокой драмѣ жизни. Но этотъ отрывокъ взятъ Чеховымъ изъ своего совершенно стройнаго и цѣльнаго міросозерцанія, съ высоты котораго „Дама съ собачкой“—очень характерна и значительна.

На жизнь людей, цѣлыхъ поколѣній, быть можетъ даже всего человѣчества, Чеховъ, по своему господствующему настроенію, смотритъ, такъ сказать, съ космической точки зрѣнія. За всякимъ жизненнымъ столкновеніемъ, за всякой жизненной драмой, которую онъ рисуетъ, какъ будто видится ироническій образъ таинственной и непонятной судьбы, зло смѣющейся надъ усиліями и разсчетами людей и совершающей надъ ними самые неожиданные эксперименты. Вотъ человѣкъ устроился, свободно вздохнулъ и говоритъ: слава Богу, и вдругъ что-то мрачное и грозное надвигается на его жизнь и переворачиваетъ все вверхъ дномъ, и съ тоской и недоумѣніемъ смотритъ вокругъ себя несчастный въ безпомощномъ раздумьѣ, не зная и не понимая, откуда же все это. Довольно случайной встрѣчи, какого-нибудь разговора, даже одного слова въ разговорѣ, и прахомъ разлетается тщательно выстроенное зданіе людского благополучія.

Издатель „Русскаго Богатства“ г. Михайловскій,—онъ же и критикъ журнала,—не разъ упрекалъ Чехова за случайный выборъ темъ, за то, что Чехову рѣшительно все равно, что ни описывать,—льва въ клѣткѣ, убійство ребенка, картину привольной степи, случайную ссору двухъ незнакомыхъ людей. Такіе упреки говорятъ лишь о критической проницательности уважаемаго издателя, но, къ сожалѣнію, большаго непониманія даже проявить невозможно. Въ глазахъ Чехова слу-

Digitized by Google

чай въ человѣческой жизни превращается въ необходимость, и нѣтъ ровно ничего случайнаго, потому что все случайно. Возьмите такое происшествіе, какъ разрушеніе Помпеи, за полчаса до котораго цѣловались влюбленные, или лиссабонское землетрясеніе, остановившее какую-нибудь дьявольскую интригу, или что-нибудь въ томъ же родѣ, такъ же мало зависящее отъ воли человѣка, какъ погода или солнечное затменіе, распространяютъ вліяніе такого рода событій, меньшихъ по размѣру и объему, но и безчисленныхъ за то, на всю жизнь, прослѣдите ихъ могущество, ихъ трагическія послѣдствія, и вы получите міросозерцаніе Чехова. Наше земное существованіе для него—калейдоскопъ, вырисовывающій драму за драмой. Дѣвочкѣ хочется спать, а ребенокъ, котораго она нянчитъ, мѣшаетъ ей, и съ просонокъ она его душитъ. Бродяга земли русской встрѣчаетъ на почтовой станціи чудную дѣвушку и чувствуетъ—больше чѣмъ чувствуетъ—знаетъ, что онъ бы могъ полюбить ее всѣми силами своего восторженнаго духа и быть счастливымъ и что она могла бы одинаково полюбить его и также быть счастливой; но вотъ 7 часовъ утра и надо разъѣзжаться въ разныя стороны, и за этой случайной встрѣчей вы видите двѣ совсѣмъ разбитыхъ жизни. Совсѣмъ уравновѣшенный человѣкъ семьянинъ, начинающій уже сѣдѣть, давно уже вошедшій въ колею мѣщанскаго счастья, подсаживается изъ-за капризной прихоти къ хорошенькой незнакомкѣ—и нѣтъ больше ни его мѣщанскаго счастья, ни самодовольной уравновѣшенности, а капризная прихоть превращается въ любовь и страсть.

Изъ-за чего же собственно люди борются и страдаютъ, что заставляетъ ихъ радоваться? А между тѣмъ постоянная безплодная борьба утомляетъ, духъ устаетъ

Digitized by Google

отъ порывовъ, которымъ нѣтъ исхода въ жизни, стыдъ за свое безсиліе овладѣваетъ человѣкомъ,—онъ не можетъ обдумать, разсчитать, устроить ничего. Онъ не можетъ ничего и найти. И вообще, нужно ли искать что-нибудь. Не успокоиться ли на томъ, что жизнь пустая и глупая шутка, надъ которой не стоитъ даже и задумываться. Пусть идутъ день за днемъ, завтра и вчера, пусть люди встаютъ и ложатся съ тѣмъ же недоумѣніемъ и тѣмъ же непониманіемъ, тѣми же безтолковыми заботами, тѣмъ же томительнымъ ожиданіемъ случайныхъ катастрофъ въ тѣ дни, когда война или градъ на другомъ концѣ свѣта дѣлаетъ богатыми однихъ и выбрасываетъ на мостовую тысячи тысячъ голодныхъ людей... Не все ли равно. Вѣдь самаго дорогого—свободы, знанія, счастья—намъ не дано. Великое и малое, глупое и разумное, честное и безчестное свалится черезъ столько-то дней, часовъ и минутъ въ ту же могилу. Отъ жизни, отъ всѣхъ ея впечатлѣній, отъ всей борьбы, порывовъ, ненужныхъ страданій—не останется ничего. Les peuples travaillent pour le feu. Стоитъ ли въ такомъ случаѣ искать, томиться, не проще ли махнуть рукой и сказать, какъ уже давно это сказано:

„Близъ солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ,
Живетъ двуногій звѣрь некрупнаго сложенья.
Живетъ сравнительно еще немного лѣтъ
И думаетъ, что онъ вѣнецъ творенья;
Что всѣ сокровища еще безвѣстныхъ странъ
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него реветъ въ часъ бури океанъ.
И борется звѣрекъ съ судьбой насколько можно,
Хлопочетъ день и ночь о счастіи своемъ,
Съ разсчетомъ на вѣка устраиваетъ домъ...
Но вѣтеръ на него пахнулъ неосторожно,—
И нѣтъ его... пропалъ и слѣдъ...“

Digitized by Google

Но Чеховъ все же не во власти своего пессимизма. Какъ это ни странно, но мнѣ онъ представляется сатирикомъ. Его пессимизмъ чисто умственный, корень котораго въ мышленіи, а не въ настроеніи, въ своеобразномъ пониманіи рода человѣческой жизни и тѣхъ то насмѣшливыхъ, то трагическихъ каверзъ, которыя устраиваетъ съ ней судьба. Но тамъ же и источникъ его сатиры,—сатиры не по адресу отдѣльнаго человѣка, а по адресу всей жизни вообще, въ которой люди играютъ какую-то странную и обидную для ихъ самомнѣнія роль. Это, если хотите, точка зрѣнія одного изъ величайшихъ умовъ Европы—Свифта. Вѣдь что въ сущности говорилъ Свифтъ людямъ? Онъ тведилъ имъ, что они очень крикливы и безпокойны; думаютъ, что совершаютъ великія дѣла, а между тѣмъ они лилипуты, весь флотъ которыхъ Гулливеръ уводитъ въ плѣнъ однимъ пальцемъ. Далѣе онъ твердилъ, что напрасно они считаютъ себя прекрасными, что въ сущности они безобразны и даже отвратительны, если посмотрѣть на нихъ болѣе проницательнымъ взглядомъ, чѣмъ взглядъ человѣка, и что въ концѣ концовъ лошади куда лучше ихъ. Такое пониманіе дѣла нисколько не исключаетъ любви и гуманности и всѣхъ другихъ хорошихъ чувствъ, но странность остается странностью и вызываетъ какое-то обидное недоумѣніе. Ну, какъ объяснить, напр., что какой-нибудь осиновый колъ въ образѣ профессора умѣетъ окружить себя хорошими людьми, заставить этихъ хорошихъ людей самоотверженно служить себѣ всю жизнь, тратить на себя эту чужую всю жизнь, не давая ей не только распуститься, но и отдохнуть. А вѣдь тутъ скрывается драма, тутъ опустошается душа людей, и эту драму Чеховъ изображаетъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеніи—пьесѣ „Дядя Ваня“. И

Digitized by Google

онъ не разъ обращается къ ней, и очевидно, какъ сильно привлекаетъ его вниманіе это обидное торжество самодовольства и глупости надъ жизнью хорошихъ людей, эта ихъ обидная власть. Онъ остается сатирикомъ, но такія его сатиры кончаются трагедіей, какъ у Вольтера, Свифта или нашего Щедрина.

Гдѣ и въ чемъ выходъ изъ этого страннаго сплетенія ничтожныхъ случайностей и нальностей— Чеховъ не говоритъ. Покажетъ ли онъ намъ когда-нибудь своего Кандида, который послѣ многихъ странствованій, послѣ безсмысленныхъ приключеній, послѣ вѣры въ то, что все въ жизни разумно и прекрасно, принимается воздѣлывать свой огородъ и, оставивъ въ сторонѣ „разумное и прекрасное", тихо берется за работу—или это рѣшеніе здраваго смысла не удовлетворитъ его, и онъ—по примѣру многихъ русскихъ людей, безпокойно ищущихъ цѣли и разумности въ жизни — дойдетъ до полнаго отрицанія, какъ Тургеневъ, или до полнаго признанія, какъ Толстой въ своемъ послѣднемъ романѣ,—признанія любви, самоотверженія—я не знаю, я только внимательно слѣжу, какъ и что онъ ищетъ и какія удивительныя произведенія выростаютъ на почвѣ этого исканія. Ищетъ же онъ смыслъ жизни.

VII.

Перехожу къ „Чайкѣ". Это тоже интересная пьеса.

Въ центрѣ ея стоятъ двѣ фигуры: одна, сравнительно поддающяяся сценической обработкѣ — фигура героини Нины, наивной и экзальтированной провинціалки, галлюцинирующей славой, вѣнками, апплодисментами; другая—требующая отъ актера очень и очень

Digitized by Google

большой вдумчивости. Это фигура Треплева. Исполнитель его роли имѣетъ дѣло съ интеллигентнымъ самолюбцемъ, который много и много скрываетъ въ себѣ, очень неохотно выставляетъ напоказъ свои душевныя муки, не произноситъ ни одного монолога... Какъ бы символизируя эту черту его характера, эту стыдливость и застѣнчивость, Чеховъ заставляетъ своего героя даже застрѣлиться за сценой, а не на глазахъ зрителей.

Треплевъ—сынъ извѣстной провинціальной актрисы, которую онъ самъ очень мѣтко характеризуетъ, говоря: „Моя мать—психологическій курьезъ. Безспорно талантлива, умна, способна рыдать надъ каждой книжкой, отхватить себѣ всего Некрасова наизусть, за больными ухаживаетъ какъ ангелъ, но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенной игрой въ „Dame aux camelias“ или въ „Чадѣ жизни“, но такъ какъ здѣсь, въ деревнѣ, нѣтъ этого дурмана, то вотъ она скучаетъ, злится, и всѣ мы—ея враги, всѣ мы виноваты; затѣмъ, она суевѣрна, боится трехъ свѣчей, тринадцатаго числа. Она скупа. У нея въ Одессѣ, въ банкѣ, семьдесятъ тысячъ—это я знаю навѣрное. А попроси у нея взаймы, она станетъ плакать“.

По этой „жестокой“ характеристикѣ можно было бы подумать, что Треплевъ видитъ свою мать насквозь и очень мало ее любитъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: любитъ онъ ее страстно, но онъ до глубины души обиженъ ея постояннымъ невниманіемъ и холодностью къ себѣ. Мать забросила его въ деревню къ дядѣ, не думаетъ и даже не вспоминаетъ о немъ, если только онъ не на глазахъ у нея. Возлѣ сцены и амурныхъ приключеній сосредоточивается вся ея жизнь,

Digitized by Google

и какое ей дѣло до сына, до его неудовлетвореннаго самолюбія и тоски? Разъ навсегда признала она его человѣкомъ безъ дарованія, хотя и съ претензіями, неудачникомъ, и, какъ всякая сила, считаетъ себя въ правѣ относиться къ нему—воплощенной слабости—полупрезрительно и насмѣшливо. Каждымъ своимъ словомъ она старается унизить его, хотя дѣлаетъ это не по жестокости, а только по легкомыслію. Его страстной любви къ себѣ она какъ будто не замѣчаетъ: въ сущности такая любовь и не нужна ей, такъ какъ она не волнуетъ ее и не даетъ никакихъ сильныхъ ощущеній. И немудрено, что Треплевъ ожесточается порою, и въ одну изъ такихъ минутъ ожесточенія мы только что слышали его. Вѣдь онъ тоже „сынъ своей матери" и унаслѣдовалъ все ея самолюбіе.

„Я люблю мать,—продолжаетъ онъ,—сильно люблю; но она ведетъ безтолковую жизнь, вѣчно носится съ этимъ беллетристомъ, имя ея постоянно треплютъ въ газетахъ—и это меня утомляетъ, иногда же просто во мнѣ говоритъ эгоизмъ обыкновеннаго смертнаго; бываетъ жаль, что у меня мать извѣстная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я былъ бы счастливѣе. Дядя, что можетъ быть отчаяннѣе и глупѣе положенія: бывало, у нея сидятъ въ гостяхъ сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только одинъ я—никто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? что я? Вышелъ изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакціи независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ ни гроша, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ. Мой отецъ вѣдь кіевскій мѣщанинъ, хотя даже былъ извѣстнымъ актеромъ. Такъ вотъ, когда, бывало, въ ея гостиной всѣ эти артисты и писатели обращали на меня

Digitized by Google

свое милостивое вниманіе, то мнѣ казалось, что своими взглядами они измѣряли меня,—я угадывалъ ихъ мысли и страдалъ отъ униженія...“

Самолюбіе Треплева особенное, такъ сказать, квалифицированное. Онъ чувствуетъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ; какой-то внутренній голосъ постоянно твердитъ ему: „въ тебѣ есть силы, много силъ“, но добиться ихъ признанія онъ пока не въ состояніи: что-то роковое и стихійное повергло его въ ничтожество, затоптало его въ грязь, властно захлопнуло передъ нимъ всѣ двери, ведущія къ славѣ и счастью; онъ напрасно стучится въ нихъ: повидимому, двери заперты наглухо. Ни одно изъ двухъ діаметрально-противоположныхъ чувствъ, наполняющихъ его измученную душу,—ни честолюбіе, ни преданность не находятъ себѣ удовлетворенія. Онъ жаждетъ материнской ласки, а ему отвѣчаютъ презрительной холодностью; какъ всякій самолюбецъ, онъ ищетъ власти надъ жизнью, и вмѣсто этого жизнь властвуетъ надъ нимъ, не признавая его, не считаясь съ его волей, и идетъ своимъ ходомъ, издали маня и чаруя, быть можетъ, обманчивыми, но все же блестящими огнями.

Во что бы то ни стало онъ хочетъ „выбиться“. Какъ натура художественная, онъ обращается къ искусству, какъ самолюбецъ, онъ хочетъ произвести въ немъ полный переворотъ. Прежнія формы устарѣли, ихъ надо отбросить, какъ ветошь. Онъ не признаетъ современнаго театра съ его стремленіемъ изображать дѣйствительность и жизнь, какъ она есть. Онъ думаетъ, что жизнь надо изображать не такъ, какъ она есть въ дѣйствительности, а какъ она представляется въ мечтахъ. Онъ сочиняетъ маленькую символическую пьеску, которую и ставитъ на домашней сценѣ.

Digitized by Google

Во время представленія происходитъ маленькая характерная сцена: Треплевъ замѣчаетъ, что собранныя имъ лица (между ними и мать) начинаютъ во время представленія шептаться и болтать о постороннихъ предметахъ. Онъ выходитъ изъ себя и приказываетъ немедленно же опустить занавѣсъ и убѣгаетъ въ темень сада, чтобы выплакать это новое горе.

Но вы жестоко ошибетесь, если по всѣмъ этимъ чертамъ и штрихамъ станете считать его самолюбцемъ и только. Не столько ради удовлетворенія тщеславія нужны ему и апплодисменты, и слава, а чтобы поднять униженное свое человѣческое достоинство, чтобы быть дѣйствительно равнымъ съ равными, чтобы заслужить признаніе, что и ты—человѣкъ...

А неудачи продолжаютъ сыпаться на его бѣдную голову.

Онъ любитъ Нину, дочь сосѣда-помѣщика, наивную, экзальтированную дѣвушку, мечтающую о карьерѣ актрисы, о славѣ и апплодисментахъ. Сначала она какъ будто отвѣчаетъ взаимностью, но стоитъ только на горизонтѣ мирной и захолустной деревенской жизни появиться такому свѣтилу, какъ извѣстный литераторъ Тригоринъ, и дѣтская привязанность Нины исчезаетъ. Она ѣдетъ за нимъ въ Москву, и тамъ—старая исторія: Тригоринъ, конечно, скоро разлюбилъ ее, бросилъ, вернувшись къ прежнимъ привязанностямъ, и бѣдная дѣвочка съ ребенкомъ на рукахъ обречена на грустную участь третьеразрядной провинціальной актрисы. Здѣсь надо отмѣтить одну любопытную черту, быть можетъ, даже черточку: Треплевъ прекрасно видитъ съ самой же первой минуты, что Тригоринъ ухаживаетъ за Ниной, и что та, въ свою очередь, сильно увлекается имъ. Но онъ не думаетъ даже вступать въ борьбу за жен-

Digitized by Google

щину, безъ которой, по его же собственнымъ словамъ, онъ „не можетъ жить“. Онъ просто отстраняется, затаиваетъ глубоко въ душѣ всѣ страданія, молчитъ, избѣгаетъ встрѣчъ, даетъ всему роману дойти до конца и ничѣмъ, ничѣмъ не вмѣшивается: онъ только пробуетъ застрѣлиться, но неудачно. Отчасти онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы бороться за Нину, отчасти онъ сознаетъ себя слишкомъ уже приниженнымъ.

Онъ видитъ себя въ положеніи приговореннаго къ смерти, но хочетъ, чтобы все кончилось какъ можно скорѣе, чтобы исчезла всякая надежда. Часто въ полномъ мракѣ жизни человѣкъ находитъ больше утѣшенія и покоя, чѣмъ въ обманчивомъ, тревожномъ полусвѣтѣ...

Какъ бы то ни было, онъ остается одинъ, совершенно одинъ, и, переломивъ себя огромнымъ усиліемъ воли, принимается за работу. Онъ начинаетъ писать разсказы и повѣсти, и, какъ бы насмѣхаясь надъ нимъ, жизнь посылаетъ ему успѣхъ. Его печатаютъ, его читаютъ, о немъ говорятъ, но успѣхъ явился слишкомъ поздно, чтобы залѣчить прежнія глубокія раны. Нину онъ любитъ по-прежнему, съ тою же страстью, съ тою же преданностью, но Нина гдѣ-то далеко отъ него. Онъ, впрочемъ, слѣдитъ за нею и знаетъ даже, что въ эту минуту (4-й актъ пьесы) она въ ближайшемъ городишкѣ на постояломъ дворѣ, больная отъ горя и неудачъ, съ больнымъ ребенкомъ, почти нищая.

Нина является къ нему совершенно неожиданно, ночью. Происходитъ сцена, одна изъ самыхъ сильныхъ сценъ пьесы:

Треплевъ [растроганный]. Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовалъ: весь день душа моя томилась ужасно [снимаетъ съ нея шляпу и тальму]. О, моя до-

Digitized by Google

брая, моя ненаглядная,—она пришла! Не будемъ плакать, не будемъ.

Нина. Здѣсь есть кто-то.

Треплевъ. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдутъ.

Треплевъ. Никто не войдетъ.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здѣсь. Заприте двери...

Треплевъ [запираетъ правую дверь на ключъ, подходитъ къ лѣвой]. Тутъ нѣтъ замка. Я заставлю кресломъ [ставитъ у двери кресло]. Не бойтесь, никто не войдетъ.

Нина [пристально глядитъ ему въ лицо]. Дайте, я посмотрю на васъ [оглядываясь]. Тепло, хорошо... Здѣсь тогда была гостиная. Я сильно измѣнилась?

Треплевъ. Да... Вы похудѣли, и у васъ глаза стали больше. Нина, какъ-то странно, что я вижу васъ. Отчего вы не пускали меня къ себѣ? Отчего вы до сихъ поръ не приходили? Я знаю, вы здѣсь живете уже почти недѣлю. Я каждый день ходилъ къ вамъ, по нѣскольку разъ стоялъ у васъ подъ окномъ, какъ нищій.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мнѣ каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! Съ самаго пріѣзда я все ходила тутъ... около озера. Около вашего дома была много разъ и не рѣшалась войти. Давайте сядемъ [садятся]. Сядемъ и будемъ говорить, говорить. Хорошо здѣсь: тепло, уютно... Слышите — вѣтеръ? У Тургенева есть мѣсто: „Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ“ Я—чайка... Нѣтъ, не то [третъ себѣ лобъ]. О чемъ я? Да... Тургеневъ... „И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ“... Ничего [рыдаетъ].

Треплевъ. Нина, вы опять.... Нина!

Digitized by Google

Нина. Ничего, мнѣ легче отъ этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечеромъ я пошла посмотрѣть въ саду, цѣлъ ли нашъ театръ. А онъ до сихъ поръ стоитъ. Я заплакала въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ, и у меня отлегло, стало яснѣе на душѣ. Видите, я уже не плачу [беретъ его за руку]. Итакъ, вы стали уже писателемъ... Вы—писатель, я—актриса... Попали и мы съ вами въ круговоротъ... Жила я радостно, по-дѣтски—проснешься утромъ и запоешь любила васъ, мечтала о славѣ, а теперь? Завтра рано утромъ ѣхать въ Елецъ въ третьемъ классѣ... съ мужиками, а въ Ельцѣ образованные купцы будутъ приставать съ любезностями. Груба жизнь!

Треплевъ говоритъ ей, что не переставалъ ее любить, что любитъ ее по-прежнему. Опять призракъ возможнаго личнаго счастья мелькаетъ передъ нимъ, даже въ образѣ этой несчастной, полусумасшедшей дѣвушки! Вѣдь въ душѣ онъ добръ, безконечно добръ: онъ нашелъ бы въ себѣ силы простить случайный грѣхъ и заблужденіе, забыть прежнія муки, вдохнуть новую жизнь въ обездоленное существо.

Нина рѣшительно отказывается. Въ эту минуту она почти бредитъ:

Нина. Зачѣмъ вы говорите, что цѣловали землю, по которой я ходила? Меня надо убить [склоняется къ столу]. Я такъ утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! [поднимаетъ голову]. Я—чайка... Не то. Я—актриса. Ну, да! [услышавъ смѣхъ Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потомъ бѣжитъ къ лѣвой двери и смотритъ въ замочную скважину]. И онъ здѣсь... [возвращаясь къ Треплеву]. Ну, да... Ничего... Да... Онъ не вѣрилъ въ театръ, все смѣялся надъ моими мечтами, и мало-по-малу я тоже перестала вѣрить и пала духомъ... А тутъ заботы любви, ревность, постоян-

Digitized by Google

ный страхъ за маленькаго... Я стала мелочною, ничтожною, играла безсмысленно... Я не знала, что дѣлать съ руками, не умѣла стоять на сценѣ, не владѣла голосомъ. Вы не понимаете этого состоянія, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я—чайка. Нѣтъ, не то. Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для небольшого разсказа... Это не то... [третъ себѣ лобъ]. О чемъ я?.. Я говорю о сценѣ. Теперь ужъ я не такъ... Я уже настоящая актриса, я играю съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, пьянѣю на сценѣ и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здѣсь, я все хожу пѣшкомъ, все хожу и думаю, думаю и чувствую, какъ съ каждымъ днемъ растутъ мои душевныя силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что въ нашемъ дѣлѣ—все равно, играемъ мы на сценѣ или пишемъ—главное ни слава, ни блескъ, не то, о чемъ я мечтала, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй. Я вѣрую, и мнѣ не такъ больно, и когда я думаю о своемъ призваніи, то не боюсь жизни...

Нина уходитъ. Треплевъ бросается къ своему письменному столу, рветъ рукописи и потомъ застрѣливается. Онъ понялъ, что теперь для него дѣйствительно все кончено, такъ какъ всю свою жизнь, по примѣру дяди Вани, былъ рабомъ „никого“ и ничего...

VIII.

Въ „Ивановѣ“ мы видимъ тоже неудачника, съ тѣми чертами характера, которыя Чеховъ настойчиво придаетъ этому типу,—самоотверженностью и такимъ глубокимъ сознаніемъ своего собственнаго ничтожества и

Digitized by Google

ненужности, что оно заставляетъ Иванова застрѣлиться, какъ заставило сдѣлать то же Треплева, а бѣднаго дядю Ваню усадило за подсчетъ пшена и коноплянаго масла.

Пьеса „Ивановъ“ возбудила особенную антипатію г-на Михайловскаго, и онъ назвалъ ее „идеализаціей сѣренькой, тусклой жизни“. Въ ней, замѣчу, есть все, что угодно, кромѣ того, что своевременно указалъ г. Михайловскій.

Ивановъ—нейрастеникъ и, какъ больной человѣкъ, часто непріятенъ. Опозорить его, какъ работника, — очень легко. Когда-то, въ дни моей юности, я писалъ по поводу этого „не-героя“:

„Ивановъ не только неудачникъ, онъ, хуже того, нытикъ, который всѣмъ и каждому готовъ раскрыть душу свою и разъяснить съ полной обстоятельностью, что онъ дожилъ до полнаго равнодушія, что въ сердцѣ у него—торричелліева пустота, что онъ ничего и никого не любитъ и т. д. Ивановъ такъ много ноетъ, что мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ кажется надоѣдливымъ, и хотя всѣ говорятъ, что онъ уменъ, я—простите—рѣшительно не вѣрю этому. Дѣйствительно умный человѣкъ не станетъ ежемгновенно говорить о своей тоскѣ и своихъ страданіяхъ: онъ сумѣетъ уйти въ себя, замкнуться въ своихъ мукахъ, быть можетъ, даже уйдетъ въ монастырь, въ интеллигентную колонію, застрѣлится, наконецъ,—но не станетъ другимъ портить жизнь. Ивановъ, правда, застрѣливается, но уже въ самомъ концѣ пьесы, въ самую крайнюю минуту, передъ тѣмъ, какъ онъ сознательно готовится совершить величайшую пошлость—жениться на молоденькой дѣвушкѣ и сдѣлать ее своей сидѣлкой, — но предварительно цѣлыхъ четыре акта онъ ноетъ. О чемъ? Послушаемъ его, хотя это немножко длинно:

Digitized by Google

„У меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотьбы, онъ хотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой: взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ уѣздѣ (!) Все это, Паша, мои мѣшки. Взваливалъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула. Въ 20 лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, а къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость? Впрочемъ, можетъ быть, это не то... Не то, не то!..“

„Г. Чеховъ очень серьезно смотритъ на своего героя. Но спросите себя, не пустопорожнія ли слова говоритъ тотъ. Попробуйте изъ его монолога точно и ясно опредѣлить эти „два мѣшка ржи“, взваленныхъ на спину? „Гимназія, университетъ,—говоритъ Ивановъ,—потомъ хозяйство, школы, проекты“. Дѣйствительно, наша гимназія пудиковъ пять вѣсомъ, но „въ университетѣ, школахъ, хозяйствѣ и проектахъ“—я не нахожу ничего, объясняющаго переутомленіе и усталость. „Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ“,—продолжаетъ онъ,—но какъ именно, мы не знаемъ. „Женился онъ тоже не такъ, какъ всѣ“. Въ этомъ есть крошечная правда: женился онъ на красавицѣ-еврейкѣ, которая беззавѣтно его полюбила. Но что тутъ особеннаго? Посмотрите, однако, какъ настойчиво онъ повторяетъ, что поступалъ, думалъ, вѣрилъ и пр. *не такъ, какъ всѣ*. Слишкомъ ужъ много самолюбія въ этихъ словахъ!“

Отъ этихъ словъ я теперь отказываюсь и я бы не

Digitized by Google

повторилъ ихъ, хотя и другимъ тономъ, если бы мнѣ пришлось писать объ Ивановѣ дажекакъ о работникѣ. Но *только* съ этой мѣркой (хотя законность ея неоспорима и сегодня, и вчера, и завтра) очень трудно подходить къ героямъ Чехова: она ихъ не покрываетъ. Чехова интересуетъ прежде всего человѣкъ, а насколько онъ „общественно полезенъ и необходимъ“ — это для него „un peu du grecque“. Конечно, Ивановъ слишкомъ много ноетъ, и это непріятно. Но это объясняется его болѣзнью. Конечно, онъ съ безумной неразсчетливостью тратилъ свои средства и силы — но это простительно. Просто жаль въ концѣ концовъ эту жертву времени, жертву глухой и душной жизни.

Какъ бы то ни было, вотъ до чего дошелъ Ивановъ: „Я,—говоритъ онъ, — утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣніе идетъ прахомъ, лѣса трещатъ подъ топоромъ. Ничего я не жду, ничего мнѣ не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ... А исторія съ Сарой (женой)? Клялся въ вѣчной любви, пророчилъ счастье, открывалъ передъ ея глазами будущее, какое не снилось даже ей и во снѣ. Она повѣрила... И что же? Я разлюбилъ ее. Какъ? Почему? За что? Что же со мною? Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что сталось съ моими нервами? Стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку, какъ я становлюсь грубъ, золъ, непохожъ на себя. Просто хоть пулю въ лобъ...“ Ясно, все-таки, что у человѣка были идеалы, жилъ Богъ въ душѣ—но гдѣ они, что упразднило ихъ? Ивановъ, очевидно, переутомился. Но отчего переутомился онъ? Отттого ли, что „былъ счастливъ, какъ никто въ уѣздѣ“, оттого ли, что

Digitized by Google

слишкомъ много работалъ, устраивая школы, чиня мосты, слѣдя въ земской больницѣ, чтобы умывальники и мѣдные тазы блестѣли какъ жаръ-птица, или же, наконецъ, что увидѣлъ, какъ мала, а пожалуй и безплодна его работа? Быть можетъ, онъ ошибался, преувеличивая и малость, и безплодность своей работы,— не въ этомъ дѣло: важно, что тѣмъ или другимъ путемъ онъ пришелъ къ такому печальному выводу. А разъ человѣкъ пришелъ къ нему—пиши пропало, особенно такой человѣкъ, какъ Ивановъ, съ его огромнымъ самолюбіемъ, его несомнѣнными талантами. Не спорю: очень вѣроятно, что „Ивановъ захватилъ слишкомъ много дѣла"—но вѣдь не такое уже это большое преступленіе; его и простить можно. А „свиныя рыла", окружающія его, какъ и вообще всѣхъ героевъ Чехова, не прощаютъ. Эти „рыла" радуются, торжествуютъ, и развѣ найдетъ среди нихъ усталый, бѣдный человѣкъ хоть каплю участія?

Когда пріятель на монологъ Иванова даетъ реплику: „тебя, братъ, среда заѣла", — тотъ только брезгливо отмахивается. А напрасно. Только самолюбіе запрещаетъ принять такое объясненіе; для того же, кто хорошо знакомъ съ жизнью нашей провинціи, особенно же съ захолустьемъ, это „глупое, старое и пошлое" выраженіе „среда заѣла" не старо и не пошло. Это лишь alte Geschichte, когда, какъ говоритъ Щедринъ: „человѣкъ вылаетъ, а ему—шишъ".

Какъ бы на зло, по злой ироніи жизни, отмѣчать которую, удивительно, какъ любитъ г. Чеховъ, въ дни разыгравшейся нейрастеніи, судьба подвергаетъ Иванова одному испытанію за другимъ, онъ не выдерживаетъ и стрѣляется.

Digitized by Google

Все-таки: гдѣ же тутъ идеализація сѣренькой жизни?.. Неужели гибель Иванова—это идеализація отсутствія всякихъ идеаловъ.

IX.

Я не стану разбирать фигуры остальныхъ неудачниковъ и неудачницъ Чехова, напр., д-ра Астрова и Сони въ „Дядѣ Ванѣ“, Нины въ „Чайкѣ“, жены Иванова въ „Ивановѣ“—это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно отмѣтить лишь тотъ бросающійся въ глаза фактъ, что у своихъ героинь-неудачницъ, обрисованныхъ съ особенной любовью, Чеховъ еще рѣзче подчеркиваетъ стремленіе и способность къ самопожертвованію и ихъ готовность гибнуть безъ слезъ и жалобъ, даже безъ косыхъ взглядовъ. Въ этомъ есть героизмъ, но, разумѣется, не тотъ радостный и торжествующій героизмъ, который вселяетъ вѣру въ жизнь, рисуя въ перспективѣ побѣду, свободу и счастье, а героизмъ, выросшій въ душной и чахлой обстановкѣ, не говорящей ни о чемъ, кромѣ безконечнаго терпѣнія. О, конечно, намъ хотѣлось бы, намъ нужно совершенно другое, и Чеховъ никакъ не учитель жизни: онъ просто огромная художественная сила, въ превосходныхъ образахъ изобразившая намъ томленіе и муки своей эпохи. Нѣтъ, не о холодной крови приходится тутъ говорить, не объ идеализаціи сѣренькой и тусклой жизни, а о чемъ-то другомъ, совсѣмъ этимъ обѣимъ вещамъ постороннемъ,—объ этомъ страшномъ и пугающемъ могуществѣ „дѣйствительности“, которое въ ужасѣ и трепетѣ удержало цѣлое поколѣніе, разбило его надежды и даже лучшихъ его представителей заставило уйти самихъ въ себя или совсѣмъ отстраниться отъ жизни...

Digitized by Google

Одинъ изъ героевъ Чехова называетъ поколѣніе 80-хъ годовъ „обреченнымъ“. Это несомнѣнно взглядъ самого автора, взглядъ, который вы слышите и въ словахъ, и въ тонѣ, и въ выборѣ темъ и сюжетовъ. Люди этого поколѣнія, обреченные на рабство духа, могли или примириться со своею участью и найти даже многія рабскія радости,—первая изъ которыхъ — служеніе похотямъ своимъ, —или истратить всю силу свою на терпѣніе, — но тѣхъ и другихъ одинаково должна была преслѣдовать мысль о собственномъ ничтожествѣ и безсиліи. Какое уныніе должно было царить въ такой атмосферѣ и какъ ярко передъ мыслящимъ умомъ выступала вся безцвѣтность, вся случайность и произвольность, вся безтолковость жизни, утерявшей свою идею, свое будущее. Что, какъ не уныніе, какъ не признаніе своей обреченности слышится хотя бы даже въ этихъ вотъ, на первый взглядъ, такихъ хладнокровныхъ словахъ:

„Стихійные элементы жизни—ея главные элементы. Животный организмъ обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человѣкъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку имѣетъ часто его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности въ такихъ отвѣтственныхъ и страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая и литературная...“

Настроеніе не могло не быть „хмурымъ“, настроеніе этихъ людей, подавленныхъ непосильной работой и огромностью пошлой стороны окружающей жизни. Г. Михайловскій не разсмотрѣлъ и этого основного мотива въ сборникѣ „Хмурые люди“ и рѣшилъ, что для

Digitized by Google

Чехова жизнь—это куча бирюлекъ, откуда онъ крючкомъ своего почти механическаго творчества вытаскиваетъ то одну, то другую. Какъ на самомъ дѣлѣ все просто...

Ни одно поколѣніе не было такъ далеко отъ исторической идеи, какъ поколѣніе 80-хъ годовъ. Здѣсь столкнулись и перепутались десятки самыхъ противорѣчивыхъ настроеній и происходила грандіозная пляска мертвыхъ. Та идея, которой жили отцы и дѣды,—идея народничества и обновленія жизни мужикомъ была упразднена самимъ ходомъ жизни.

Чехова не разъ обвиняли за презрительное, а то и прямо клеветническое отношеніе къ народу, мужику. Это не такъ. Ни призрѣнія, ни клеветы. Но, конечно, онъ не идеализируетъ мужика, не относится къ нему какъ къ совершенно особой категоріи, не вѣритъ въ его обновляющую роль. Но и это его невѣріе было общимъ и оно типично, до послѣдней степени типично, какъ и все, что вышло изъ-подъ его пера. Это-то невѣріе, не замѣненное никакой другой вѣрой или просто даже признаніемъ, и создало то тоскливое ощущеніе пустоты, оно-то и заставило броситься въ область самыхъ отвлеченныхъ нравственныхъ началъ (добро для добра, самопожертвованіе ради самопожертвованія),—что лучше всего доказываетъ, какъ растерялся человѣкъ и какъ необходима ему какая-нибудь историческая нить—эта нить Аріадны, безъ которой онъ все равно затеряется въ лабиринтѣ противорѣчій.

Андреевичъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STALL STUDY

CANCELLED

CHARGE

CANCELLED

MAR 1 1978

601 05

JAN 1 0 1983

7640 51

JAN 1 0 1983

Digitized by Google

3 2044 085 527 778

Digitized by Google